ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 13 МАРТ 1987

ЧЕТЫРЕ ВЕКА ТОБОЛЬСКА

СОВРЕМЕНЕН ЛИ «СОВРЕМЕННИК»?

МУНДИР ДЛЯ ПРОКУРОРА

ПУБЛИЦИСТИКА СЕГОДНЯ — ЭТО НЕ ЦЕХОВОЕ ЗАНЯТИЕ, А ДОЛГ КАЖДОГО НЕРАВНОДУШНОГО К СУДЬБЕ СВОЕЙ РОДИНЫ ПИСАТЕЛЯ.

Валентин Распутин

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (3114)

28 МАРТА— 4 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Исполнилось пятьдесят лет писателю Валентину Григорьевичу Распутину.

Фото Э. БРЮХАНЕНКО (ТАСС)

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК

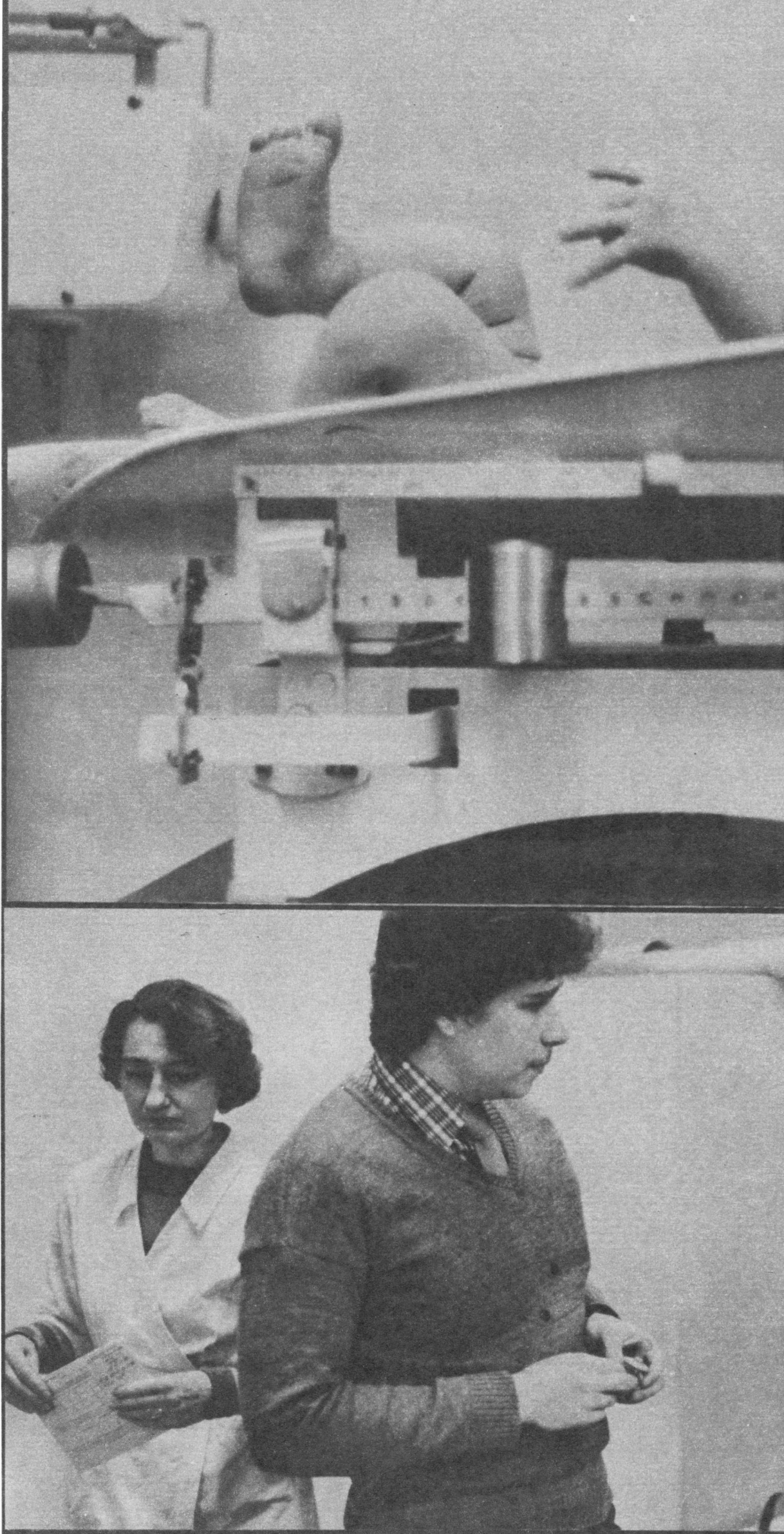
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 09.03.87. Подписано к печати 24.03.87. А 00345. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 660. Заказ № 234.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕРЕЖИ ФОКИНА

«ОГОНЕК» ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗ О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ. СЕРЕЖЕ МЕСЯЦ И ПЯТЬ ДНЕЙ. МЫ НЕ ВИДЕЛИ ЕГО ДВЕ НЕДЕЛИ, ЗА ЭТО ВРЕМЯ ОН ЗАМЕТНО ОКРУГЛИЛСЯ.

Я И СЕМЬЯ

ВИЗИТ К ДОКТОРУ

Новелла **ИВАНОВА**,
фото Геннадия **КОПОСОВА**

В доме появились детские медицинские весы, которые отец малыша взял на время у приятеля, когда поднялась паника — Сережа голодает! Для паники, как выяснилось, основания были: из-за мастита груди Ира, не выдержав боли, решила прикармливать сынишку «тутели» — финским заменителем грудного молока.

И тут веское слово было сказано участковым детским врачом. Он увидел Сережу на вторые сутки после приезда из роддома и, как положено, приходил в эту квартиру первые две недели жизни малыша через день. «Спасибо нашему доктору! Это он научил меня, как залечить грудь, чтобы сохранить молоко, и теперь наш парень просто в нем купается!» — говорит Ирина.

Вот тебе и на! Оказывается, ее, медсестру, работавшую в детской больнице, надо было убеждать в необходимости грудного вскармливания малыша! Но из разговора с молодой мамой стало ясно, что ни в женской консультации, ни в роддоме ей никто не разъяснил самого главного — что материнскому молоку нет ни естественных, ни искусственных аналогов.

Вместе с семьей Фокиных мы идем сегодня в детскую районную поликлинику на первый прием к врачу. Дима Фокин по этому поводу отпросился на несколько часов с работы. Наблюдая за ним, всякий раз поражаюсь, как ловко, а главное, с какой охотой этот двадцатидвухлетний отец управляется с малышом. Положив Сережу животиком на тахту, он подставил свой кулак под крохотные пятки сына и командует: «Ну, Сергуня, покажи, как ты ползешь!» Сергуня ткнулся лицом в простынку, раз, другой и... пополз!

— Дима, а не вредны ему эти упражнения?

— В самый раз! Я с врачом советовался!

Вот такой он обстоятельный и умелый, молодой папа, мне даже показалось, что отцовские чувства в нем пробудились раньше, нежели в Ирине проснулась мать. Спрашиваю у нее — так ли это? Она улыбается: «Верно! Едва ночью Сережа закряхтит — Дима первый проснется и толкает меня в бок: «Пора кормить!»

Итак, мы отправляемся в детскую поликлинику номер сорок три. До нее десять минут ходьбы. У дверей — вереница колясок. Сразу видно — сегодня «грудничковый день». Ирине вручают больничную карту, заведенную на Сергея Дмитриевича Фокина, и мы пристраиваемся в очередь к врачу 11-го участка. Коротая время, беру интервью у мамы с полугодовалой дочкой на коленях. Довольна ли она врачом и какие есть проблемы? Людмиле Головиной 25 лет, и дочку растит она одна — муж ушел вскоре после ее возвращения из роддома, а родители живут в другом го-

Окончание см. стр. 4, 5.

БОЛЬ ЕГО И НАДЕЖДА

«ОГОНЕК» ПОЗДРАВЛЯЕТ В. Г. РАСПУТИНА С ЮБИЛЕЕМ И ПРИСВОЕНИЕМ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

Владимир СОЛОУХИН

Фото Павла КРИВЦОВА

Валентина Распутина можно считать и счастливейшим и несчастливейшим человеком.

Счастливейшим потому, что, одаренный огромным литературным талантом, а также целеустремленным сибирским, воистину железным характером, он вошел в литературу как бы без видимых усилий. Шагая по ступеням своих повестей (одна лучше и выше другой), он стал виден со всех концов света: к нему пришла мировая известность.

Сколько раз приходилось замечать, как после опубликования произведения или книжки стихов литератор мельтешит, суетится, рассылает десятками экземпляры своей книжки критикам, в редакции газет, звонит по телефону, чтобы хоть словечко написали где-нибудь о его книжке. Не спрашивал, но убежден, что Валентин Распутин не сделал за всю жизнь ни одного такого звонка. Все пришло к нему само, как и его — повторим — огромное литературное дарование. Для Распутина его повести и есть его поведение, а его поведение — это его повести. Ну прибавим сюда еще его блестящие очерки, статьи, общественные устные выступления, как, скажем, на последнем съезде писателей СССР. Ничего лишнего, пустопорожнего, мелкотравчатого. Все в цель, в точку, в дело и ради дела.

А дело выпало горькое, трудное. Потому и несчастливейший. Велико ли счастье смотреть почти беспомощно, как терзается родная мать, а потом отдавать ей последний поклон и последнее целование.

Термины «деревенская проза», «писатели-деревенщики» появились у нас в шестидесятые—семидесятые годы, хотя русская литература всегда обращалась к деревне, к «мужику», к его жизни и чаяниям. Я думаю, что Иван Сергеевич Тургенев с «Записками охотника» получил бы теперь название писателя-деревенщика. Толстой тоже ведь много писал о крестьянах. Не говорим уж о поэте Некрасове.

Однако то, что понимается под деревенской прозой, явление, конечно, современное. Оно вызвано состоянием нынешней российской деревни. Тысячи и десятки тысяч деревень, объявленных «неперспективными», исчезают с лица земли, а место, где они стояли, запахивается тракторами. И уже ничто не напоминает о том, что здесь на протяжении веков жили люди. Разве только жирная крапива, если место еще не успели запахать.

А ведь русская деревня — категория не только социальная, не только экономическая, но и духовная. Процесс исчезновения прежней российской деревни, ее нынешней эволюции породил целую литературу о ней, целую плеяду замечательных русских писателей. Сюда, к этому ряду, нужно отнести Александра Яшина с его «Вологодской свадьбой», Федора Абрамова, Михаила Алексеева, Бориса Можаева, но особенно Василия Белова, Виктора Астафьева и Валентина Распутина. Эти люди, родившиеся в старой деревне, выросшие в ней, помнящие, какой она была, прощаются, в сущности говоря, с родной матерью.

Обратите внимание на название некоторых произведений этих и других писателей: «Кануны»— Василий Белов, «Последний поклон» — Виктор Астафьев, «Последний срок», «Прощание с Матерой» — Валентин Распутин, «Последняя хата»—Борис Екимов, «Сороковой день»— Владимир Крупин.

А тут подоспела еще одна, не менее горькая, проблема родной природы, родной земли.

Поспешная, из года в год, из десятилетия в десятилетие тотальная рубка лесов, в том числе изведение знаменитых сибирских кедровников, засорение всех сплавных рек топляком, затопление уникальных донских виноградников ежегодно протухающим до густоты зеленой масляной краски

Цимлянским морем (и тем самым еще и порча флоры и фауны Азовского моря), обмеление Аральского моря, превращение почти всех крупнейших рек, начиная с Волги, в цепочку стоячих луж, а тем самым и обезрыбливание их и уничтожение обширных травостойных, цветущих пойм, истощение ценнейших российских черноземов...

И развертелось маховое колесо: давай, давай! Мало! Не те масштабы. Реки текут не туда. Сибирские реки повернуть на юг (затопив при этом территории, превышающие Францию), североевропейские реки повернуть на юг...

И вот дошла очередь до Байкала.

Уникальное озеро. Жемчужина не только нашей страны, но и всего земного шара. Я видел, будучи в одной европейской стране, как там в магазинах продают в бутылках воду из горной шведской реки. Что ж, я бы лично предпочел такую воду «Нарзану» или «Боржоми». Думается, если бы пустить байкальскую воду на внутренний и мировой рынок, греби, как говорится, деньгу лопатой. Но кто же в мире купит теперь хоть бутылку байкальской воды? Все знают, что в Байкал два химических комбината сбрасывают свои отходы... А рядом было еще одно прекраснейшее создание природы — красавица Ангара.

И вот две боли, две жалости, два гнева — за мать-деревню и за мать-природу — слились воедино в золотом сплаве, порожденном талантом Распутина.

Когда в пятидесятые годы наши литераторы забили тревогу о состоянии деревни и вышли на арену Овечкин, Троепольский, Тендряков, Радов, Дорош, Можаев, был в их произведениях социально-экономический аспект. Да и у Федора Абрамова — тоже. Белов, Астафьев, Распутин — исследователи третьей (не основной ли?) ипостаси деревни — ее духовности.

В повестях у Распутина множество действующих лиц, а в эпицентре повествований женщины: Мария, Анна, Анастасия, Дарья. Случайно ли? Не замечали ли вы, дорогой читатель, что духовная активность нынче — это приоритет женщины? Зайдите на любую выставку живописи, в концертный зал, на театральное представление, всюду семьдесят, а то и больше процентов — женщины.

В повестях Распутина духовность и бездуховность, сталкиваясь в обостренных жизненных ситуациях, говорят на разных языках, совсем не понимают друг дружку.

Вот пришла бригада (мужики с топорами) уничтожать деревенское кладбище в Матере. Начали крушить ветхие уже кресты. У них приказание. Кто и что им помешает? И вдруг откуда ни возьмись, старухи.

«...Приступом шла на мужика Дарья. Он попятился, ошеломленный ее страшным, на все готовым видом...

— Поганая твоя душа! Могилы зорить... А ты их тут хоронил? Отец, мать у тебя тут лежат? Ребяты лежат? Не было у тебя, поганца, отца с матерью. Ты не человек...

— Да отцепись ты, бабка... мне приказали, я делаю. Нужны мне ваши покойники...

— И руки не отсохли. Откуль такие берутся? Ослобонить от их землю. Она спасибо скажет...

— Мы-то что?! Вы поймите. Нам дали указание, привезли сюда. Мы не сами...»

Подоспевший к месту происшествия председатель сельсовета успокаивает людей.

«— Вот стоит товарищ Жук, он из отдела по зоне затопления. Он этим занимается и объяснит вам. Товарищ Жук — лицо официальное».

Жук объясняет:

«— Товарищи! Тут с вашей стороны непонимание. Есть специальное постановление,— знал Жук силу таких слов, как «решение, постановление, установка»...

Но он и люди Матеры говорят на разных языках.

«— Ты арапа не заправляй... К кладбищу боле не касайтесь. А то я берданку возьму...

— Да они что?!— Жук, побледнев, обернулся за помощью к Воронцову.— Они, кажется, не понимают... Не желают понимать. Они что, не в курсе, что у нас происходит?»

Может быть, жители Матеры, старухи, чего-то и не понимают по сравнению с пришлыми людьми, но все ли понимают и пришлые люди, и товарищ Жук из того, что понимают эти старухи?

Конечно, кладбище все равно снесли, конечно, Матеру дом за домом жгут, чтобы очистить место под затопление. Доходит очередь до избы Дарьи. Завтра сожгут и ее избу.

И вот Дарья вдруг взялась мыть, белить, красить избу.

«Не обмыв, не обрядив во все лучшее, что только есть у него, покойника в гроб не кладут — так принято. А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабку, в которой сама она прожила всю без малого жизнь, отказав ей в том же обряженье? Нет, другие как хотят, а она не без понятия. Она проводит ее как следует. Стояла, стояла, христовенькая, лет, поди, полтораста, а теперь все, теперь поедет».

Где же это понять человеку бездуховному, которому что ни скажи, он все и сделает. Церкви ли рушить, кедровники ли рубить, отравлять ли байкальскую чистоту...

У одного из поджигателей проснулась в душе капля добра и жалости к Дарье.

«— Слышь, бабка, сегодня еще ночуйте. На сегодня у нас есть чем заняться. А завтра все...»

После этого Дарья про себя рассуждает:

«—Э-эх, до чего же мы все добрые по отдельности люди и до чего же безрассудно и много, как нарочно и все вместе, творим зла!»

Каково обобщение!

Напомним и повторим. Эта, так сказать, акция, этот поступок Дарьи — принарядить и покрасить избу перед ее сожжением — есть поступок не социальный, не экономический, не практический, не хозяйственный, но чисто духовный. Вот почему мы и сказали, что Валентин Распутин из трех ипостасей российской деревни разрабатывает и исследует ее третью ипостась, а именно ее высокую и глубокую духовность...

Что же встает взамен затопляемой Матеры? Новый поселок, куда переселяют ее жителей. Но место под поселок определили наспех (как удобнее строителям, а не будущим жителям), распланировали его наспех. Глазами сына Дарьи Павла мы видим этот поселок.

«Надо, значит, надо, но в этом «надо» он понимал только одну половину, понимал, что надо переезжать с Матеры, но не понимал, почему надо переезжать в этот поселок, сработанный хоть и богато, красиво, домик к домику, линейка к линейке, да поставленный так не по-людски и несуразно, что только руками развести. И когда, собираясь вместе, маракуя, что к чему, старались догадаться мужики, зачем, по какой такой причине надо было относить его за пять верст от берега моря, которое разольется здесь, и заносить в глину да камни, на северный склон сопки, ни одна, даже самая веселая отгадка в голову не лезла. Поставили — и хоть лопни... Объяснение простое: не для себя строили, смотрели только, как легче построить, и меньше всего думали, удобно ли будет жить... Рассказывают, что даже начальник ГЭСстроя, ставившего новые поселки, приехав и посмотрев, что это за град заложен, будто бы выматерился и признал, что, будь его воля, он ни за что бы не постоял, а перенес поселок куда следует. Но нет, дело уже было сделано, деньги угроханы, и деньги немалые, изменить что-то стало невозможно».

Вспомним раннюю повесть Валентина Распутина «Деньги для Марии».

В деревеньке много месяцев уже не работает магазин, потому что нет продавщицы. Людям даже за солью и спичками приходится ехать за двадцать верст в другой населенный пункт. И вот выбор — кого сделать продавщицей — падает на Марию.

«...Председатель сельсовета пришел к ним сам. Он знал, чем их пронять, и стал говорить о том, что надо же кому-то... выручать деревню, которая уж измаялась без магазина, и Мария для этого самый подходящий человек.

Мария понимала, что деревню и правда надо кому-то выручать, и, сложив на коленях руки, уже не качала головой, как в начале разговора, а только молча, со страдальческим выражением слушала председателя; она страдала оттого, что и отказываться дальше казалось нехорошо, и согласиться было страшно».

Казалось бы, почему не отказаться, если продавщица не твоя профессия, если не хочешь, боишься? Потому что — совесть. Потому что — надо выручать деревню.

И Мария в конце концов соглашается.

Ну потом, конечно же, ревизия. Конечно же, недостача у Марии (не потому, что она жулик, а потому, что добра, неумела, потому, что ее обманули другие жулики), и вот — недостача, угроза суда и неизбежно — тюрьма.

Вся остальная повесть состоит из того, как муж Марии Кузьма ездит по родственникам и знакомым, пытаясь найти деньги и погасить задолженность. Тогда не будет тюрьмы. Но денег этих Кузьма собрать не может. Он плывет и тонет в ледяном море равнодушия, безразличия, душевного отупения людей. Измученному безнадежностью Кузьме снится сон. Будто идет колхозное собрание, на котором обсуждается вопрос о деньгах для Марии. Под аплодисменты председатель вносит предложение пересчитать людей в зале и разделить 1000 рублей (задолженность Марии, из-за которой придется идти в тюрьму) на количество людей. Выходит на каждого по четыре рубля и сорок копеек.

«— Чего там — по пять рублей на брата,— округляют сразу несколько голосов.

И вот стол, за которым сидят Кузьма и Мария,— уже не стол, а ларь, и в него со всех сторон... падают деньги. Через пять минут ларь полон. Мария не выдерживает и плачет, и слезы, как горошины, падают на деньги...»

Но страшно пробуждение ото сна. Потому что денег по-прежнему нет, и никакого собрания не состоится, и никто денег для Марии не соберет. «Одна за всех — получилось, все за одну — позор!» — с извинениями — но очень уж к месту приходится — цитирую собственную стихотворную строку. А где-то в глубине сознания шевелится мыслишка, что если бы такая ситуация в прежней Матере, да ударили бы в набат, собрали людей на сходку, да всем-то миром... Неужели бы не выручили Марию? В Матере бы выручили, а в современной деревне, в новом ли поселке — каждый сам за себя. Организм распадается на клетки, деревня превращается в населенный пункт, народ превращается в население.

Об этом — последняя повесть Распутина «Пожар». Там ударили в набат, да поздно...

Не место доказывать текстологически, но показать при возможности очень не трудно, что огромное количество нашей прозы — это не художественное письмо, а пересказ содержания. Не написать рассказ, а письменно пересказать его содержание, не написать роман, а письменно пересказать его содержание. И лишь немногие художники, немногие настоящие мастера — пишут. Один из этих немногих мастеров — Валентин Распутин. Дело в том, что настоящая художественная проза — это та, которую невозможно пересказать. Ее нужно только читать. Поэтому, когда необходима статья о такой прозе, когда необходимо показать другим людям, как она хороша, приходится выписывать и выписывать из нее, другого выхода нет.

Как пересказать главу из «Прощания с Матерой», где чужие люди, присланные произвести очистку острова под затопление, пытаются справиться с древней и могучей лиственницей, которую местные жители обиходно именовали в мужском роде «листвень» и даже «царский листвень». Это дерево было символом острова. Можно только посоветовать перечитать эту главу, которую и самому мужественному человеку невозможно читать без спазм в горле.

Ну, правда, это на какой стороне находиться. Как мы уже видели в сцене на кладбище, две стороны могут совсем не понять друг дружку.

Можно сожалеть, горевать, даже плакать о дереве («плакала Саша, как лес вырубали»), а можно иначе:

«Тот, что шел первым, с маху, пробуя листвень, стукнул обухом топора о ствол и едва удержал топор, с испугом отдернув голову,— с такой силой он спружинил обратно.

— Ого!— изумился мужик.— Зверь какой! Мы тебе, зверю... У нас дважды два четыре. Не таких видывали».

Потом они и обливали листвень бензином, жгли его, пробовали бензопилой, а он не поддавался и не поддавался.

Это уже не просто символ, это эпос. Только в эпосе каждый народ, не имея возможности сопротивляться чему-либо, победить что-либо, освободиться от чего-либо реальными силами, придумывал сверхсилу, суперсилу: богатырей, мечи-кладенцы, коньков-горбунков. В реальной действительности, конечно же, бригада из пяти умельцев с топорами и пилами, да еще и канистрой бензина не могла не повалить листвень. В повести Распутина он эпически, сказочно выстоял и уцелел.

«Низкие, затухающие дымы ползли по острову; желтела, как дымилась, стерня на полях с опаленными межами; выстывали луга; к голой, обезображенной Матере жалась такая же голая, обезображенная Подмога.

Один выстоявший, непокорный «царский листвень» продолжал властвовать надо всем вокруг. Но вокруг него было пусто».

Может быть, многого не понимают люди, которые болеют за красоту земли, за ее целостность, за красоту искусства, созданного народом. Но все ли понимают те, кто не считается с этой красотой,— как те, кто пришел с топорами, так и те, кто их прислал.

В самом деле, двадцатый век, НТР, а они со своими речушками, озерами. Подумаешь — листвениица. Дерево. Мало, что ли, деревьев вокруг?

Точно так же ведь рассуждают и защитники химкомбинатов на Байкале. Подумаешь — озеро. Химическая продукция людям нужна. Точно так же рассуждают, скажем, и защитники Щекинского химкомбината, вытравившего деревья в Ясной Поляне. Подумаешь — Ясная Поляна. Не конфетки делаем, а химические вещества. Подумаешь — деревья в Ясной Поляне. Надо будет — насадим новые.

Точно так же рассуждают и «градостроители», пробивающие через города, по «живому мясу» проспекты да эстакады. Подумаешь — старинное здание, подумаешь — старый храм, старый хлам... Раскрутилось колесо, рушит и рушит...

Таких писателей, как Валентин Распутин, таких своих сыновей народ и рождает для того, чтобы не забыть своего прошлого, трезво оценить настоящее и не потерять надежды на будущее.

ВИЗИТ К ДОКТОРУ

Начало на стр. 1.

роде. Конечно, забот и проблем много! Врач и медицинская сестра очень к ней внимательны, но главная помощница — соседка по квартире. У той двое детишек, и без ее помощи и советов Люда просто не справилась бы с материнством. Но недавно ее опытная помощница сама зашла в тупик. Заболели дети, она взяла бюллетень, а потом ей пришлось каждые три дня бегать в поликлинику и выстаивать очереди к врачу и заведующей, чтобы продлить справку, которую прежде давали сразу после выздоровления ребенка.

— Спрашивается, во имя чего это нововведение? Ведь это та же самая справка, но теперь ее надо постоянно заверять и обновлять!

Разговор поддержала Александра Дугина, 35-летний оператор ЭВМ, мать троих детей:

— Об участковом враче я тоже могу сказать только добрые слова. Но вот беда — у него нет возможности по-настоящему помочь семье! Знаете ли вы, что существует правило не давать отцам бюллетень по уходу за больным ребенком, если мать здорова? Муж работает в нескольких местах, чтобы содержать нашу ораву, и считайте, что я уже три года одна с детьми: сыну 11, дочке 4, а младшему сынишке 3 года. Пришла беда — заболели сразу двое младших. Нет ни бабушек, ни дедушек, и я выбилась из сил. Пришла к врачу и прошу: дайте нашему папе бюллетень! Он сочувствует: я бы с удовольствием, да не могу — есть инструкция Минздрава давать бюллетени только мамам. Он посоветовал пойти за разрешением к главврачу. Я пошла и говорю: у меня трое детей, помогите! В ответ услышала: мол, и без того государство тратит на вас большие средства. Ушла в слезах...

Дугину пригласили к врачу. За ней в кабинет вошли мы впятером и, чтобы сразу все стало ясно, сказали, что мы не дедушка с бабушкой, а два журналиста, которым есть о чем побеседовать с врачом. Молодого доктора Александра Герасимова наше заявление не обескуражило. «Вот и отлично! Я сам готов прийти к журналистам, да нет времени, а поговорить есть о чем!»

Сережу тем временем раздели, взвесили. Врач, взяв его за ручки, заставил потопать. Сережа оглушительно вопит, но перебирает ножками, как положено нормально развивающемуся младенцу.

Дима беспокойно допытывается: все ли в порядке, что за «шарик» на ручке сына? Врач уже углубился в записи, а медсестра Базарова, помогая одевать малыша, объяснила родителям, что все в норме, а «шарик» — противотуберкулезная прививка, сделанная в роддоме, и дальше пойдут другие прививки, о которых им расскажут. Родителей вместе с Сережей отправляют в «комнату здорового ребенка», а мы задерживаемся для беседы.

— Вы у нас в спокойный «грудничковый день», когда приходит на прием всего человек двадцать,— начал беседу Герасимов.— А зайдите к нам в обычный день — тут, как на Казанском вокзале! Бывает до 50 пациентов. Ну и еще вызовы — до 40 в день, так что нагрузка сумасшедшая. Нам приходится работать на две или полторы ставки. И вовсе не из-за жадности, хотя врачам платят мало. Главное — не хватает врачей-педиатров. Вы видели сами, как молниеносно прошел прием Сережи Фокина. А ведь полагается на каждого малыша полчаса, и если по-хорошему, то я или Альбина должны были показать родителям приемы массажа. Мы пробовали отводить ребенку положенное время — не вышло. Бумага, писанина — вот что съедает наше драгоценное время. Видите тома на моем столе? Это истории болезни обыкновенных детишек, а не хроников тяжелых. Спрашивается, откуда у двухлетнего пациента набрался том, а то и два? Ведь у нас, педиатров, как у учителя Шаталова, есть своя «опорная сигнальная система». Три главных ее показателя, когда речь идет о новорожденном,— как он сосет грудь, состояние кожи и пупка. Альбина пыталась ввести сокращенные записи и получила нагоняй. Ей было сказано: пиши, как все, а не то придет проверка и...

Спрашиваю у Герасимова, почему все-таки мужу многодетной Дугиной не дали бюллетень?

— Я хорошо знаю эту семью и, была бы моя воля, дал бы его со спокойной совестью. Но таких прав у меня нет. А они нам сегодня необходимы! Мы, участковые врачи, обязаны хорошо знать семьи своих пациентов, и нам должно быть дано право решать, кому давать бюллетень, а не оглядываться на инструкцию.

Ну, а что думает Герасимов о «новинке» — справках, которые мать должна теперь продлевать каждые три дня? Тут мнение нашего собеседника было категоричным — сие затрудняет жизнь всем: матери, которой не с кем оставить больного ребенка, врачу, который и без того загружен писаниной, и руководству

‘БЫЛА БЕЗ РАДОСТИ ЛЮБОВЬ...’

LA VIE CULTURELLE

Un texte exclusif de l'Internationale de la résistance

Que Gorbatchev nous donne des preuves

Скоро из Парижа в Москву приедет выставка к столетию большого художника Марка Шагала: он возвращается домой, а с домом он не порывал никогда, ибо письменно и устно, всем творчеством тянулся к Родине и судьбе ее постоянно.

Почти одновременно с первыми сообщениями о приближении этого события, промелькнувшими в мировой прессе, одна из самых известных и самых антисоветских буржуазных газет Европы, парижская «Фигаро», опубликовала в марте письмо группы бывших советских граждан, решивших объединиться в так называемый интернационал Сопротивления.* Кому они сопротивляются? Перестройке в СССР, именно ей! Не случайно письмо опубликовано под заголовком «Пусть Горбачев предоставит нам доказательства». С какой стати страна или ее руководители должны предоставлять доказательства если уж не кому попало, то, во всяком случае, людям, не имеющим с нами ничего общего, в письме не сказано. Зато есть такое вот утверждение: «Нам стало известно, что советские представители вступали в контакт с некоторыми видными деятелями культуры, живущими в эмиграции, предлагая им вернуться «домой», словно бы речь шла о блудных детях, обещая, что «прошлое будет забыто»...» Так вот и сказано, включая иронически закавыченное слово «домой».

И вправду интересно, кого это там заманивают?

Начиная писать статью, я спросил у людей, причастных к разрешениям на эмиграцию из Советской страны и на иммиграцию в нее:

— Правда ли, что вы активно разыскиваете за рубежом видных деятелей культуры, уехавших из СССР, уговариваете их возвратиться, сулите златые горы?..

— Ложь,— ответили мне.— Мечтательная заграничная брехня. Ни внутри страны, ни вне ее никто никого не упрашивает. Особенно теперь. Одна из примет нашей перестройки именно в том, что каждый должен сделать собственный выбор. Да и зачем упрашивать, кого? Попросту на Западе сложилась категория бывших советских граждан, набивающих себе цену подобными разговорами. А между тем они с предельной ясностью сделали свой выбор, уехав, а мы — попрощавшись с ними...

Способность человека к определению географической точки на земном шаре, где будет ему лучше всего, чаще всего связана с необходимостью политического самоопределения. Нынче — время великой четкости и точного знания. Многие годы мы внушали сами себе и другим, что лишь моральный урод и бездарность может отказаться от мышления нашими с вами категориями, не принимать социализма и его норм. Все оказалось куда сложнее. И чужая — запрограммированная на вражду к нам — принципиальность подчеркивает великую необходимость наших с вами определенностей, четкость духовного, идейного выбора. Что поделаешь, у нас немало врагов, в том числе врагов умных и ненавидящих нас от всей души. В период открытости, который мы отстаиваем и утверждаем, необходима открытость, откровенность каждого с собою самим. И необходима откровенность с противниками. Новое мышление напоминает нам, что прошли времена, когда противоречия разрешались исключительно на полях военных сражений. Но война за души не утихает; есть в этой войне убитые, раненые, пленные и дезертиры.

...Очевидно, это не только мое личное мнение — человек должен иметь возможность наизаконнейшим путем осуществлять свое право на уход, на выезд из страны, которая ему не мила. Думаю, что и Советская страна не исключение в этом смысле; соблюдая ее законы, немало людей за последний десяток лет покинули наши города и веси—в поисках другой судьбы, не похожей на складывавшуюся дома. Уехав, они ведут и чувствуют себя по-разному: одни привыкают, другие нет, одни просят о возвращении, другие растворяются в иностранных людских океанах.

Зарабатывают они на жизнь тоже по-разному, каждый поскорее старается уйти на круги своя, делать то, к чему привык дома, чем был жив. Поэтому пишут книги и пишут доносы, помогают друзьям и предают их, строят или разрушают дома — никто решающим образом не может перемениться, уйдя из недавнего своего дома взрослым, сформировавшимся человеком. Многие из тех, кто привык лгать дома, сочиняя или инсценируя революционные тексты вопреки собственным убеждениям, ищут применение так ярко развившемуся таланту — и подчас находят. Я, к примеру, воспринял как заведомую ложь попытки упомянутого письма поставить за образец Советской стране Южную Африку и Сальвадор. Уж на таком-то уровне конъюнктурщины можно держаться на Западе, сформировавшись в качестве конъюнктурщика дома. И все-таки обидно, что именно эти люди — мы ведь знали некоторых из них — ушли, стали противниками, а кое-кто и активным врагом. Это — как порез на душе: увидеть вчерашнего знакомца в чужом окопе.

Среди подписавших письмо в «Фигаро» есть люди, чьи имена в

* Текст письма помещен в газете «Московские новости» № 13, март 1987 г.

поликлиники, которое вынуждено справки формально визировать.

Слушаю энергичного, молодого педиатра, и напрашивается вопрос: а не пора ли найти новую форму медицинского обслуживания в детских поликлиниках?

— Новое искать не надо. Лучше вернуться к тому хорошему, что было. А были прежде детские консультации, в которых наблюдались дети от новорожденных до трех лет. Это группа с наибольшим фактором риска заболевания — ребятишки иногда болеют дважды в месяц, а то и чаще. Теперь, когда мы в поликлинике обслуживаем от новорожденного до 15-летних, мы не имеем возможности сосредоточиться на самом важном возрасте, когда профилактика важнее лечения!

Честно признаюсь, я не думала, что за первым визитом Сережи Фокина к врачу сразу же последует мой поход в Минздрав СССР, хотя повод для этого был. После первого репортажа, в котором мы рассказали, как в старейшем московском роддоме появился на свет мальчик Сережа, пришло несколько писем, авторы которых приводили примеры того, с какими беспорядками они столкнулись в иных родильных домах. Захватив эти письма, я отправилась в Минздрав, к сотрудникам Главного управления лечебно-профилактической помощи матерям и детям. Однажды они уже помогли мне получить ответ на трудный вопрос: сколько стоит то, что... ничего не стоит? Имелись в виду затраты системы здравоохранения на рождение одного ребенка. Как выяснилось, они были немалые — более тысячи рублей. Однако в письмах, которые пришли в редакцию, совершенно справедливо говорилось о том, что, несмотря на такие затраты, обслуживание в иных роддомах такое, что впору задать вопрос — правильно ли расходуются эти средства?

«Мы с женой живем в районе Очаково нашей столицы. Отзывы о нашем экспериментальном роддоме № 3 не очень лестные, и знакомые посоветовали свезти жену в роддом № 25 на Ленинградском проспекте. Я так и поступил и был разочарован. Вы пишете, что на ребенка полагается 28 пеленок. А жена говорит, дай бог, чтобы три или четыре в день давали! А халаты, в которые их одели? Рванье! Из окна можно только одну голову показать. В этом роддоме на 45 малышей приходится одна няня! А обслуживание какое? Я разговаривал с женой через окно, а рядом было окно родовой палаты. Там стоять было невозможно. Крик: «Подойдите хоть кто-нибудь!». Кошмар! Нет уж, давайте честно во всем разберемся, без очковтирательства. Ведь такое происходит в Москве. А как на периферии?» — написал Владимир Потехин.

С периферии пришли такие письма:

«Я мать двоих детей, мне 31 год. У меня было трое родов и рожала не где-нибудь в селе, а в Киеве, в роддоме имени Лурье на бульваре Шевченко и в роддоме номер 8 на Севастопольской площади. Товарищи, кому нужна «бесплатная» застиранная, разорванная рубаха, которую меняют раз в неделю?! Уж лучше заплатить любые деньги, но знать, что ты будешь окружен заботой и вниманием»,— считает М. М. Лебедева.

Застиранное, разорванное белье,— может быть, это мелочи? Я убеждена: нет, не мелочи. Но почему же такое происходит? Или об этом в Минздраве не знают? Оказывается, знают, хорошо знают. Мне объяснили, что каждый год здесь выделяются денежные фонды на приобретение белья родильными домами, но «Госплан по 86-й год не обеспечивал фонды тканями».

Замкнутый круг — денежные фонды есть, но нет пеленок и халатов. Кто и когда, наконец, решится разорвать этот круг? Наш вопрос мы задаем руководству Минздрава и Госплана СССР.

Второй вопрос, который я задала сотрудникам управления, оказался не легче первого.

Почему все-таки отцам заболевших детей стараются не давать бюллетеня? Мне показали инструкцию ВЦСПС и Наркомздрава СССР (судя по названию, основы этого важного документа были заложены в очень давнее время!) о порядке выдачи соцстраховских больничных листов. В инструкции записано: «ПРИ ЗАБОЛЕВАНИИ РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ДО 2-х ЛЕТ БОЛЬНИЧНЫЙ ЛИСТОК ВЫДАЕТСЯ МАТЕРИ, НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, ИМЕЕТСЯ ЛИ ДРУГОЙ ЧЛЕН СЕМЬИ, СПОСОБНЫЙ УХАЖИВАТЬ ЗА БОЛЬНЫМ РЕБЕНКОМ». А затем я ознакомилась с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик, где в статье 42 по тому же поводу даны разъяснения, я записала их дословно: «...МАТЬ ИЛИ ДРУГОЙ ЧЛЕН СЕМЬИ, УХАЖИВАЮЩИЙ ЗА РЕБЕНКОМ, МОЖЕТ ОСВОБОЖДАТЬСЯ ОТ РАБОТЫ С ВЫПЛАТОЙ ПОСОБИЯ ПО СОЦИАЛЬНОМУ СТРАХОВАНИЮ В УСТАНОВЛЕННОМ ПОРЯДКЕ». Попробуй-ка разберись! Закон утверждает, что бюллетень может получить каждый член семьи, а инструкция, составленная на его основе, отдает предпочтение только... матери! Налицо расхождение формулировок, и оно-то порождает письма, которые Минздрав постоянно получает от разгневанных отцов. А не пора ли покончить с этим разночтением и привести инструкцию в полное соответствие с положением дел в семье? Нынче оно такое, что включение отца в процесс выхаживания больного ребенка сможет сыграть воспитательную роль: ведь не для кого не секрет, что отцы чаще всего устраняются от этой нелегкой заботы, тогда как уход за малышом крепче соединит родителей и поднимет в глазах отца главную ценность семьи — ребенка! А чтобы безответственные родители не злоупотребляли бюллетенями, в новой инструкции, над которой сейчас работает ВЦСПС, должно быть оговорено право лечащего врача решать, кому его давать, а кому и нет.

Со мной не спорили. Со мной соглашались. Сегодня здесь, в нашем главном медицинском штабе страны, настроены на пересмотр давних устаревших положений. А как быть с «новинкой» — пресловутой справкой, которая повязала руки врачам и родителям? Увы, ее считают пока что полезным нововведением. И вот какие были выдвинуты в ее защиту аргументы. Прежде, когда родители получали справку «оптом» сразу на десять и более дней, врач не мог контролировать, как родители проводят лечение, и потому вовремя он не мог принять меры, если болезнь затянулась. Теперь же есть контроль и над родителями, и над врачом!

Не знаю, как воспримут аргументы педиатры и родители, которые прочитают эти строки, но мне больше по душе предложение доктора Герасимова, который, кстати, предлагает также расширить права, а значит, и поднять ответственность детского участкового врача, вернуться к прежним детским консультациям. И снова со мной соглашались. И даже было сказано, что уже рассматривается вопрос о необходимости таких консультаций.

СССР мало кому известны. Думаю, что известными и не станут уже. Но есть несколько подписей узнаваемых, еще памятных. К примеру — Юрия Любимова, режиссера, немало сделавшего в советском театре, но затем предавшего этот театр, бросившего труппу в трудный момент ее судьбы; труппа трудно оживала и ожила уже без него.

Подписал письмо и Василий Аксенов. Жаль, что, начав на Западе с откровенно слабых сочинений (писателя без читателей, увы, не бывает), он ударился в наемное политиканство, причем до черного дна, до радио «Свобода»... А ведь был неплохим прозаиком. Кстати, он-то отлично знает — выбалтывая сегодня на бумаге и по радио все, что запомнил из разговоров с бывшими московскими приятелями,— что, будь на дворе тот самый тридцать проклятый год, многих бы передергали по его наветам. Но времена не те. Да и страна не та. («Наш великий президент»,— говорит Аксенов о Рейгане в февральском номере «Вашингтон пост». Есть у него нынче президент, к тому же «великий»...)

Как правы философы, сказавшие, что бытие определяет сознание! Как элементарно регулируются поступки тем, что научно зовется «социальный фактор», а практически — тезисом эмигрантской экономической географии «Дальше ехать некуда» или простейшим до вульгарности «Кушать хочется...». А, честно говоря, если б позвали авторов письма в «Фигаро» домой — возвратились бы? Наверное, и вправду ни за что. Иначе нельзя объяснить, почему люди, выросшие у нас в стране и хорошо знающие ее, так чудовищно и кощунственно лгут, говоря, к примеру, в «Фигаро» о школьниках наших, чью жизнь-де «можно только сравнить с дрессировкой гитлеровской молодежи».

Понимаешь, насколько унижающей может быть чужая ложь. Причем обидно становится и за страну, и за себя, и за то, что жили среди нас небесталанные люди, писали, ставили спектакли, а затем ушли насовсем, сделали именно такой выбор — от нас и против нас.

Все изложенное — скорее комментарий к поступку, чем статья о конкретных персонах. Причем комментарий в журнале, пытающемся делать для перестройки все, что возможно. Сейчас время выбора, и, наверное, естественно, что с такой определенностью выясняется, кто с нами, а кто против нас. Историчность сегодняшнего момента и в особенной серьезности разговора о грехе предательства. Подписавшие письмо в «Фигаро» откровенно отказываются быть с народом, родившим их, в сегодняшнее трудное и честное время. Выбор сделан.

Человек имеет право на выбор; должен иметь. Когда я думаю, что вся история Советской страны — это история сделанных нами со всей определенностью выборов, то утверждение этого правила кажется мне одной из основ силы. Октябрь был выбором, подтвержденным огромным большинством населения восставшей страны. Выбор этот разделили далеко не все — и в этом тоже были закономерность и справедливость. Из России ушли миллионы несогласных с ее новой судьбой — мало кто из них возвратился. Не приняв народной доли на крутом ее повороте, они растворились в заокеаньях и зарубежьях — будто ушли сквозь зеркало, в котором отразилось обновляющееся лицо страны.

Выбором были трудные пути обновления жизни — когда кроваво платили за каждую из побед, когда головокружение от успехов приводило порой к поражениям. Можно бы, да не стоит в таком разговоре, вспомнить о двадцатом партийном съезде, о том, как мы отстаивали правду свою, утверждали собственный выбор и еще четче поляризировали общество. Конъюнктурщикам становилось труднее и труднее, сегодня им вовсе невыносимо. Сегодня с нашим-то опытом знакомства с публикой сорта «чего изволите» — до чего же забавно слышать конъюнктурные вздохи из-за границы, от вчерашних правдолюбов-профессионалов, отряхнувшихся и оглядевшихся уже на свободе (на «Свободе»?).

И—несколькими словами—нельзя не напомнить (хотя бы потому, что в письме нас упрекают этой памятью) о величайшем из всенародных советских выборов — выигранной Великой Отечественной. И тогда, впрочем, не весь народ избрал путь победителей; были предавшие, были те, кто бежал, чтобы спастись, оправдать постыдность тогдашнего своего выбора.

Хоть есть даже памятники совершившим преступный выбор. В кладбищенской церкви на знаменитом подпарижском кладбище в Сан Женевьев де Буа установлено символическое надгробие с надписью: «Жертвам выдачи 1 июня 1945 года на Драве и Ленце 37 генералам, 2605 офицерам и 29 тысячам казаков». Это были говорившие по-русски генералы и офицеры фашистской армии, во всяком случае, те, кто стал на сторону фашистов. Их выдали победителям — проигравшие должны были оплатить свой выбор.

Кладбище в Сан Женевьев де Буа странно—там французские могилы перемешаны с русскими, а неподалеку от кладбищенской церкви русских могил побольше. На их надгробьях фамилии, многие из которых заметны и памятны: Урусов, Львов, Кшесинская, Юсупов, Рябушинский, Куракин, Лорис-Меликов, Лобанов-Ростовский... Высятся часовенки, памятнички: «Генералу Врангелю, чинам конницы и конной артиллерии», «Генералу Корнилову и всем корниловцам», «Генералу Дроздовскому и всем дроздовцам». Счета покойным нет; иные из них лежат в, так сказать, братских могилах, кое-кто безымянно; земля в центре Франции дорога — чужая земля... В конце концов люди рождаются на единственной своей планете, уходят в нее и далеко не у каждого земля, по которой он делает первый шаг, похожа на землю, уходящую из-под ног в последний раз. Наверное, и это личное дело каждого, осуществленное право на выбор: как распорядиться собственной жизнью и как отнестись к Родине. Но, кроме личного права выбора, имеющегося у каждого из нас, имеет немилосердное право выбора и Родина, осуществляется непрестанный суд, которым жизнь определяет место любому из нас: в памяти ли, в реально ли существующем мире...

Время и память четки до жестокости. Существует такое понятие, как продолжительность жизни, но существует еще и продолжительность смерти, о чем не все помнят и не всегда. Возвращаются к нам уведенные из жизни насильственно и несправедливо поэты, художники, полководцы. Ведь самое страшное изгнание — это из народной души, а они ему никогда не подвергались. Зато так и не возвратились к нам те, кто, уходя, разорвал собственную связь с народной судьбой: даже если жизни их были дóлги, продолжительность смерти куда дольше — до Страшного суда, до бесконечности.

Мы возмужали именно в борьбе, в одолении противостояний народному выбору. К нам приходят. От нас уходят. Против нас борются, и разделение здесь не только лишь, далеко не только по национальному признаку. Речь идет о приятии и неприятии революционных изменений в судьбе народа — а нынешняя перестройка революционна,— о желании посвятить себя народному выбору или противостоять ему.

Очень жаль, что от нас уходили люди талантливые, репутациями и дарованиями расплатившиеся за тупиковость собственного выбора. И тем не менее все это поучительно. Поучительна жизнь, поучительна смерть — в том числе смерть политическая и творческая.

Валентин АЛЕКСЕЕВ

«По существу, прокладка «Третьего кольца» является реализацией давно устаревших планов развития города 1935 года, не учитывающих современных требований к охране памятников истории и культуры, охране среды обитания человека».

(Из заявления, принятого на собрании историко-патриотического клуба «Преображенец» 21 декабря 1986 г.)

«Исполняется 150 лет со дня гибели гениального русского поэта А. С. Пушкина. В связи с проведением дней памяти поэта, объявленных в нашей стране, мы считаем необходимым обратиться в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Советский фонд культуры со своим призывом почтить память Александра Сергеевича Пушкина созданием на его родине, в Москве, мемориальной историко-архитектурной заповедной зоны. А. С. Пушкин родился и до 12 лет жил в Немецкой слободе, расположенной рядом с Лефортово, Елоховой и Басманной слободами, с которыми тесно связана история родни поэта».

(Призыв студентов Щепкинского училища г. Москвы 8 января 1987 г.)

«Предлагаемый для заповедной зоны район своей историей уходит в глубь веков и тесно связан со становлением Российского государства. Здесь был своеобразный центр Москвы на рубеже XVII—XVIII веков. Здесь впервые начали воплощаться градостроительные идеи, получившие затем дальнейшее развитие при строительстве Петербурга».

(Из письма, подписанного на пленуме Союза кинематографистов 21—22 января 1987 года в Доме кино, г. Москва (всего 101 подпись).)

«В 1986 году, несмотря на многочисленные протесты специалистов и общественности, остатки Немецкой слободы были уничтожены: именно здесь ГлавАПУ пробивает скоростную 3-ю кольцевую внутригородскую автомагистраль».

(Из письма участников народных хоров 11 января 1987 г.)

«Обращаемся с просьбой о немедленном прекращении строительства 3-го кольца автомагистрали на участке Спартаковская площадь — Лефортово и создании Пушкинской историко-архитектурной заповедной зоны, включающей Немецкую, Елохову, Басманную слободы и Лефортово».

(Из обращения участников вечера поэзии на Кузнецком мосту, 11, состоявшегося 9 января 1987 года. Москва.)

...Перегруппировка техники завершилась, когда уже наступили сумерки. Выведенные на ударные позиции тяжелые машины глухо рокотали хорошо прогретыми двигателями. По сигналу вспыхнули прожекторы, и техника, лязгая гусеницами, грохоча, ринулась в наступление на небольшой двухэтажный дом. В тот же момент к зданию направилась группа горожан. Они заняли дом и не покидали его даже тогда, когда тяжелая шар-баба стала ощупывать прочность старинной кладки. Скрежеща моторами, механизированная армада вынуждена была отступить...

ТУПИК ТРЕТЬЕГО КОЛЬЦА

Владимир ПОТРЕСОВ
Фото Игоря ФЛИСА

Это не репортаж с театра военных действий — так москвичи отстаивали уникальный памятник архитектуры второй половины XVIII века, палаты Щербакова, которые подлежали сносу в связи со строительством 3-й кольцевой автомобильной магистрали, так называемого кольца «В».

Не было, вероятно, в Москве еще стройки, которая обсуждалась бы так горячо, как создание кольца «В» на участке от Бакунинской улицы до шоссе Энтузиастов. Вообще эта дорога строится давно, уже более десяти лет эксплуатируются отдельные ее участки. Задача создаваемой магистрали состоит в том, чтобы разгрузить Садовое кольцо, освободить от транспорта центр столицы.

Конечно, количество машин год от года увеличивается, многие магистрали исчерпали свои пропускные ресурсы, и строительство новых дорог — дело хорошее. Однако, по мнению ряда специалистов, в самой идее создания новой кольцевой дороги заложена ошибка.

Так называемая радиально-кольцевая система московских улиц складывалась веками. Бульварное, Садовое кольца столицы появились на месте древних укреплений. Сейчас градостроители считают, что перспективным направлением развития городских магистралей является «хордовая» система, которая позволяет разгрузить от транспорта центр, снизить шум и загазованность исторических районов города, а кольцевая система уже не оправдывает себя.

Можно было бы дискутировать о преимуществах той или иной системы решения транспортной проблемы, если б в процессе строительства Третьего кольца не было запланировано уничтожение одного из уникальных в историческом отношении районов.

...Эксцентричный характер Петра I не принимал полумер. Став единовластным правителем, он решил не перестраивать Белый город, а превратить Немецкую слободу, расположившуюся на берегу Яузы, в новый центр Москвы. В конце XVII — начале XVIII века здесь создавались удивительные по тем временам архитектурные ансамбли: дворцы Лефорта, генерал-адмирала Головина, «военная гошпиталь», которые позже были переосмыслены в шедеврах Петербурга. Левая сторона Яузы, где Лефорт построил дома-светелки для солдат своего полка, где возник госпиталь и церковь Петра и Павла, получила название Лефортово. На протяжении последующих десятилетий замечательными дворцами и особняками застраиваются дороги, ведущие в Немецкую слободу и Лефортово, создаются дворянские гнезда по берегам Яузы — реки, которая когда-то привлекала Петра I как начало водного пути из Москвы в Петербург.

Таким образом историко-архитектурный центр столицы оказался вытянутым на северо-восток. В создании ансамблей нового центра участвовали выдающиеся архитекторы: Растрелли и Бланк, Казаков и Кваренги, позже Жилярди, затем Бондаренко, Даль, Машков. К сожалению, далеко не все памятники дошли до нашего времени, изменился неузнаваемо облик Немецкой слободы и Лефортова, смещены зрительные акценты. И все же остались здесь уголки истинно московские, которые, однако, в скором времени могут быть сметены строительством новой кольцевой магистрали.

Историческая застройка московского центра, сохраняющая наиболее интересные памятники старины, составляет всего около семи процентов территории города! Представляется дикостью, что именно это пространство потребовалось для прокладки автомобильного кольца. Можно было бы спорить, доказывать необходимость сохранения того или иного здания, если б не было, как говорится, альтернативы. Но дело-то в том, что магистраль, разрушив один из интереснейших районов Москвы, не даст городу ничего.

— Давайте посчитаем,— предлагает заместитель председателя президиума МГО ВООПИК С. В. Королев,— максимальная «производительность» Садового кольца 4—5 тысяч машин в час, примерно столько же сможет пропускать кольцо «В». Учитывая скорость роста транспорта в городе, уже к 1995 году новая магистраль захлебнется. А если при этом представить темпы создания кольцевой магистрали — например, 2,5 километра от Рижской эстакады до Бакунинской улицы строились более восьми (!) лет,— то может случиться, что трасса станет никому не нужной еще до завершения строительства.

— Какие же решения транспортной проблемы представляются эффективными?

— Более перспективными являются хордовые магистрали. Однако и такое решение не свободно от недостатков. Для Москвы необходимо, видимо, создать несколько центров, в которые будут вынесены государственные и культурные учреждения, оставить в покое исторический центр. Однако для этого проектировщикам надо отказаться от средневековой радиально-кольцевой схемы, перестроить свое мышление.

Процесс этот непростой. Сейчас строители с завидным проворством сокрушили историческую застройку остатков Немецкого рынка, широкая проплешина будущей трассы протянулась от Бакунинской улицы до берега Яузы. Сиротливо выглядят на этой пустой полосе палаты Щербакова, те самые, которые удалось отстоять энтузиастам.

Рядом, почти на самой новой трассе «в Новонемецкой слободе у гошпиталского мосту в приходе церкви Богоявления Господня», находится священное место: дом, где родился Александр Сергеевич Пушкин. Общественность требует увековечения этого дорогого для каждого человека места, создания здесь историко-архитектурной заповедной зоны. Кстати, сейчас на месте родного дома поэта стоит безобразный куб предприятия, производящего школьные завтраки...

Подобралась разрушающая техника и к «гошпиталскому», ныне Госпитальному мосту, созданному почти полвека назад на месте старого, кирпичного. Ожидается, что через Яузу будет перекинута шестирядная эстакада, по которой новая трасса, сея на своем пути разрушения, прокатится через Лефортово.

— Откровенно говоря, я не собирался отстаивать старину своей родной Немецкой слободы,— рассказывает учитель изобразительного искусства школы № 24, что неподалеку от Яузы, Григорий Михайлович Стриженов,— считал это занятие делом гиблым.

Однако Стриженов оказался среди тех, кто «занял» палаты Щербакова во время наступления строительной техники, вместе с такими же молодыми москвичами реально слышал, как тяжелая шар-баба глухо пробует стены старинного здания. Но не покинул его, пока не отступили строители, не было принято решение о сохранении памятника.

— Понимаете,— продолжает Григорий Михайлович,— решается судьба еще одного уникального уголка Москвы: быть ему или не быть. Когда весной прошлого года я пришел к ребятам, отстаивающим палаты Щербакова, мною владела еще такая мысль: вот я учу детей понимать прекрасное, и ведь пройдет немного времени, и они мне зададут вопрос: «А что сделали вы, Григорий Михайлович, чтобы защитить от неразумных разрушений историческую неповторимость нашего района?» Нет, не мог я остаться в стороне.

Жизнь, события последних лет показали нам с очевидностью, что нет, не может существовать дел, связанных с сохранением архитектурных ценностей нашей Родины, решаемых в тиши кабинетов, без широкого участия народа.

Слишком много наломали дров...

Я иду по Госпитальной улице. Сейчас здесь удивительная для центра огромного города тишина. Машины почти не ходят — в связи со строительством новой трассы улица оказалась как бы отрезанной от мира. Слева возвышаются величественные классические корпуса Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко, та самая бывшая «военная гошпиталь», что была поставлена в 1706—1707 годах в Лефортове по указу Петра. «Новые» корпуса созданы в 1797—1802 годах по проекту архитектора И. В. Еготова, а на Яузу смотрит здание с восьмигранным куполом, относящееся к петровским временам.

Справа, за рядом старинных лип — «вдовьи дома», построенные в конце прошлого — начале нашего века для вдов погибших воинов. Эти женщины — в основном сестры милосердия, работали в госпитале. Сейчас «вдовьи дома» стоят заколоченными, ждут своей участи. А за ними темнеют деревья одного из древнейших в столице регулярных парков, бывшего Головинского сада, ныне парка МВО с затейливыми беседками, гротами, мостиками, созданными по проектам крупнейших зодчих — Растрелли, Бланка, Казакова...

Трудно представить себе, что этот поистине раритетный уголок Москвы

будет разрушен, располосован грохочущей трассой, которая эстакадой взовьется над Лефортовом и навсегда погубит этот случайно сохранившийся от разрушений прошлых лет район.

И еще подумалось: уж если делать пешеходную улицу, то трудно найти приют для отдохновения лучше, чем здесь, на Госпитальной...

Рассказывает начальник Главного военного госпиталя имени Н. Н. Бурденко генерал-майор Николай Леонидович Крылов.

— К нам везут больных со всей страны, из дружественных государств, мы должны показывать пример образцового медицинского обслуживания,— говорит генерал,— и что же? Трасса Третьего кольца пройдет перед самым госпиталем, изменение экологии неизбежно скажется на больных, на качестве лечения. Для примера мы замерили параметры среды на Садовом кольце в институте Склифосовского, ведь нас ожидает то же самое. Оказалось, что основные характеристики экологической структуры, такие, как шум, вибрация, загазованность, там в 3—6 раз превосходят допустимые! Но в институте Склифосовского они имели возможность отодвинуть лечебный корпус на 180 метров вглубь. У нас такой возможности нет. А куда я дену 275 коек, которые окажутся вплотную у трассы? Выдам, что ли, каждому больному противогаз? Кроме того, под угрозой окажутся три диагностических отделения со сложной аппаратурой, которая не терпит ни вибрации, ни шума, ни загазованности.

Я врос в эту проблему,— продолжает Н. Л. Крылов,— и не могу уже заниматься своими делами. Мягко говоря, обескураживает позиция некоторых проектировщиков. Так, например, Ю. Лапин, начальник управления инженерного оборудования и подготовки территории ГлавАПУ, считает, что «вдовьи дома», которые мешают строительству трассы, надо снести, так как они «затыкают» ось архитектурно-планировочной композиции госпиталь—парк. Но при этом он умалчивает, что новая трасса не только разрушит композицию, но и вообще закроет, «заткнет» обзор фасада госпиталя. Что это: отсутствие профессионализма? Я не инженер, но думаю, что могут не выдержать вибрации и старые перекрытия госпиталя, ведь он построен на жестком известняке, который хорошо передает колебания. Тяжелые грузовики, поднимаясь в гору — а ведь здесь от Яузы подъем значительный,— неминуемо разрушат неглубокий фундамент.

— А как, по-вашему, если будет реализован вариант постройки туннеля?— спрашиваю.

— Трассы здесь быть не должно! А туннель ничего не даст: сохранятся загазованность, вибрации. Кроме того, дорожная развязка будет проходить напротив окон здания 1725 года, которое, помимо архитектурно-художественной ценности, представляет неотъемлемую часть нашего лечебного комплекса. Хочу напомнить: главный врач Москвы поставил строителям целый ряд условий, которые ни в одном из вариантов проекта не выполняются. И еще: наши проектные организации подготовили заключение, где обосновывается невозможность прокладки трассы вблизи госпиталя и рекомендуется Мосинжпроекту разработать варианты в обход заповедной зоны.

Однако проектно-строительные организации, невзирая на многочисленные протесты общественности, продолжают работы. Недавно в московских газетах были опубликованы материалы заседания постоянного совета по градостроительству, состоявшегося 7 февраля 1987 года. Там были рассмотрены пять вариантов трассы, причем последний имел даже два подварианта. Указаны их сравнительные стоимости, и сделано это не случайно. Например, вариант простейший, так сказать, проходит через Лефортово, за 8 миллионов рублей, а со строительством, скажем, длинного туннеля — около 100 миллионов. Думай, мол, московский читатель, куда будут вбуханы твои кровные. Но при этом пресса умалчивает, что́ именно потеряет облик города. Этакая забывчивость, прямо скажу, настораживает. А потери будут, об этом я писал раньше, в любом из вариантов проекта.

...Дважды отклоняла комиссия решение вести кольцевую магистраль по застройке Немецкого рынка от Бакунинской улицы в сторону Яузы. Тогда Мосинжпроект предложил вариант: трасса пройдет под Бакунинской по длинному тоннелю (!) прямо к Яузе. Комиссия с восторгом согласовала проект, а через полгода Мосинжпроект приступил к сносу Немецкого рынка, нарушив все договоры.

Причем здесь, где, прежде чем размахивать шар-бабой, нужно очень детально и внимательно изучить каждое строение, снос был проведен с потрясающей скоростью — лишь бы успеть, «пока эти радетели старины не всполошились». А в то же время на самом кольце «В», на Сущевском валу напротив Рижского вокзала, сохраняется павильон барачного типа с камерами хранения, и стоит это здание так, что, говоря словами Ю. Лапина, «затыкает» участок кольца, на нем в часы пик образуются немыслимые пробки. А проектировщиков это почему-то не волнует. Видимо, не хотят вступать в противоречия с железнодорожным ведомством.

О необходимости сохранения неповторимого облика столицы говорят в последнее время много, а делают, к сожалению, мало. Я спросил у С. В. Королева, кто же те, от кого призвано защищать творения прошлого Общество охраны памятников истории и культуры. Выяснилось, что и врагов-то настоящих нет, а есть непонимание, отсутствие ответственности, местничество, профессиональная амбициозность.

Но как все это дорого обходится, как много теряем мы все, наша история и культура от скоропалительных, необдуманных решений! Недаром сейчас широкую практику получило обсуждение проектных решений с народом. И тут нелишне вспомнить, что постройка Третьего кольца Москвы нигде по-настоящему не обсуждалась и не обсуждается.

Нелишне вспомнить о гласном, откровенном обсуждении. Ведь трудно поверить, что многие авторы, нередко архитекторы, которые в прессе защищают проект Третьей кольцевой магистрали, не представляют, что они на самом деле готовят москвичам. Разговор о том, что Москва задыхается в существующем транспортном кольце,— всего лишь половина истины. Вторая половина — что Третье кольцо не решит эту проблему, уничтожив навсегда дорогие москвичам места,— почему-то умалчивается.

А ведь между полуправдой и настоящей гласностью — дистанция огромного размера!

— Действия проектировщиков должны быть поставлены под настоящий контроль,— считает заместитель председателя президиума МГО ВООПИК С. В. Королев,— пока этого нет, будем принимать свои меры. Нас окрылил опыт сохранения палат Щербакова: как только строительная техника шагнет за Яузу, мы вынуждены будем организовывать круглосуточное пикетирование, чтобы не допустить разрушения еще одного неповторимого памятника московского градостроительства.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

НАМ НЕ СКУЧНО!

Александр ОСИПОВ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Четырнадцать лет назад пришел директорствовать на Талашкинскую птицефабрику имени 60-летия СССР Николай Матвеевич Шкурлов. Хозяйство досталось ему запущенное. А сегодня предприятие полностью автоматизировано, стабильно выполняет государственный план.

— Выходит, есть все основания говорить об ускорении?— спрашиваю Николая Матвеевича.

Он не спешит с ответом.

— Последние два года мы получали по 40 центнеров пшеницы с гектара, но на отдельных площадях — больше. Вот и решили сделать это самое «больше» не исключением, а правилом. В нынешнем году все производственные подразделения переводим на хозрасчет.

О деловых качествах того или иного руководителя мы судим не только по выполнению плановых показателей, но и по усилиям, направленным на улучшение условий труда и быта людей. Так вот, во время реконструкции фабрики во всех цехах оборудовали душевые, комнаты гигиены, просторные раздевалки, построили оздоровительный центр с сауной. В перспективе — плавательный бассейн, закладка детского парка с аттракционами и игровыми площадками.

А в Пригорском создали свой комбинат бытового обслуживания, построили поликлинику и больницу, оборудовали их по последнему слову техники. Не будь всего этого, думаю, не было бы и хозяйственных успехов.

— Одна из главных причин ухода людей из села — это, по-моему, скука повседневной деревенской жизни,— говорит Николай Матвеевич.— Поэтому мы создали свой культурно-спортивный комплекс, объединивший Дом культуры, библиотеку (в ней четырнадцать тысяч томов), детскую музыкальную школу, два спортивных зала. Часто у нас выступают артисты областного драматического театра и филармонии. В Доме культуры — тридцать творческих коллективов и любительских объединений, каждый третий работник фабрики участвует в художественной самодеятельности. Но запросы растут. Как-то пришли ко мне комсомольцы и сказали: нужна конноспортивная школа. Сейчас сто девушек и юношей занимаются верховой ездой...

В Пригорском невольно обращаешь внимание на продуманную систему профессиональной ориентации молодежи. Ребятишек всех возрастов, что посещают детские сады, приучают к посильному труду. Летом малыши возделывают грядки и собирают, пусть небольшой, но свой урожай овощей. В средней школе я обратил внимание на стенд: «Учись, тебя ждет фабрика!»— где названы все выпускники, оставшиеся работать на селе.

Изобретательно оборудованы в средней школе кабинеты физики, биологии, домоводства; в кабинете математики установлены мини-компьютеры. Фабрика же снабдила школу современными станками, необходимыми инструментами.

— Сейчас многое меняется к лучшему,— говорит директор.— Но нет-нет да и встретишь тех, кто не хочет перемен. Сколько раз говорилось, что не надо оберегать детей от крестьянского труда. В разгар страды, когда дорога каждая пара рук, мы, например, не имеем права посадить на трактор парня, если ему не исполнилось восемнадцати лет...

Шкурлов — хозяин рачительный. И прежде всего ценит доверие людей. Знает цену слову и старается, чтобы оно не расходилось с делом. Николай Матвеевич — один из тех, кто живет по законам обновления...

с. Пригорское, Смоленская область.

Николай Матвеевич Шкурлов

ЖИВОПИСЬ,
МУЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРА,
СПОРТ —
ИНТЕРЕС КАЖДОГО
УДОВЛЕТВОРЯЕТ
СЕЛЬСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ
КОМПЛЕКС.

ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ, МИР ИХ УВЛЕЧЕНИЙ
ПОСТОЯННО В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ ДИРЕКЦИИ ТАЛАШКИНСКОЙ ПТИЦЕФАБРИКИ.

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

РАССКАЗЫ

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Редактор толстого журнала X. был приглашен на юбилей литературоведа С. Как-никак человеку стукнуло семьдесят пять, и за это время С. повидал немало: говорят, в молодости его бил Есенин. После этих побоев он и стал историком литературы. Его первая работа была на модную тогда тему «Руководитель национально-освободительной борьбы на Кавказе в девятнадцатом веке — Шамиль». Но взгляды переменились — и в конце тридцатых Шамиль стал считаться агентом империализма. С. признал свою ошибку. Во время Отечественной войны Шамиль возник из небытия, и С. признал ошибкой, что он признал ошибку. В сорок девятом году с Шамилем опять случилась метаморфоза, и С. признал ошибкой то, что он признал ошибку в том, что он признал ошибку... После истории с Шамилем С. посвятил себя уже чистому литературоведению. Он даже стал директором института, где под его руководством и начал свою деятельность наш редактор X. Вот почему редактору X. пришлось идти на его юбилей.

Редактор X. был мужчина мрачный. Сборищ в ресторанах он не любил, потому что все вокруг пили, а ему пить было нельзя — он был мужчина запойный. И еще потому, что он ненавидел людей. Ненавидел всех: жену, сотрудников и даже самого себя. Рассказывали, что в конце рабочего дня X. выходил из своего журнала, переходил на другую сторону улицы и, злобно глядя через дорогу на покидающих журнал сотрудников, топал ножкой и произносил только одно слово: «Ненавижу!»

Так это, не так, точно не знаю, а врать не хочу. Одно знаю: в день юбилея С. наш редактор X. был в большой лихорадке.

Дело в том, что спецрейсом из Крыма доставили в его журнал красную сафьяновую папку, где лежала статья очень и очень большого человека. Честь для журнала, сами понимаете, какая, но и ответственность — тоже! Наш герой ознакомился с замечательной статьей, после чего можно было и запереть ее в сейф. Но оставить в пустой редакции, пусть даже в сейфе, т а к у ю статью! Дудки! И он решил взять статью с собой.

Он аккуратно уложил статью в сафьяновом переплете в японский портфель-дипломат, купленный на последнем писательском съезде, и отправился в ресторан «Арагви» на юбилей прохвоста. Так он именовал юбиляра, как, впрочем, и всех остальных.

У «Арагви» он отпустил шофера. Из дверей ресторана высунулось лицо швейцара. «На банкет»,— сказал X. и мимо очереди проследовал в ресторан. «Надо дать ему какую-нибудь мелочь»,— подумал он о швейцаре, но рука сама сунулась в тот карман, где мелочи не было. «Обойдется, прохвост!»

За банкетным столом было людно: масса ненавистных знакомых. Его усадили рядом с жирной подлюгой поэтессой Б. Напротив него сидел другой негодяй — критик А. Этот развратный мерзавец А. все время перемигивался с толстой и тоже развратной поэтессой Б., а потом вообще не нашел ничего лучшего, как, дыша водкой, втиснуться между X. и жирной тварью Б. От злобы наш X. не выдержал, вскочил со стула и умчался в туалет.

По дороге в туалет он похолодел: вспомнил, что в бешенстве забыл портфель.

Бегом X. вернулся в зал — и увидел, как ненавистный критик А., сдвинув его драгоценный портфель на соседний стул, полуобнимал развратную поэтессу Б.

В бешенстве X. схватил свой портфель со стула — и отправился восвояси.

Для очистки совести он вяло «проголосовал» такси. Денег он тратить не любил. Когда такси не остановилось, с удовольствием поехал в метро.

Придя домой, он долго грохотал стульями, чтобы разбудить спящую жену. Жена назло ему не проснулась. Он прошел в кабинет.

В кабинете он зажег лампу, открыл портфель, чтобы еще раз насладиться зрелищем красной сафьяновой папки, и...

Сначала он даже не понял. Он тупо уставился в портфель, но прекрасного алого сафьяна в портфеле не было. Вместо него в портфеле покоилась какая-то зеленая целлофановая гадость: в зеленой целлофановой папке лежала статья ненавистного критика А.!

...Он все понял! Проклятие! У критика А. был тот же самый портфель, купленный на том же самом съезде. И, видимо, когда он пересел к похотливой поэтессе...

Обменялись портфелями! От бешенства X. укусил занавеску и бросился к телефону. Он набрал номер:

— Позовите А.!

— Во-первых, следует говорить «пожалуйста»,— раздался неприятный голос жены А.,— коли вы звоните в первом часу ночи! А во-вторых, Иван Иванович на юбилее Дмитрия Дмитриевича... А кто, собственно, спрашивает?

Он назвался и объяснил, что звонит по важнейшему делу. Голос жены помягчел.

— Я передам ему, когда вернется. И он вам сразу отзвонит.

X. нервно расхаживал по комнате и через пятнадцать минут не выдержал, позвонил снова.

— Нету дома,— уже сурово ответил голос.

В кабинет вошла его жена.

— Что случилось?

— Перепутал портфели,— злобно сказал X.

— И, конечно, в портфеле что-то было,— торжествовала жена.

— Было! Было!— заорал он.

— Что ты орешь? Сам наделал — и орет! Ты что, не знаешь, какое сейчас воровство? Моя сестра проводила обследование в школе: собирала анализы мочи. Эти анализы она поставила в чемоданчик и по дороге в поликлинику зашла в «Гастроном». Оставила чемоданчик на столе, но когда вернулась...

— Уйди! Я прошу — уйди!

Моча, однако, произвела впечатление, и он опять позвонил.

— Послушайте,— металлическим голосом сказала жена А. — Я вам все объяснила: он на банкете, звоните завтра утром.

В трубке раздались гудки.

Мысль о похищенной моче совсем вывела его из равновесия. Он позвонил в «Арагви» — и с ужасом услышал, что банкет час назад как закончился. Страшные мысли пришли ему в голову: хорошо, если этот развратный сукин сын ушел с тварью Б. А если он на улице подцепил какую-то... А та украдет портфель! Он опять позвонил.

— Нету!— рявкнул голос жены.

В безумии он опять набрал номер.

— Я вызову милицию!

Опять гудки.

Он снова набрал.

— К черту стыд!— успел он проорать в трубку.— Вопрос идет о жизни и смерти. Исчезла статья руководителя. Где ваш муж?— вопил он.

— На банкете!— орали в трубке.

— Банкет закончился час назад! К черту стыд! Если вы можете предположить, где ваш муж, немедленно сообщите!

В ответ сказали нехорошее слово, и послышались гудки.

Он опять позвонил, но телефон не ответил. А он все звонил и звонил.

Потом он катался по полу, и ему вызвали неотложку.

...Критик А. вернулся под утро.

Жена не спала.

— Ну и банкет был,— сказал он и потянулся чмокнуть супругу.

В ответ он получил молчаливый удар в переносицу.

...Уже через час редактор X., оправившийся от припадка, держал в руках драгоценный красный сафьян. Он прижимал его к груди, поглаживал, страстно ласкал застежки.

В первый раз в жизни редактор X. испытывал любовь.

О ЛЮБВИ К ДРУГУ

В шестидесятые годы, я настаиваю — в шестидесятые, жил-был руководитель второго ранга, и руководил он чем-то в РСФСР. У него была самая распространенная фамилия — Козлов. И когда произносили его фамилию, всегда добавляли: «Только это не тот Козлов, а это — из РСФСР». Потому что всегда имелся «тот Козлов», руководитель первого ранга.

Так он жил, Козлов из РСФСР, не тужил и добра наживал. Помаленьку разваливал вверенные ему ведомства, потихоньку переходил из одного в другое, пока не дожил до скандала прямо-таки международного.

Поручили ему послать в подарок развивающейся африканской стране быков-производителей. Вроде все ясно: погрузили быков на корабли — и поехали наши быки, все в медалях, здоровенные, оплодотворять ихних негритянских коров. Ехали они через моря-океаны и приехали. Вывели красавцев быков на берег, организовали им теплую встречу, сыграли музыку — все чин чинарем. Но только оплодотворять этим самых негритянских коров наши быки не захотели. Стоят как мертвые — не хотят оплодотворять, и все тут! Тогда наш Козлов передал по телексу такой приказ — брать быков измором. Вскоре выяснилось, что слова «взять измором» оказались буквально пророческими. Мало того, что быки дружественных коров не захотели — они и еду местную коровью жрать наотрез отказались.

Сообщили все это опять по телексу Козлову.

Козлов потребовал представить ему соответствующую бумагу. А пока суд да дело, пихать быкам еду насильно — пущай, дескать, акклиматизируются...

Бумагу составили, потом обсудили, и через год Козлов подписал долгосрочное соглашение о поставках сена для племенных наших быков.

И вот поплыло сено через моря-океаны. Когда

доплыло, никаких быков уже не было: одни медали остались. А сено все плыло — соглашение Козлов выполнял, а оно долгосрочное было... И сгружали сено на берег. И выросли на берегу огромные горы. Но Африка — страна жаркая, так что завелись в этих сенных горах ужасающие мухи размером с голубей. И жалили, сволочи, так, что берег стал небезопасен. И вскоре перестали приставать туда иностранные корабли. Короче, в год наш Козлов подорвал своим сеном целую экономику дружественной державы.

Другой бы за это дело головы не сносил. Но и у нашего Козлова был друг. Это уже был настоящий руководитель, самого настоящего ранга, и тоже с очень распространенной фамилией: допустим, Попов. Но он уже был единственный Попов — «тот самый Попов». Нынче его давно нет в руководителях — и потому мы можем сказку свою без опаски рассказывать. Дело в том, что у этого самого Попова был комплекс: дескать, все подчиненные считают его идиотом. У любого человека, который заходил к нему в кабинет, он сразу читал в глазах обращенное к себе: «Ну и болван!» Единственный человек, в очках которого был восторг, только восторг и еще раз восторг,— и был наш Козлов. Да, глуп был Козлов, но зато добр и без задних мыслей. Короче, Попов любил Козлова, а Козлов любил Попова. Но так как Козлов уже развалил кучу ведомств, решил Попов отправить его туда, где разваливай не разваливай, а убытку государству, слава богу, никакого,— на культуру.

Так стал наш Козлов заведовать сферами искусства в РСФСР. Человек, как мы уже отмечали, он был искренний: что на уме, то и на языке. Любил и, главное, умел распекать. Так, главному редактору киностудии он сразу сказал очень искренне: «Вы, Илья Аверьянович,— пыль. Я дунул — и вас нет!» Ну, а директора киностудии, человека грузного, он распек совсем уже побиблейски. «Я вас,— говорит,— на кол посажу. И поверну». Короче, руководил культурой он решительно, сам во все вникал, фильмы смотрел сам — ко всеобщему ужасу...

Однажды ему показали кинофильм, снятый по оперетте. Фильм Козлову понравился, сделал он только одно замечание: «Что это у вас там товарищи то говорят, то поют? Вы уж одно им чтонибудь поручите!..» И вырезали ведь, вырезали пение из оперетты!

Потом как-то приехал он в мастерскую к знаменитому скульптору В.— смотреть проект Мемориала.

В центре Мемориала — Скорбящая мать. Раскрыв рот в беззвучном вопле, вытянув к небу руки, стояла она над павшим воином. Скульптор очень гордился фигурой Матери, он знал ей цену. Мемориал Козлову понравился. Само собой, особенно ему понравились солдаты и краснофлотцы, а Мать его сразу насторожила.

— Добре, добре...— сказал Козлов, обходя Мемориал.— Все добре... Но чего это она у вас так орет?

— Она зовет Луначарского!— ответил скульптор.

— Не понял?— сказал Козлов. Он действительно не понял.

Скульптор смолчал — и рот Матери закрыли.

Короче, вот так жил Козлов и не тужил, пока не случилась с ним история.

Он должен был произнести речь на открытии некоего облдрамтеатра. Неприятности начались уже на городском вокзале: его не встретили. А Козлов к тому времени совершенно разучился сам ходить по улицам. Потому он остался в поезде ждать встречающих. Так и загнали его в поезде на запасной путь... Но потом все-таки приехала за ним долгожданная черная машина, и нашли его на запасных путях. А дальше все как по маслу! Привезли в театр — и сразу в президиум. Но тут выясняется, что Козлов забыл речь. Оставил ее, проклятую, в поезде, на запасном пути, с огорчения.

И вот вызывают его на трибуну.

Первые слова дались Козлову легко: «Дорогие товарищи». А вот третье слово отсутствовало. Он уже в шестой раз произнес: «Дорогие товарищи». В зале громко смеялись, а руководитель области мрачно сказал с места: «Ну, а дальше-то будет?»

И тут со страха Козлов забыл еще одно слово. Осталось только «Дорогие». Он вытягивал руки с трибуны и все произносил: «Дорогие... дорогие... дорогие...» Так и пришлось его снять с трибуны. Но уходить он не хотел, а все кричал: «Дорогие!»

Некоторое время он лежал в больнице, и товарищ Попов сказал:

— Не надо над этим смеяться. Со всяким может случиться. Кроме того, что он сказал там плохого: «Дорогие». А разве они не дорогие, наши люди?

Рисунок Сергея ТЮНИНА

О ЛЮБВИ К ЕДЕ

Был я завлитом в областном театре. Но что такое завлит в областном театре? Ах, когда-нибудь я напишу об этой несчастной поре своей жизни. Главреж — самодовольный болван. Как только услышит, что на Таганке или в «Современнике» ставят то, что никому нельзя,—тотчас: поезжай в Москву, доставай ему эту пьесу. И достанешь!.. Сколько унижений перетерпишь — но достанешь. А он прочтет и говорит: «Грандиозно!» И тут же ее в стол. А потом, на репетиции, расскажет труппе: дескать, сам автор прислал ему новую пьесу, но эта пьеса, в общем,— дерьмо!

Короче, вы поняли наш репертуарчик: что сверху велят, то «наш» и ставил. Народ в городе в театр, конечно, не ходит, а нам и не надо: у нас все билеты проданы! Потому что мы договаривались с заводами да фабриками, и те обязывали членов профсоюза посещать наши спектакли, чтобы расти духовно. Ну, члены профсоюза билеты покупают, а в наш театр — ни ногой. А мы и не в обиде: главное — план выполняем. А то, что людей у нас на сцене больше, чем в зале, так актеры наши привыкли и уборщицы довольны: нет зрителей — только грязи меньше!

В тот год нашему театру исполнилось пятьдесят лет. Ну, естественно, местные власти выхлопотали нам в Москве почетную грамоту для театра и два звания — одно главрежу, второе нашему герою, он же парторг, он же старейший артист театра. Короче, все хорошо, все как у всех. И вот объявляют торжественный вечер по случаю юбилея. Взяли большой стол из спектакля «Заседание парткома», задник повесили из «Трактирщицы» — голубенький с облачками, ну а мне, как всегда, велели писать речи. Одну для птичницы

из подшефного совхоза — поздравлять наш театр, а другую для главрежа — отвечать на поздравления.

Ну, главрежу я речь мигом соорудил (переписал его же прошлогоднюю, когда мы поздравляли консерваторию), а с птичницей повозился. Она букву «р» не выговаривала. Пришлось ей все слова без «р» писать. Ну, например: «драмтеатр» — нельзя, пишешь — «сцена» или «наш любимый коллектив». Пишу, потею, но зато думаю: пожру.

Дело в том, что в жизни у меня есть только одна страсть. Я не курю, женским полом не интересуюсь, но люблю, люблю, ребята, хорошо пожрать! А у нас в городе, как вы догадываетесь, с этим делом было куда как непросто. Хреново, откровенно скажу, было с этим делом. А моя страсть, как и всякая другая, требует удовлетворения. Вот я и думаю: привезу в совхоз речугу и уж там-то пожру. Филейчики разные, потрошки уж мерещатся!

И вот приехал: птичница мою речь берет и руку жмет с благодарностью. И ни фига больше. Все — ступай домой. А я воспален все-таки — неудовлетворенная страсть!

Короче, возвращаюсь я злой в родные пенаты и тут узнаю, что наше торжественное собрание посетит областное начальство. Ну, естественно, по этому делу готовится большой стол. Я сразу в мечтания: не упустить бы.

И только воображение разыгралось — как всегда, мордой об землю! Оказывается, за стол этот приглашен самый узкий круг: главреж, его жена, она же — наша героиня, директор, его любовница — наш местком и герой наш — парторг. А остальные за столом — городские власти. Ну зачем им этот стол, ну что они понимают в еде? Еду любить надо.

Ну да ладно! Не такие обиды в театре терпишь. Черт с вами, думаю, не пригласили — хоть погляжу на этот стол, насладжусь, так сказать, эстетически.

И примерно за три часа появляюсь за сценой. А здесь, за кулисами, уже водружен стол из спектакля «На дне». И вокруг этого стола хлопочут неизвестные молодые ребята. Открывают они чемоданчик и начинают вынимать оттуда еду в целлофановых пакетах. Только я навострился увидеть, что там, под целлофаном, как прогнали меня ребята прочь со сцены. Сурово, можно сказать, прогнали. Ну, я не в обиде, я что... Сел в зале, и в девятнадцать часов началось торжественное заседание.

Вышел главреж, читает мою речь — бойко читает, хорошая получилась у меня в прошлом году речь, культурная. Похлопали ему, и «сам» из президиума похлопал.

Затем дошла очередь до моей птичницы. Тоже, видать, наловчилась читать речи. Без запинки чешет: и про связь наших трудовых коллективов — театра и птицефермы, и про наше распрекрасное соревнование инкубатора и театра, обещает в конце речи дать яиц и птицы, если мы в ответ дадим больше хороших спектаклей. И тут в разгар моей распрекрасной речи начинает птичница куда-то... ехать.

За ней трогается и стол с президиумом.

В безумии птичница продолжает речь — и уезжает в кулису. За ней в кулису исчезает все торжественное заседание. А к нам, к зрителям, вместо того стола заседаний выезжает совсем новый — гигантский стол, уставленный яствами. Зал замер, а стол с яствами остановился и стоит себе.

Никто в зале не знает, что делать. Может, аплодировать надо, а может, наоборот, молчать? Молчим на всякий случай. А стол все стоит: на нем выпивка, закуски, а вокруг — пустые стулья. Жуткое дело мираж! Я близко сидел — и севрюгу видел, и лососинку, и икру, даже цвет икры различил: красный и черный. Всем насладился!

А в зале по-прежнему тишина. Из-за занавеса птичница мой текст чешет — то ли со страха, то ли вконец обезумела.

А я в креслице удобно так устроился и любуюсь себе столом. Надо же увидеть такой натюрморт: икорка поблескивает, лососинка с балычком свет источают, бутылки водки с этикетками импортными — стройные, элегантные...

Потом выяснилось, что это один молодой человек переусердствовал: он кулисы обследовал и рукоятку увидел. Спросил: «Для чего?» Ему толком объяснили: это рукоятка поворотного круга. А он дотошный: решил проверить — и нажал!.. И пошел наш театральный круг. Хотя другие товарищи говорили, что все было иначе: просто пьяный машинист сцены в люке своем заснул. А когда проснулся, увидел стол — и показалось ему, что он с ума сошел. Вот он рукоятку-то и врубил. А мне все равно. Главное, я все это воочию увидел. И считаю это большим счастьем, как и всякую встречу с истинной любовью.

«ОГОНЕК» НАЧАЛ РАЗГОВОР О ПЕРВЫХ ЭТАЖАХ ГОРОДСКИХ УЛИЦ. ОНИ НЕГОСТЕПРИИМНЫ, УНЫЛЫ, НЕУДОБНЫ ДЛЯ КОРЕННОГО ЖИТЕЛЯ И ДЛЯ ГОСТЯ. РАЗГОВОР ПРОДОЛЖИЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ, ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» И «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА». КОРРЕСПОНДЕНТЫ ТАСС ТАК И НАЗВАЛИ СВОЙ МАТЕРИАЛ — «НЕГОСТЕПРИИМНЫЙ ЭТАЖ». НЕУЖТО ВСЕ СЛОВА И ДОВОДЫ РАЗОБЬЮТСЯ О СТЕНЫ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОСОБНЯКОВ?

ЭТАЖИ, МИРАЖИ И ОТДЕЛ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Кто не знает: слово — серебро, молчание — золото. Но появился еще один вариант — назовем его медным. На публикацию «Первый этаж города» («Огонек» № 44, 1986) вроде бы отозвались, пришло много писем, звонили читатели; шел о ней разговор и в министерствах, и в Мосгорисполкоме. Шел, но по своим, ведомственным коридорам и за двери не вышел. Так что и не золотое молчание, и не серебром меченное слово. Но главное же: все осталось так, как было. В центре Москвы не выпьешь стакан горячего, добротной заварки чая, не съешь на ходу хрустящий пончик, а о скором кафе и не вспоминайте; нет их тут. Градостроительными нормами, исполкомовскими решениями «в общем и целом» они определены и признаны, но помещения заняты конторами, лавкой утильсырья (она в самом центре, в Столешниковом!), «снабами» и «сбытами», строительными управлениями и шоферской комнатой — тут находятся апартаменты водителей Главного управления торговли. Того самого, которое на словах «бьется» за то, чтобы первые этажи отдавать магазинам и столовым...

На пустынной для едока улице 25-го Октября, одной из самых оживленных улиц, магазин есть, но отдан он химическим реактивам.

Обо всем этом и писал «Огонек». Никто не опроверг ни одной строки. Поговаривают, готовится какое-то постановление. Но где оно, да и сколько их уже было?! Через неделю после выхода в свет журнала с репортажем «Первый этаж города» операторы Центрального телевидения прошли по названным адресам. Прошли с камерой и показали зрителям занятые «снабами» торговые помещения, и уютный дворик, в котором открыть бы несколько летних кафе; показали и особняк Отдела нежилых помещений — ах, какой тут может статься роскошный ресторан! Какой доход мог бы приносить он городской казне! Сколько приятных минут доставил бы едокам... Не доставит! Сослагательное наклонение не стакан чая. Телерепортеры выяснили и мнение арендаторов, их отношение к проблеме. «Оно, конечно, так. Сами часто не обедаем — негде в центре поесть. Берем с собой бутерброды, чай кипятим...» Эпически спокойное интервью одного из руководителей Отдела нежилых помещений не оставляло сомнений: и впредь так будет... «Конечно, в центре должно быть больше кафе. Но знаете, как неохотно выезжают отсюда ведомственные конторы?» И ни слова о том, что сами хотят подать пример и съезжают из занимаемого дома. Двухэтажный особняк, а за ним — летние веранды. В тенистом саду. Как представишь, слюнки текут... Цветники, кустарник — райский был бы уголок.

Из разговора с заместителем председателя Мосгорисполкома В. А. Жаровым я понял: дело с кафе в центре «не на уровне», а вопрос важен. «Вы посмотрите на улицу Горького,— сетовал товарищ Жаров.— Кафе и рестораны по пальцам одной руки можно пересчитать».

Именно это и отмечал «Огонек», хотел было я сказать, но решил не пересказывать еще раз журнальную публикацию. Первый заместитель министра торговли СССР П. Д. Кондрашов в оценке ситуации однозначен: «Проблема актуальна. И исполкомам следует ее решать». Минторг и письменно высказал свою точку зрения: «В статье правильно поднимаются вопросы торгового обслуживания населения за счет максимального использования помещений в первых этажах зданий...» Однако градостроительные вопросы зачастую решаются без учета мнения местных органов управления торговлей, и в результате на многих улицах городов в их центральной части первые этажи заняты различными конторскими помещениями.

Более того, имеются примеры, когда вновь строящиеся улицы рождаются «мертвыми». Ново-Кировский проспект в Москве на всем своем протяжении не имеет ни одного предприятия торговли и общественного питания. На Олимпийском проспекте контор больше, чем кафе и выставочных залов. А они так нужны!

Ощущая остроту проблемы, в дискуссию включилась газета «Советская Россия». И экономические обозреватели ТАСС повторили маршрут «Огонька» и прямо сказали: положение скверное. Поток гостей в столицу растет, а город негостеприимен. Вечерами центр непривлекателен, сумрачен: ни рекламы, ни приветливых огоньков кафе и пиццерий. Темные улицы. Лишь фонари немного разгоняют мрак. Журналисты ТАСС показали, какой нравственный и экономический урон наносит это нашему городу.

Главобщепит Москвы пытается заселить первые этажи кафе и ресторанчиками, бистро и чайными, маленькими закусочными, пирожковыми. Можно было бы тут найти место и кафе, организованным на кооперативных началах, на принципах индивидуальной трудовой деятельности. Мечты, мечты...

Забила тревогу и «Московская правда». Она рассказала о факте анекдотичном. На Кузнецком мосту была когда-то пошивочная мастерская. Ее перевели. Но остались прекрасные залы с витринами высотой в полдома. Тут бы... Так и будет. Помещение передается книжному «Антиквару», заверили корреспондента. Москвичи знают, что «Активкар» — одна из заметных достопримечательностей столицы.

— Не пустим!— сказали руководители хозяйственного управления Минавтопрома.

И не пускают. Сейчас витрины несостоявшегося «Антиквара» отпугивают прохожих. Обшарпанные переплеты окон, жухлая штукатурка между ними.

Тут же, на Кузнецком, в крохотном помещеньице ютится знаменитая «Книжная лавка писателей». Магазин широко известный, популярный не только среди литераторов. Городские власти вроде бы обещают: переведем.

Вот освободилось на Неглинной улице, 9, помещение бывшего книжного коллектора — сюда и переместить бы «Книжную лавку».

...Конторы и конторки заполнили первые этажи, привычно отбивают деликатные просьбы книжников, не обращают внимания на требования общепитовского начальства. Не очень-то считаются и с мнением Мосгорисполкома?

Константин БАРЫКИН.

ПЛЮС 13

Алексей АДЖУБЕЙ

Для меня этот год никак не связан ни с зайцем, ни с кроликом. Он — год Чертовой Дюжины. 1987 плюс 13, и вслед за этим нехитрым арифметическим действием — начало XXI века. Встречаю ребят, бегущих из школы, парней и девушек на улице, а в голове, как в счетчике такси, пощелкивают цифры: 25, 30, 40. Близок уже главный срок их жизни, труда и ответственности. О многом задумываешься в такие минуты.

1987 ПЛЮС 13, И ВСЛЕД ЗА ЭТИМ НЕХИТРЫМ АРИФМЕТИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЕМ — НАЧАЛО XXI ВЕКА

До сих пор перед моими глазами человек, образ которого не ушел из памяти, не стерся, не потускнел за четыре с лишним десятилетия, не затерялся в сонме других лиц и событий. В сороковом, окончив 7 классов, я прибился к геологоразведочной партии, отъезжавшей в Казахстан, чтобы найти там касситерит. Небольшие, как вишневая косточка, шарики этого минерала и есть, по сути, олово.

В тех местах, где, вспарывая целинное тело земли, остатки некогда величественных горных кряжей выходили наружу, мы ставили лагерь и уходили в поиск. Безлюдная, полупустынная степь, поросшая бугристыми пучками жестких, как бритва, трав, ультрамариновое небо, такое плотное, что напоминало не воздушную стихию, а театральный полог, сорокаградусная жара от белесого светила, терявшего в знойном мареве свои классические очертания,— все это было, как теперь говорят, средой нашего обитания и работы.

В руслах пересохших речушек мы метили поперечные линии шурфов, ставили вешки и начинали копать. Самым тяжелым оказывался первый пласт земли. Корни травы охватывали каждый ком намертво, как стальная арматура. Шурф — это прямоугольник 80 на 125 сантиметров, и чем глубже сухой колодец, тем ближе те самые осадочные породы, в которых может оказаться и олово, и золото — все, что за миллионы лет неусыпной работы вода и ветер вымыли из постаревших, помягчавших гор.

Поздним вечером у костра каждый из четырех ходивших в маршрут прежде всего точил лопату, как кавалерист саблю. Точил до тех пор, пока ее рабочий овал не начинал светиться в отблеске пламени. Начальник экспедиции Валентин Иванович Пятнов по карте-верстовке метил маршруты на завтра, кто-то там, за горизонтом, выключал солнце, и даже тучи мошкары не могли разбудить нас.

Валентину Ивановичу шло к пятидесяти. Он был представителем той породы русских интеллигентных людей, поступками которых движет азарт действия, а жажда деятельности никак не сопрягается ни с какими побочными соображениями. В наших разговорах часто мелькало причудливое наименование породы: псевдосферолитовый, микропегматитовый порфир-гранит. Шофер экспедиции величал Пятнова Порфиром Гранитовичем.

Несколько длинных летних месяцев мотались мы в междуречье Ишима и Иртыша, перекопали не одну сотню шурфов, а осенью возвратились к озеру в Щучьем. В этих местах теперь знаменитый курорт Боровое. После степной гонки наступила пора обработки материалов, анализов. В тяжелой, матерой избе-пятистенке, поставленной вольным казаком еще в прошлом веке, вечера приобрели совсем домашний характер. За окном виделись близкие сердцу картины — бело-золотая березовая роща, а над ней набухшие от влаги облака.

Пятнов любил выходить под дождик на крылечко, поднимал вверх голову, и кадык на его шее ходил медленно и смачно, в такт дыханию. Прощаясь, он с ухмылкой потискал мою задубевшую от мозолей ладонь: «Возвращайся, пока руки не отвыкли от лопаты. Мы этот камушек непременно отыщем...» И я вернулся, но это уже другая тема.

Отчего это теперь редко встречаются такие кадыкастые люди? Кто-то сказал: растолстели мужики, вот и все!

И отчего теперь, когда мы сами стали отцами и дедами, не всякий раз ловко сказать: «Не бойся мозолей, набитых трудом»? А ведь это самый лучший, самый верный вековой нравственный принцип, существующий в человеческой натуре: собственный пример.

* * *

Редкое дело: на документальный фильм «Легко ли быть молодым?», его создали на Рижской студии, билеты спрашивали за два квартала от кинотеатра «Россия» в Москве, а в зале вдоль стен стояли зрители, пробившиеся через либеральную билетершу. Что там такого в этом фильме? Сказать коротко: в нем — правда. Искренний, серьезный, важный разговор с молодыми людьми, ставший возможным сегодня. Без него все наши взрослые усилия могут пойти прахом. А мы не хотим, не имеем права хотеть этого, если помнить о цифре 13.

Никто не может сделать так, чтобы только его сын или его дочь оказались счастливыми в новой жизни нового века. Порочна успокоительная мысль: «Эта беда не с моим». И бездуховность части молодежи, и жестокость, и фальшь, и наркотики и алкоголизм — все имеет свое начало. По законам логики надо искать причину, а не охать и ахать вокруг следствия.

Причин, по-видимому, множество, но если суммировать то, о чем говорят молодые, кому «не легко», можно почувствовать одну из важных. Когда цинизм возводится в ранг житейской добродетели и на его основе выстраивается жизненное благополучие, карьера, успех, стоит ли напускать на себя невинный вид?

Ничто не сравнится с активностью родителей, чьи взрослеющие дети оказались не «пай-мальчиками» и «пай-девочками», а непокорными существами с дурными привычками. «Выяснить, очистить, объяснить, уговорить...» Господи, да откуда все это?! Почему они танцуют эти жуткие танцы, слушают дикие песни, одевают на себя эти тряпки, а главное, дерзят...

Есть от чего прийти в смятение. Однако поможет ли это делу?

Прекрасно, что сняты запреты на некие, казавшиеся кому-то вредными, не соответствующими «целям и задачам» формы отдыха молодых людей, что дискуссия заменила безапелляционные утверждения. Блещут остроумием студенческие команды КВН, «Музыкальный ринг» приглашает «Аквариум», и Борис Гребенщиков — кумир зала — делится своими творческими планами. На том же «Ринге» возникли и первые герои КСП (Клубы самодеятельной песни). Теперь уже постаревшие и поседевшие, те, кого, мягко говоря, не признавали и уж тем более не популяризовали.

Однажды и мне привелось отыскивать лагерь КСП, где-то в районе Дмитрова. Зрелище открылось просто фантастическое. Моросил непрерывный дождь. Амфитеатром стлался поросший травой холм, а внизу мерцал огнями костров палаточный город. Штандарты и вымпелы обозначали улицы и площади, идеальный, воинский порядок не нарушался никаким самовольством, и винный дух не примешивался к сырому весеннему воздуху. Туман уже набегал из лесу, прожектора нацелились на эстраду, и все вокруг искрилось, как в постановках Бенуа.

Но главное было впереди. Вдруг из-за холма возникла цепь факелоносцев, затем вторая, третья, и наконец мерцающие огни вылились на все зеленое поле. Факелоносцы стали зрителями. Они запели. Их гимном была песня Булата Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья». А затем один за другим выходили на дощатый эстрадный круг ребята и пели что-то свое, и десятки кассет наматывали десятки километров пленки, чтобы потом прозвучать в домах, общежитиях, автомобилях и кафе, и чем меньше это кому-то нравилось, тем больше становилось кассет...

Могут возразить: а что, если на такие кассеты записывается и тиражируется пошлятина, привозная муть, рассчитанная как раз на воспроизводство нравственной распущенности? Сидеть сложа руки? Совсем недавно обеспокоенное французское общественное мнение нарекло грохот, визг, неврастению, которые заокеанские дельцы от искусства насаждают повсюду, музыкальной оккупацией. Да и нам ли, стране с такой многообразной, многонациональной культурной и музыкальной палитрой, бездумно занимать мелодии, ритмы и уж тем более слова «шлягеров на экспорт»?

Однако в категоричности суждений должны быть обоснованность и доказательность, а не окрик и запретительство. Падеспань, падекатр, танго и вальс стали интернациональными, и уж если кто-то против «тяжелого рока», быть может, не стоит горячиться, а выслушать мнение молодежи, музыкантов и музыковедов, что, кстати, сказать, мы и начали делать? Весь мир пел в недавние годы «Подмосковные вечера», и мы пели их чуть ли не круглые сутки, а теперь перестали...

Почти до самых последних дней его жизни бывал я у Леонида Осиповича Утесова. Этот блестящий музыкант — король джаза, веселой одесской песни — был человеком высокой образованности, знаток литературы, многих искусств. Однажды он вытащил папку с вырезками из газет начала тридцатых годов. Какая полыхала дискуссия о том, нужен ли нам джаз и не есть ли он «музыка толстых», которую надо гнать с порога! Эти вырезки были из газет «Правда» и «Известия». Так вот «Правда» была решительно на стороне джаза... Он и завоевал сердца миллионов людей, как только вышел фильм «Веселые ребята».

* * *

Многие молодежные проблемы обозначились сейчас в повестке дня, их ввела туда атмосфера демократизации, гласности, резкого подъема общественного тонуса жизни. Нелепо было бы отмерять гласность разными мерками для разных поколений. Парням, вернувшимся из Афганистана, не нужна адаптированная правда. Как не нужна она и школьникам, которые видят, что учебники истории непрерывно переписывались, отнюдь не в сторону исторической объективности, а многие сложные процессы и вовсе «изымались» или упрощались.

Однако находились (их много еще и сегодня) такие, кто считал вполне приемлемым подобный метод формирования у молодежи нравственных устоев. Устоев — может быть, но насколько они оказались нравственными, что вышло в итоге?! Юноше и девушке, обдумывающим житье, тем, кого потрясала мысль Льва Толстого о том, что перед смертью и перед правдой все равны, и боль Александра Герцена, заявлявшего, что нет ничего отвратительнее, чем искажение истории по высочайшему повелению,— тем, у кого к гордости за Отечество примешивалось тревожащее чувство общественного застоя и неблагополучия, мы не можем больше говорить нечто вроде: «Все было не

просто» и т. д. И вновь делать «выборки» из реестра нахлынувших проблем. Самое страшное случится тогда, когда молодые люди перестанут задавать вопросы не только нам, старшим, но и самим себе.

Время заставляет (увы, далеко не всех) стряхнуть душевную лень, безразличие и при всей занятости, при всей громаде неотложных задач обратиться к миру молодых. Важно только не заслониться «эффектом» КВН, КСП, «Лестницы», не подумать: вот они, отгадки, вот они, ключи к пробуждению совестливости, духовности, гражданской активности нашей молодежи. Когда на экранах ТВ поет наконец Владимир Высоцкий — это подают как «маленькое недоразумение» (пожалуйста, слушайте, смотрите) и отсюда еще очень далеко до поворота к главной дороге.

* * *

В первой декаде января на всем Северном полушарии валили такие снега, каких, даже в нашей стране, не было много десятилетий. Ртуть, сжимаясь от холодов, падала почти до самого дна градусников. Нежные создания природы — снежинки, так легко тающие на теплой ладони, сбившись в многомиллиардные тучи, перегораживали дороги, останавливали поезда, хоронили под собой целые деревни.

Поплыл над Москвой знакомый звук: «шарк, шарк, шарк» — чистили снег. На узкой улочке, по которой я хожу на работу, дворники пробивали скребками-лопатами узкие проходы, сдвигали снежные валы на мостовую, а там за дело брались машины. Из школы, окончив шестичасовой рабочий день, выходили молодые люди спортивного стиля, в ярких куртках, с румянцем во всю щеку. По всему, десятиклассники. Никто из них не обращал внимания на пожилых женщин с лопатами.

Неужели ни самим школьникам, ни их комсомольским вожакам не приходит в голову элементарное: взять в руки скребок и убрать снег, хотя бы со своих путей-дорог? Впрочем, как же это им придет в голову, если никто не звонил, не обязывал, не требовал данных и прочее. Отправляясь в райком комсомола, они тоже не видят за любимым занятием своих секретарей и заведующих. И чаще там раздается: «делайте», а не «делай, как я».

Перед войной секретарь школьного комитета комсомола входил в педагогический совет школы с решающим голосом. Это давало немалые права и налагало серьезные обязанности. Директору нашей школы Петру Ивановичу Симакову не пришло бы и в голову уговаривать или даже просто разговаривать о снежных или иных хозяйственных проблемах с учениками — они решались самими ребятами. Разводили огонь под огромными чанами, куда ссыпались снежные кучи, «топили» снег — вывозить его на авто было невозможно, не было авто; сгружали уголь для котельных, готовили школу к зиме, к весне, к осени. Все само собой разумелось.

* * *

Старшие часто укоряют молодых тем, что сами они были лучше. Эти упреки так надоели нашей молодежи, что она снисходительно слушает нас, не слыша, кивает головой в знак согласия, не соглашаясь. Вернее даже другое: вечные понукания и нравоучения оставляют ее равнодушной. Жуткое слово «предки» стало обиходным. Поделим вину за это на равные части. Вспомним, что, когда нам все казалось «само собой разумеющимся», ближе был пример тех, кого с громадным уважением называют великими идеалистами нового мира. В пору нашей ранней юности им было только по сорок, пятьдесят лет. И уже на нашей памяти многие из них тяжелой ценой заплатили за свои идеальные представления о жизни. Исключая из понимания современных процессов эту пору нашей истории, замалчивая ее перед молодежью, мы занимаемся самообольщением. Когда отмечают юбилеи многих и многих старших и не обозначают стыдливо года и причины их смерти — такая полуправда не служит высокой нравственности. Мы вольны поступать так, но и молодые люди вольны находить свои варианты объяснений подобных явлений. Недоговоренности в одном мешают полному восприятию явлений в целом. Моралист может потерпеть фиаско, а главное, вызвать недоверие к другим своим справедливым и честным призывам. Полуправда угнетает человеческий дух.

* * *

Личность формируется под воздействием множества общественно значимых факторов, в том числе исторического опыта. Однако основы ее идейной, нравственной сути, ее морали лежат прежде всего в труде. Сознаюсь, написал и вздрогнул, услышал недовольное: «Опять про то, как надо вкалывать». Вся суть, смысл, все духовное богатство народов нашей великой многонациональной Родины цементируются этим коротким, вечно прекрасным словом — работа. Дворцы Ленинграда, обсерватория Улугбека, киевская София, Московский Кремль, вековая кладка Соловецкого монастыря, дом Пашкова, рельсы БАМа, конвейерные пролеты ВАЗа, КамАЗа, улицы Комсомольска-на-Амуре, дрейфующие СП, космический корабль «Мир» на околоземной вахте — все дело человеческого ума и рук. А напоминать об этом молодым людям стало чуть ли не признаком дурного тона.

Недавно в Азербайджане судили группу молодых прожигателей жизни, пьянчуг, автомобильных воров. На вопрос судьи: «Откуда это в вас?» — находчивые подсудимые отвечали: «А откуда особняки, «мерседесы», кольца у тех, с кого мы брали пример?» Умеют ведь защищаться, подлецы, бьют в точку. И хотя рядом со всей этой перерожденческой накипью грохотал рабочий Баку, хотя в ветер и зной, днем и ночью ввинчивались в морское дно буровые жала и черное золото, казавшееся почти исчерпанным, все же текло наверх, к людям, никто — ни судьи, ни зал — не нашел слов, чтобы парировать это обвинение...

Не могу не вспомнить в связи с этим того громадного общественного резонанса, который вызван был фильмом Романа Кармена «Покорители моря», снятого в конце 50-х годов. В ракурсе трудовых будней режиссер «схватил», препарировал языком киноискусства нерв жизни, суть и предназначение человека, утверждающего себя. Без плакатности, ходульности раскрывал Роман Кармен красоту людей. Никак не противопоставляя этот «положительный фильм» «отрицательному» «Легко ли быть молодым?», говорю себе: они должны идти в паре, как кинослор и кинодополнение, как раскрытие всех сторон бытия, а не как антиподы, как две стихии жизни, две стороны нравственных начал, выстраивающихся, естественно, не простым сложением, а слиянием.

Превратности судьбы отодвинули почти на двадцать лет возможность увидеть телевизионную серию «Штрихи к портрету». И вот четыре вечера мы спешили к телеэкрану и не отрываясь следили за острейшими событиями в жизни страны, партии, в жизни Владимира Ильича Ленина. Работа выдающегося актера Михаила Ульянова (невозможно, не хочется писать — «играющего Ленина») дарит нам мир ленинских сомнений, забот, размышлений, ясный жгучий мир человека, для которого все слилось в одно самое важное: спасти революцию, спасти Советскую власть. Поэтическая строка Пастернака: «Он управлял теченьем мыслей и только потому — страной» — материализуется каждым кадром, каждым штрихом ленинского образа.

Увлечь человека «теченьем мыслей» — в этом задача и сила нашего искусства. Если так случается, высокие слова не кажутся выспренними, и внешне обыденные поступки людей как раз и становятся образцами гражданского подвига. Прошедший, более чем нелегкий, тревожный год нашей жизни дал в подтверждение сказанному немалое число примеров. Чернобыль, «Нахимов», разбушевавшаяся по стране суровая зима. Было тяжело. Но мы все знали об этих событиях, они вошли в каждый дом, в каждую душу, они возбуждали у большинства не обывательское волнение, а истинную боль и совесть. Мгновенность и высшая патриотичность реакции народа в ответ на беды повергали в изумление наших идейных противников, которые вновь сталкивались с «загадочным» проявлением натуры советского человека. Я спрашивал у тех, кто был в Соединенных Штатах Америки в 1979 году, когда там случилась крупная авария на атомной электростанции «Тримайл айленд», как реагировал на это народ. Да, американская общественность была возбуждена, но не было там счета № 904, и тысячи добровольцев не требовали, чтобы их отправили на работу в район бедствия...

Партийные документы января вновь призвали нас к открытому разговору и сопоставлениям точек зрения, к объективной оценке событий во всем, в том числе и в искусствах, к отбрасыванию штампов отжившего и утверждению того, что идет на пользу обществу сейчас, в пору революционной перестройки бытия и сознания. 70-летие Великого Октября — время отчета, но сейчас в особенности, время дела и действий.

* * *

Молодежь всегда чутко реагирует на тревоги окружающего мира. Она ищет объяснений. Пора тысяч «почему?», возникающая в первые годы осознания юным существом своего человеческого предназначения, идет с ним долгий срок, и этому нужно только радоваться. Молодежь спрашивает нас, и мы должны не лениться отвечать ей. И задавать вопрос себе: а в самом деле, почему?

Сидим в редакции с преподавателем математики московского вуза и беседуем о том, как выпускники его института, призванного обеспечивать тяжелую промышленность кадрами, устраивают свои деловые судьбы.

— Если говорить напрямую,— замечает мой собеседник,— процентов 80 из них будут иметь отдаленное отношение к тому, чему учились. Рассосутся по городским конторам, начнут «обустраиваться», и для многих это станет «резиной на всю жизнь».

Рассказал такую историю. Один из его учеников, совестливый парень, «осевший» в подобной организации, присылает иногда письма, заканчивая их иронической фразой: «С уважением без... работный...»

Сколько лет он будет прозябать подобным образом за сто с небольшим, что он может сделать на эти сто с небольшим и как ему быть, милому?! Хорошо, если достанет мужества, совестливости выбраться из болота, найти того, кому он действительно нужен по делу, кто вовлечет его в орбиту действительной занятости, а коли нет?

А соблазнов много, жизненный «стандарт» все повышается: автомобиль считается уже не роскошью, а средством передвижения миллионов, итальянские сапоги пока лучше, чем с нашей маркой, а цена им — его оклад. Хорошо, если он не потянет руку к чужому богатству, к нечестным рублям, к «боковым» доходам, не прижмет мастера или прораба стальной логикой: «У нас нет безработицы, повсюду требуются, не выведешь 400, перейду на другое место».

Какой мерой оплачивать тот или иной труд, занятость, дело? Перестройка хозяйственного механизма, ведущаяся в стране, все ближе подводит к решению этих вопросов на единственно реалистических путях. Полный хозяйственный расчет, материальная заинтересованность каждого, в особенности молодого, человека в результатах труда, самоутверждение себя через такой достойно оплачиваемый труд. Лучше закрыть сотню ненужных контор, чем со все большей озабоченностью думать о том, что наша смена вся вроде пристроена, а дело движется медленно.

Деньги, честно заработанный рубль, премия зачисляются нами в область материальной заинтересованности, а моральная, дескать, нечто иное. Разъединение этих категорий оценки деятельности личности в условиях социалистических производственных отношений более чем нелепо. И оно особенно непонятно молодым людям, поскольку, с одной стороны, уменьшает силу воздействия морального фактора, с другой — гасит их общественную трудовую активность. Мы слишком долго ассоциировали с рублем рвачество, скопидомство, жадность и породили этим социальную инфантильность и иждивенчество.

Вечный спор — деньги, выгода, нравственность. Возможно — невозможно соединение этих понятий, да и правомочно ли оно с точки зрения «святой морали»? Никакому нормальному человеку, принявшему философию нашего общества, не придет в голову поставить «монету» на первое место, заслонить ею смысл жизни. Кстати, чаще всего именно те, кто боится заражения «вещизмом», не относят этого правила на свой счет.

* * *

Природа умна. Она так выстроила физиологию и философию человеческой жизни, чтобы не рвалась нить, соединяющая поколения. Един срок земных забот старших и младших, прекрасно и продуктивно слияние в одном потоке мудрости и молодости. Не было случая, чтобы молодежь нашей страны в крутой ситуации хоть в чем-то подвела свой народ. Можно быть уверенным, что так будет и впредь. И если старшие видят, что не все ладно в мире молодых,— это прежде всего означает, что не все ладно в их собственном мире. Теперь, когда ветер революционных перемен сдувает, счищает с общественного бытия и сознания коросту застоя, когда вранье и приспособленчество высвечиваются и борьба за победу над силами застоя идет по нарастающей, не надо торить какую-то особую дорогу для молодых. В том сражении, в каком мы очищаемся сами, лежит и святое дело очищения нашей смены. Она, наша смена, чувствует, что старшим тоже не легко, и при всех кажущихся да и существующих на самом деле зигзагах, болезнях роста молодежь хочет идти и идет вместе со старшими поколениями...

Что касается моды на танцы, пусть старшие припомнят, как сами тайно танцевали фокстрот, с опаской начинали играть в хоккей с шайбой, носили то узкие, то широкие брюки, и со всем шла несусветной силы борьба, в которой мы, тогда молодые, никак не могли понять старших...

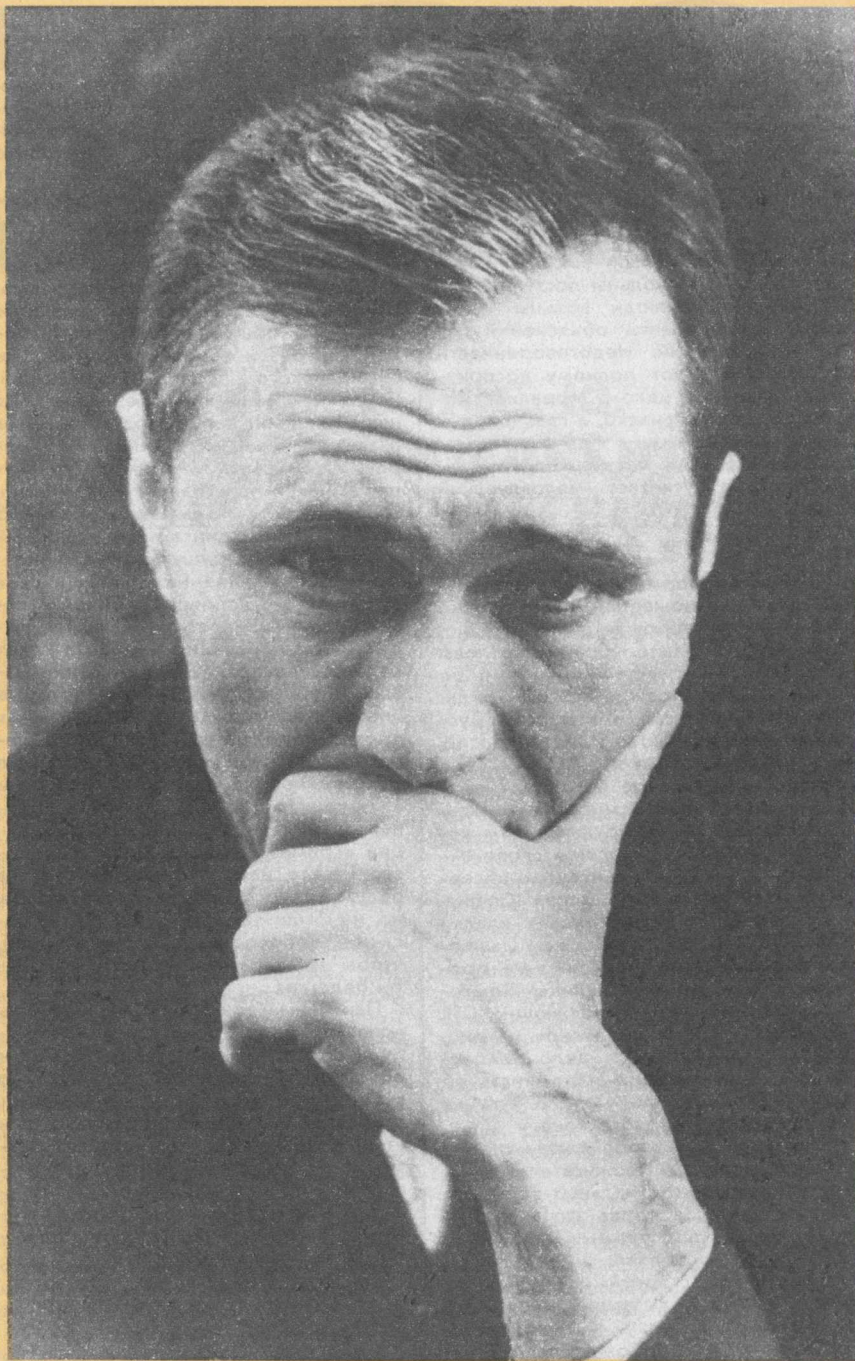
Когда ему исполнилось пятьдесят, не было обычной в таких случаях шумихи, связанной с награждением, с банкетами, с творческими вечерами — ничего этого не было, потому что его самого уже не было среди нас. И все-таки этот день литература отметила. Летним субботним вечером по телевидению была показана большая передача, посвященная его жизни и творчеству.

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ ШУКШИНА

Ион ДРУЦЭ

Актеры, участвовавшие в передаче, в качестве вступления, в качестве эпиграфа, что ли, начали с бесконечно задумчивой и бесконечно грустной народной песни:

Миленький ты мой...
Возьми меня с собой!
Там, в стране далекой,
Назовешь меня женой...

Передача была долгая, около часа с лишним. Построенная вся на документах, она включала в себя отрывки шукшинской прозы, сцены из его пьес, фрагменты его актерских работ, воспоминания друзей, но, не в обиду авторам этой передачи будет сказано, на протяжении всего вечера они ни разу не смогли подняться до уровня, заданного той грустной и щемящей народной песней, до той правды, которую заключали в себя те четыре строчки.

Таинственная это штука — жизнь, но еще таинственнее ее отражение в искусстве. Казалось бы, что общего между прозой Шукшина и этой нехитрой народной песней? Суровая, жесткая проза Шукшина лежит не то что на другом берегу — она на другом континенте лежит. Но вот поди ж ты, творчество писателя, и его судьба, и та широчайшая любовь читающих масс — все это как-то вдруг на наших глазах слилось со стародавней народной горечью, став на наших глазах единым целым...

А время идет. Казалось, это было совсем вчера, но между тем прошли уже годы с того жаркого дня конца августа, когда неожиданная весть ворвалась в дом — умер Шукшин. Скоропостижно скончался на съемках фильма «Они сражались за Родину» где-то в обожженных солнцем донских степях. А он только-только определялся на предначертанном ему месте в литературе, его работы только-только зазвучали в полный голос, и, может, потому весть о его скоропостижной кончине была так неожиданна, так, сказал бы я, несправедлива, что горечи не было конца.

Журналы печатали еще рассказы, полученные от него самого. В газетах выходили горячие, обжигающие душу строчки его последнего интервью. В кинотеатрах еще шел его последний фильм «Калина красная», в темных залах с утра до вечера, сеанс за сеансом, волна за волной грохотал его сильный, мужественный голос, а сам он уже лежал в гробу в Доме кино, и усталая сельская жительница тихо плакала у его ног. Казалось, это одна из героинь его рассказов, и только когда женщина, вытерев глаза, замирала в горе своем, родство обличий выдавало в ней мать.

В тот горький день траура вдруг выяснилось, что Шукшин не просто хороший писатель — он писатель народный, и, казалось, не было конца людской веренице, шедшей поклониться его могиле и положить на свежевырытую землю свой цветок. Цветов и калины красной, говорят, в тот день собралось на его могиле так много, что они виднелись из-за высокой каменной ограды Новодевичьего монастыря.

Потом, как полагается, были поминки. Потом запустили в кинопроизводство и в печать все то, что так долго никак не запускалось и никак не печаталось. Выход каждого нового произведения в кино, на телевидении, в театре или в издательстве превращался в новую встречу с Шукшиным и в еще одно прощание.

* * *

«Впереди стаи бежал тот, крупный, матерый, с опаленной мордой. Он чесал ровно с санями, ни на что и никак не отвлекаясь, весь стелясь в свой бег. Макар кидал в него шапкой, соломой, всем, что в санях попадалось под руку, но волк бежал как ни в чем не бывало. «Этого уж ничто не остановит,— подумал про себя Макар.— Этого только смерть остановит».

Художника выдает стиль. Это редчайшее явление в искусстве — художник, у которого есть свой стиль. Он, думается мне, этот стиль, не что иное, как сплав таланта и характера художника, ибо без характера в искусстве, так же как и без таланта, делать нечего. У Шукшина был яркий, самобытный характер, и, конечно же, у него свой стиль. Он пришел в искусство уже зрелым, сложившимся человеком, и стиль его, минуя все стадии становления, заявил о себе с самого начала, как о завершенном литературном явлении. По типу своему Шукшин был человеком хватким, торопливым, какой обычно бывает у тружеников земли перед весенним севом, когда все важно, все надо помнить и сделать в срок. В одном из последних интервью он сетовал на то, что, мол, слишком мало написал, всего-то несколько книжек прозы. Кажется, в нем жило ощущение, что он слишком поздно переступил порог художественного творчества и что ему раньше других суждено будет его покинуть. Этим, думается мне, объясняется и некоторая его замкнутость, некоторая излишняя категоричность в суждениях и поступках.

Где-то мне довелось прочесть мимолетное, но очень меткое суждение о сельских парнях, которые, в пору своей первой молодости, опьяненные только что нарождающейся силой и ловкостью, готовы буквально на все, лишь бы доказать всему миру и самим себе, что они могут почти все. Они сгорают на бегу, на лету, на полуслове, и как важно, чтобы в эти трудные минуты жизни рядом с ними был кто-нибудь из односельчан, наделенный рассудительностью и разумной долей философского скепсиса.

Шукшин кинулся в пучину нашей художественной жизни, поставив перед собой не то что непосильные, а изначально невыполнимые задачи. В годы, когда многотомные эпопеи заняли ведущее место в прозе, Шукшин возобновляет демократические традиции русской новеллистики. На каждый ход томом в восемьсот страниц он отвечал рассказом в десять— двенадцать страничек и, как ни странно, выигрывал и часто одним-единственным рассказом.

В годы, когда пустые замыслы кинолент летали, как бабочки, из кинотеатра в кинотеатр, Шукшин решился ставить фильмы, которые бы трещали от соков окружающей, неприглаженной действительности. В годы, когда мало-мальски одаренные актеры снимались почти одновременно на всех киностудиях страны и подписывали контракты, едва пролистав сценарий, Шукшин болезненно, подолгу обдумывал каждое предложение, и его роли в чужих фильмах поражают своей отточенностью и тем, насколько тонко продолжал он в чужих фильмах свою собственную тему, не нарушая при этом чужой замысел.

Ему хотелось вернуть литературе

скупость честного, непорочного слова; ему хотелось вернуть актерскому мастерству его гражданскую основу; ему хотелось отучить съемочную камеру от смазливых личиков, привив ей вкус к грубым, но прекрасным в своей первозданности людям труда,—видит бог, задача эта непосильна не то что для одного человека, она, может статься, непосильна для целого поколения.

Во всех своих литературных, кинематографических работах, во всех своих выступлениях, в каждом слове и поступке Шукшин оставался преданным людям труда, сельским жителям. Это была его явная страсть. Что бы мы там ни говорили, а жизнь в селе, и на мой взгляд, намного труднее жизни городской. Колхознику во много раз труднее достается кусок хлеба, минута отдыха. И, может, потому художники, выходцы из деревни, остаются надолго верными той среде, из которой они вышли.

С Шукшиным я, к сожалению, не был знаком, но один раз видел его. Центральный Дом литераторов устраивает иногда вечера под названием «В кругу друзей». Эти вечера, призванные к тому, чтобы подкрепить былую славу нашего клуба, тщательно подготавливаются.

В приглашении на один из таких вечеров сообщалось, что с чтением своего нового рассказа выступит Василий Шукшин. Как раз к тому времени гремели по Москве два новых цикла его рассказов, опубликованные, кажется, в «Новом мире» и «Нашем современнике». Разумеется, это был гвоздь программы, главная его приманка, и потому в дубовом зале яблоку было негде упасть.

А вечер, как это ни удивительно, никак не выстраивался. Трудно сказать почему. На улице было холодно и неуютно — не то конец зимы, не то начало ранней весны, но для зимы было слишком сыро, для весны было слишком холодно. Это в конце концов сказывалось на настроениях, а что такое вечер в ЦДЛ, как не сумма настроений участвующих в нем людей?

Сначала выступил кто-то из наших ведущих юмористов. Фельетон был остроумен, но затаскан на радио и телевидении до предела, и участники вечера демонстративно не смеялись—надо в конце концов иметь совесть. Тогда оскорбленный автор прочел новый фельетон, никому еще не известный. Круг друзей напрягся, ловил малейший намек на юмор, а его решительно не было, ну прямо ни следа...

Следующим номером были два студента из ГИТИСа. Отделение циркового искусства. Молодая девушка в купальнике, поднявшись на низенький столик, поставленный на полу в центре зала, делала мостик, шпагат, стояла на одной руке, на одном пальце, на одном дыхании. Я рискну даже сказать, что она сделала слишком большие успехи, а это в цирковом искусстве, так же как и в других искусствах, вещь нежелательная.

Потом был объявлен Шукшин. Достал откуда-то из карманов кипу страниц, буркнув при этом, что в программке вечера допущена опечатка — не новый рассказ, а отрывок из нового рассказа он собирается прочесть. Публика несколько зашевелилась, потом приутихла — отрывок, так отрывок.

Но мало того, что это был отрывок, Шукшин, будучи прекрасным актером, прочел свой кусок на редкость плохо — однотонным деревянным голосом шпарил фразу за фразой, никак не выделяя ни диалог, ни паузы. Вместе с тем кусок был сочный, вкусный, в зале посмеивались, изредка аплодировали, но Шукшин пропускал мимо ушей все эти знаки внимания и шел к концу, как по шпалам. В этом был он весь.

Провожали его восторженно, а он, едва поклонившись, направился к выходу — рассказ его по-прежнему не устраивал, нужно было спешить в свою крохотную кухоньку дошлифовать его. Вы, мол, тут хлопаете, визжите от удовольствия, это ваше дело, а мне тут некогда рассиживать, хоть мы с вами и посидели, как говорит приглашение, в кругу друзей...

Он покинул зал, полностью его игнорируя. Я пишу об этом с уверенностью, потому что вместе со всем залом сам почувствовал себя задетым, и это было единственное, что мне в том вечере понравилось...

* * *

Сказать, что Шукшин жил, работал и умер на наших глазах, было бы неверно. Шукшин сгорел на наших глазах. Жизнь, которая обрела себя только под тридцать и оборвалась в сорок пять,— это трагедия, и от этой трагедии совестливой русской литературе никуда не уйти. Как и любая истина, не освоенная еще до конца, она ждет, когда ее осмыслят и сделают частью житейского опыта народа.

Говорят, переутомлен был сверх всякой меры. Днем снимался в знойных, прокаленных августовским солнцем донских степях, в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке, а по ночам писал пьесу для Ленинградского БДТ. К несчастью, все в том году ему давалось на удивление: и роль солдата отлично выстраивалась, и пьеса двигалась на всех парах к Товстоногову. Последний год в жизни художника с его неслыханными удачами — какая это, в сущности, печальная картина!

Говорят, его разрывали меж собой не только два различных, но, может статься, противоположных, взаимно исключающих друг друга вида искусства — письменный стол и съемочная камера. Слово рождается в тишине и одиночестве, из потребности выразить себя и общаться с остальным миром. Камера требует людской толчеи, шума и страстей—и чем больше толчеи, шума, и страстей, тем больше проку в той работе.

«Тебе, Василий, в конце концов придется выбрать между письменным столом и камерой»,— так сказал ему, по преданиям, его учитель и наставник Михаил Ромм.

Шукшин, к своему несчастью, слишком долго раздумывал над советом своего учителя. Последние его интервью, последние страницы говорят о том, что выбор был им сделан в пользу письменного стола, но его слова были сказаны уже оттуда, из-за той роковой черты, откуда возврата нету.

«Нравственность — это Правда»,— сказал он в одной из последних своих бесед. Мы читали и радовались точному и четкому его мышлению и думали про себя, что еще томов двенадцать великолепной прозы последуют после этого крика души, а он был брошен нам уже оттуда, с того, другого берега...

* * *

Вопрос, почему Шукшин так поздно пришел и почему так рано покинул то поле литературы, которое он призван был возделывать,— этот вопрос долго и мучительно еще будет витать перед русской литературой. И, возможно, чувствуя, что мы сегодня еще не в состоянии на него полностью ответить, мы опять снова и снова возвращаемся к этому художнику и каждую новую встречу превращаем в трогательные проводы. Может, поэтому ему, едва ли не единственному из числа многих достойных художников, покинувших в последнее время этот мир, русская литература устроила такие долгие-долгие-долгие проводы...

ГЛАСНОСТЬ ПАМЯТИ

Борис БРУНОВ,
народный артист РСФСР

Люди моего поколения помнят, как громко «била» критика Л. Утесова, И. Дунаевского. Потом их творчество стало классикой.
Думаю, что мы должны помнить и о таких наших просчетах. Давайте придадим их гласности, вдруг это поможет тем, кто сегодня ставит нам «оценки», делать это более профессионально и бережно. Если по театральным статьям в большинстве случаев можно написать творческий портрет артиста минувшего века и восстановить нюансы и мизансцены старого спектакля, то попробуйте это сделать по рецензиям на эстрадные концерты.

Иногда мне кажется, что многое уже утеряно безвозвратно. Сколько актерских имен, блиставших ранее на эстраде, жизнью и творчеством которых был создан этот жанр, канули в Лету...

Я — конферансье, и понятно, что прежде всего моя память обращается к собратьям по жанру: А. Гриллю, А. Амурскому, А. Менделевичу, И. Муравскому, актрисе театра Комиссаржевской М. Марадудиной, ставшей первой в России женщиной-конферансье, мастеру «словесного боя с публикой» М. Гаркави.

А говорит ли что-нибудь молодому артисту эстрады имя «реставратора-экспериментатора» (как называл его известный критик П. Марков) Николая Михайловича Форегтера? Скорее всего нет. А ведь когда-то имя этого эстрадного режиссера, дающего зрителю по призыву В. Маяковского «танцующую идеологию, веселую, бурно-каскадную пропаганду, искрящуюся революционную театральность», ставили рядом с могучим Мейерхольдом.

И не случайно я вспомнил Форегтера. В этом его благородном и трудном деле он имел талантливых преемников, одним из которых историки эстрады (если такие вдруг появятся) назовут Юрия Трофимовича Тимошенко.

Народный артист УССР Ю. Тимошенко умер в декабре минувшего года. Умер на гастролях, в пути, на работе... Не выдержало сердце, много пережившее, годами работающее с перегрузками. Велика роль этого большого артиста эстрады в развитии, поисках пути и становлении нашего советского искусства.

Тем обиднее, что уход артиста из жизни не был отмечен должным вниманием. Короткое сообщение о кончине Ю. Т. Тимошенко появилось в газете в день похорон, к тому же не были указаны ни место, ни время панихиды...

Ушел артист, ушел без нашего прощального слова. Я считаю святой обязанностью его коллег сделать так, чтобы он остался в памяти людей.

Незадолго до смерти Ю. Т. Тимошенко я встречался с ним и Е. И. Березиным. Разговор шел об их творческих вечерах на сцене Московского Государственного театра эстрады. Тимошенко и Березин! Артисты эстрады, почти полвека державшие лидерство среди коллег и вызывающие непроходящий интерес зрительской аудитории.

В чем секрет их успеха, причина такой стабильной популярности? Я думаю, не только в актерском даровании и высокой театральной культуре, но и в обостренном чувстве современности. «Двуязычие» артистов, ведущих свои сценки, интермедии, диалоги на русском и украинском языках, зрителем было принято сразу.

Конферансный дуэт на эстраде — явление нечастое. Здесь особенно важно найти свою манеру «проживания» на сцене. Так, Л. Миров и Е. Дарский были собеседниками, время от времени отрывающимися от разговора для объявления номеров. А вот Тимошенко и Березин вообще как бы оставляли в стороне и исполнителей, и сам концерт, и от первого лица разбирали на зрителе все волнующие народ проблемы.

Они очень ярко и четко обнаруживали своим поведением на сцене мысль о неразрывной связи эстрадного искусства с жизнью страны, жизнью тех, кто создает ее духовные и материальные ценности. Они так долго работали вместе и жили едиными стремлениями и интересами, что трудно, говоря об одном артисте, не вспомнить другого. Они неделимы в своем творчестве. И это началось с их первых, пробных шагов на студенческой сцене.

Уже тогда был заметен повышенный интерес зала к их совместным появлениям на сцене. И несмотря на то, что Ю. Тимошенко учился на актерском факультете института, а Е. Березин постигал основы режиссуры, оба, еще будучи студентами, решили работать на эстраде.

В канун войны они стали победителями первого тура Всесоюзного конкурса эстрады, который проходил в Киеве, а первые дни войны они уже отсчитывали как артисты военного ансамбля.

Маски «милиционера» и «осветителя» к тому времени у артистов были наиграны. Но, с успехом «проходя» на мирном зрителе, они не встретили желаемого приема у людей, уходящих на фронт. Вот тогда-то и объявились повар Галкин и банщик Мочалкин. А вскоре зритель в военной шинели по всему фронту именовал ансамбль не по названию, а по службе в нем Галкина и Мочалкина.

Ансамбль, где служили Ю. Тимошенко и Е. Березин, одной дорогой с армией прошел путь Великой Отечественной и май 1945-го встретил у стен Берлина.

3 мая 1945 года артисты выступали перед победителями на площадях Берлина, затем давали концерт на Эльбе, на встрече с американскими союзниками... И все! Домой!

У Ю. Тимошенко был литературный талант. В соавторстве с Е. Березиным он создавал многие тексты программ, пользуясь приемом живого рассказа; я уверен, что большинство зрителей и не подозревали на их концертах о том, что сценарий написан заранее. Часто артистам приходилось быть и режиссерами своих программ, спектаклей.

Что касается работы в кино, то, я думаю, им повезло. Есть много лент, запечатлевших игру, манеру этого дуэта. Комическая короткометражка

«Тарапунька и Штепсель под облаками», забавный маленький мюзикл «Приключения с пиджаком Тарапуньки», фильм-обозрение «Ехали мы, ехали», «Веселые звезды», «Штепсель женит Тарапуньку» и т. д. К тому же в известном фильме «Падение Берлина» Ю. Тимошенко сыграл одну из главных ролей — Костю Зайченко, и эта работа — одно из ярких свидетельств его актерского мастерства, за нее он был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Это было время, когда их знали все. Задолго до эры ТВ! Потому что они сами искали встреч со зрителем. Они всегда были на колесах. Трудные гастроли послевоенных лет. Разрушенные города, холодные залы. С поезда — на машину, а то и пешком, в любую погоду, тогда не принято было высказывать недовольство неустроенностью быта. Волновало другое, и это звало только вперед.

Юрий Трофимович Тимошенко.

Их встречали строители Волго-Дона, им аплодировали в Комсомольске-на-Амуре, их ждали на полевом стане и в Большом зале конгрессов в Варшаве, они вели концертные программы на сценах Большого театра, Одесской оперы, Киевского театра оперы и балета, их голоса помнят стены Колонного зала, а записи с их шутками звучали в космосе... И если сегодня мы возьмем тексты их сценок, куплетов, интермедий, то по ним можем узнать о радостях и бедах, пережитых страной, ее народом.

Только кто будет собирать этот материал? Кто сохранит его?

В этом отношении эстрада непростительно щедра на забвение. О выдающемся актере театра, цирка, балета вы можете узнать из энциклопедии театральной, цирковой, балетной. А как бы хотелось, чтобы была и наша, эстрадная энциклопедия!

Хочется верить, что появятся на ТВ, работа которого сейчас являет пример поиска и смелого эксперимента, циклы передач, посвященных творчеству корифеев эстрады Рины Зеленой, Марии Мироновой, Изабеллы Юрьевой, Германа Орлова, Павла Рудакова, Вениамина Нечаева...

И руки театроведов сами потянутся к перу, чтобы миллионы читателей-зрителей получили книги о любимых артистах. Не так уж и велик список «звезд» нашей эстрады. Тем бережнее и внимательнее надо к ним относиться, надо, чтобы об их труде, поисках, победах знали те, кто их любит сегодня, и те, кто придет потом.

Александр КАМЕНСКИЙ

ПАЛИТРА

БЕЗДОННЫ ГЛУБИНЫ РЕАЛЬНОГО

Вот уже несколько лет прошло с тех пор, как закрылись двери Третьяковской галереи. Ее помещение обветшало, и после долгих колебаний решили, не ограничиваясь полумерами, построить новый музейный комплекс (реставрированное прежнее здание с фасадом по проекту В. М. Васнецова станет его центральным звеном).

Сокровища Третьяковки — воздух нашей национальной культуры. Обойтись без них просто немыслимо. Между тем растет целое поколение наших детей, которые никогда не видели воочию ни «Троицы» Рублева, ни этюдов Александра Иванова, ни «Боярыни Морозовой» Сурикова. И не скоро еще увидят. Обещали временные выставки отдельных произведений (как это делают в Ленинграде, где великий Русский музей — надо же быть такому грустному совпадению! — также оказался в ремонтной ситуации). Но пока их почему-то не было. В залах музейного объединения «Третьяковская галерея» на Крымской набережной показывали коллекцию Арманда Хаммера, мастеров Дюссельдорфской школы. Чрезвычайно интересные выставки. Но, положа руку на сердце, я охотно посмотрел бы на них в других залах. А вот картин Рокотова, Венецианова, Федотова, Репина, Врубеля, Серова нам, право, не хватает в нашем повседневном духовном обиходе...

Одно было доброе утешение — экспозиция (там же, на Крымской) с длинным и выразительным названием «Выставка произведений, полученных в дар Государственной Третьяковской галереей и Картинной галереей СССР. Живопись. Графика. Скульптура. Документы». Эти дары от чистого сердца завершали долгие истории поисков, находок, проникновенной близости с прекрасными образцами русского искусства, которые теперь, покидая своих старых владельцев, обретут место в Третьяковском царстве русского искусства. Со временем, но обретут. В искренней надежде на это дарили и продолжают дарить музею картины, скульптуры, рисунки. А ведь они были не просто деталями обстановки, но и сокровенной частью жизни...

Хронологический диапазон «даров» был велик — от дивной иконы «Спаса Нерукотворного», которую преподнесли галерее знаменитые московские художники Т. Маврина и Н. Кузьмин (ныне уже покойный), и до некоторых работ современных мастеров.

Различен и стилевой характер подаренных произведений. «Старая» классика предстала относительно скупым числом образцов. Тем более ценен каждый из них, будь то пейзажно-жанровые полотна прославленных Федора Васильева и Ивана Айвазовского или женский портрет никому неведомого, но добротно продолжившего лучшие традиции первой трети XIX века Петра Подкованцева (я говорю о тех картинах, которые репродуцированы в этом номере журнала). Все они приносят искреннюю «радость узнавания», и в эти доверительные встречи со старыми знакомцами вряд ли тактично вмешиваться комментатору.

Впрочем, со временем может както меняться и взгляд на привычное; в нем также появляются иногда новые оттенки. Мне хотелось бы в этой связи поделиться одним личным воспоминанием. С университетских лет я был воспитан в убеждении, что И. Айвазовский — настоящий классик жанра марины, мастер в своем роде непревзойденный, но несколько поверхностный, бьющий на внешнеромантический эффект, а иногда и салонный. Но это убеждение резко оспорил Мартирос Сергеевич Сарьян. В конце пятидесятых годов я, готовя монографию, гостил у него в Ереване. Однажды мы гуляли по берегу реки Раздан. Вода плескалась и бурлила у берегов. «Странно,— заметил я,— никто не умел по-настоящему изобразить такую вот кружевную пену над прибрежными волнами». «Как! — изумился Сарьян.— Айвазовский великолепно это делал!»

Я деликатно промолчал. Сарьян искоса взглянул на меня и буркнул сердито: «Ну да, я слышал такие суждения об Айвазовском, будто он всего лишь ремесленник-виртуоз. Неверно! Если художник сумел увидеть и показать какие-то особые свойства природы, значит, он обладает мудростью, решительно далекой от бездумного ремесла. По собственному опыту я знаю, что пейзаж и портрет в чем-то удивительно близкие жанры. Если я пишу какой-нибудь вид, то считаю его удавшимся лишь тогда, когда в нем вдруг проступают черты характера, близкие человеческим. В маринах Айвазовского есть такие черты — волнение, душевный покой, мечтательность. Он психолог природы. Это очень ценно и крайне редко встречается».

Теперь я думаю так же. Вот и в картине «Конец бури на море» видится подлинное богатство оттенков чувства. В наступающем успокоении еще слышатся отголоски недавнего порыва, волнение еще не улеглось, но оно становится просветленным. И мастерство художника прежде всего в том и проявилось, что он сумел это показать, хотя краски моря, игра вздымающейся пены, мрачность уходящих туч изображены с истинным артистизмом; однако это не затмевает сути образа, а, напротив, помогает ей раскрыться...

Все же большая часть «даров» связана с искусством XX века, в частности с его экспериментальными направлениями. Принципиально важен самый факт их включения в экспозицию. Еще сравнительно недавно любое сколько-нибудь отклоняющееся от традиций XIX века произведение могло в наших музеях рассчитывать (и то далеко не всегда) только на запасники, где и дремало десятилетиями. Как это обедняло, обкрадывало, бессмысленно архаизировало нашу художественную культуру — уму непостижимо! Да об этом еще и рано говорить в прошлом времени. Вы можете, к примеру, прочесть совсем недавнюю статью В. Арсланова «Белое или черное» (журнал «Художник» № 12 за 1986 год), где автор начисто перечеркивает все советское изобразительное искусство первых послеоктябрьских лет потому, видите ли, что оно было, как мнится автору, «мелкобуржуазным» и потому «левым». Огромные творческие завоевания художников революции, их поразительные по своей смелости и гражданскому звучанию находки, заслужившие весомый мировой авторитет,— все это начисто сбрасывается со счетов в угоду догматической схеме. Дай волю таким «горлохватам» (как в одном недавно опубликованном письме К. Симонов называл гонителей В. Татлина), они будут действовать (уже действовали!) беспощаднее византийских иконоборцев и простонапросто уничтожат наследие искусства революционных лет.

Но ныне, к счастью, от догматиков «сие не зависит». Целая эпоха истории русского искусства, дореволюционного и послеоктябрьского, возвращается зрителям, займет свое достойное место в музеях и книгах. Еще предстоят, конечно, долгие годы борьбы и усилий, чтобы объективность была полностью достигнута. Это неизбежно и необратимо.

И вот тут надо отдать должное частным собирателям и коллекционерам. Без их убежденной и самоотвер-

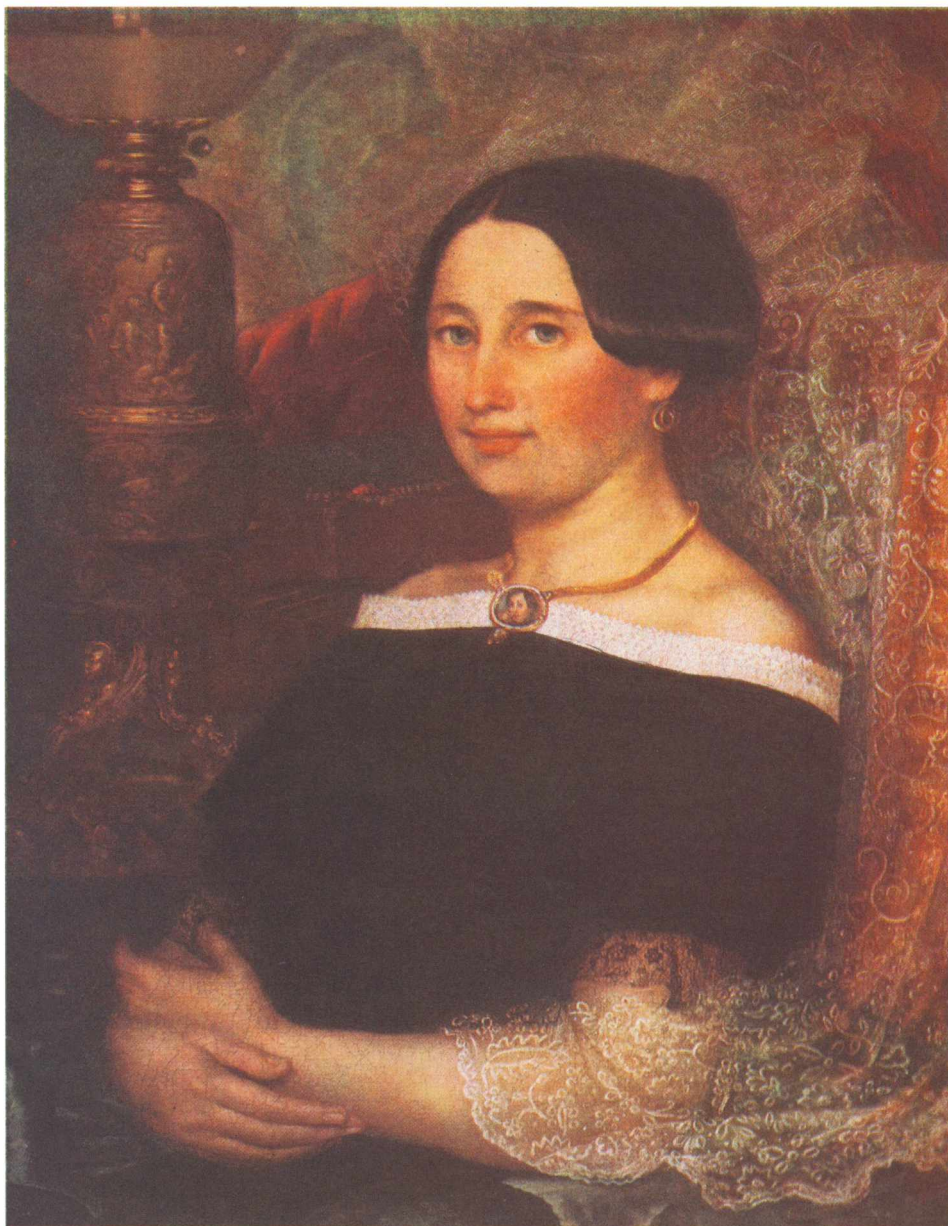
женной помощи множество прекрасных произведений русской школы просто-напросто пропало бы, загубленное агрессивными невеждами.

К примеру, литературовед и искусствовед И. Зильберштейн, хирург А. Абрамян десятилетиями собирали картины и графику общества «Мир искусства», которое долгие годы шельмовали как проявления «эстетизма и космополитизма». Теперь «мирискусснические» сокровища Ильи Самойловича Зильберштейна украсят вновь организуемый Музей личных коллекций в Москве, а собрание Абрамяна превратилось в ереванский Музей русского искусства (уже открытый!). Сохраненные частными коллекционерами произведения мастеров русского «авангарда» (больше всего их в свое время приобрел Георгий Дионисьевич Костаки) займут свое место в иных галереях и музеях.

«Третьяковка» — в их числе. На выставке «даров» были показаны чрезвычайно интересные работы из числа тех, что были созданы в рамках новых художественных направлений. Весьма поучительно увидеть такие произведения по соседству с работами традиционного плана. Открывается ведь не только различие, но и известная общность, единая жизненная природа образов!

А в чем, собственно, их основное различие? Очевидно, в том, что на смену «прямой речи», повествовательным принципам приходит ассоциативный строй, особое значение живописно-пластической экспрессии.

Как бы на рубеже различных художественных систем находятся картины одного из «мирискусников», Александра Головина, и участника выставок объединения «Бубновый валет» Василия Рождественского. Головин более всего известен как блистательный декоратор сцены. Но он был и оригинальным портретистом. Преимущественное внимание живописца привлекали люди художественно-артистического мира. Изображая их,

П. И. ПОДКОВАНЦЕВ. 1820—1878. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ. 1849.

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ. 1850—1873. РЫБАКИ. 1870.

Головин прибегал к декоративным эффектам, броским и острым красочным сопоставлениям. Вот и в «Женском портрете» на выставке в Третьяковской галерее (возможно, он запечатлел певицу Куза) изысканный интерьер, мягкие сочетания розового, черного и голубого создают ощущение тонкой, хорошо рассчитанной зрелищности. Портрет выглядит, как театральная мизансцена. В ней нет никакой сюжетной завязки, но все «играет» — взгляд, жест руки, красочный строй, расположение предметов. Перед нами спектакль женского обаяния, душевной отзывчивости, чувственной полноты жизни.

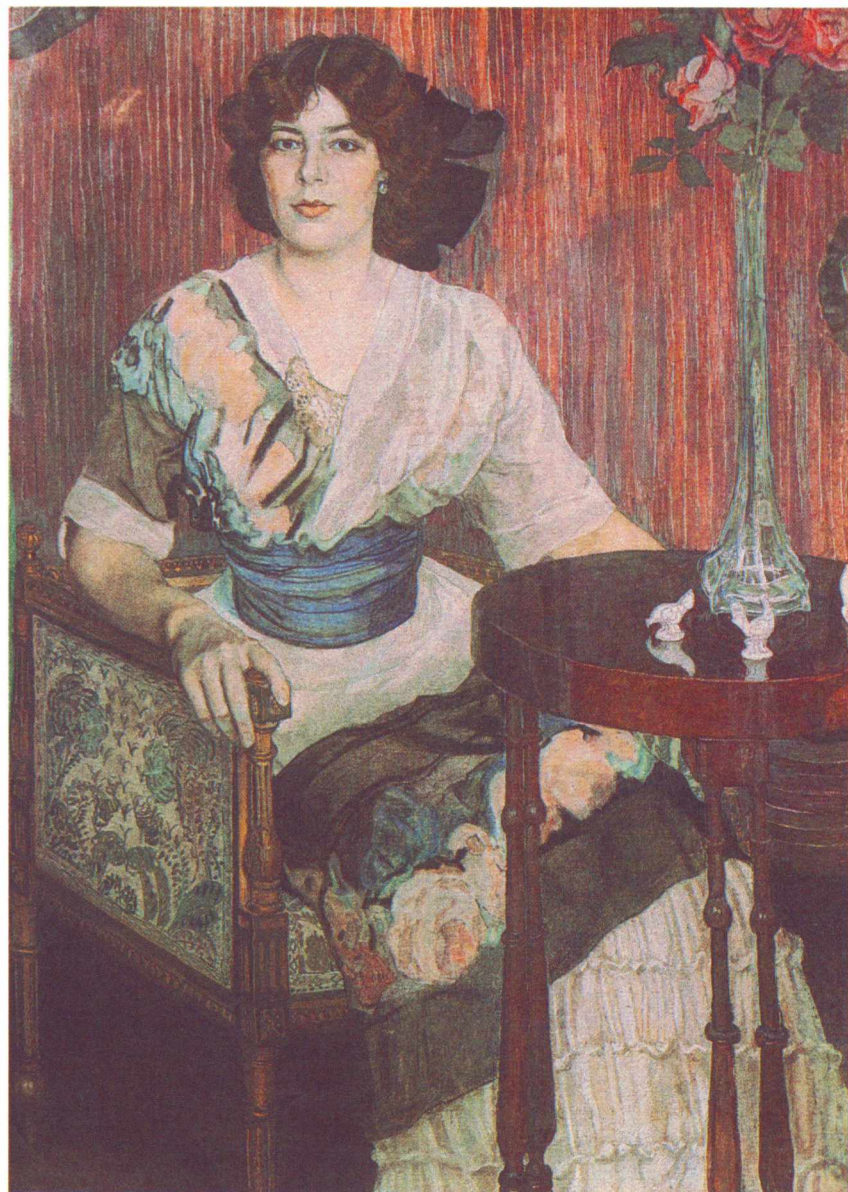
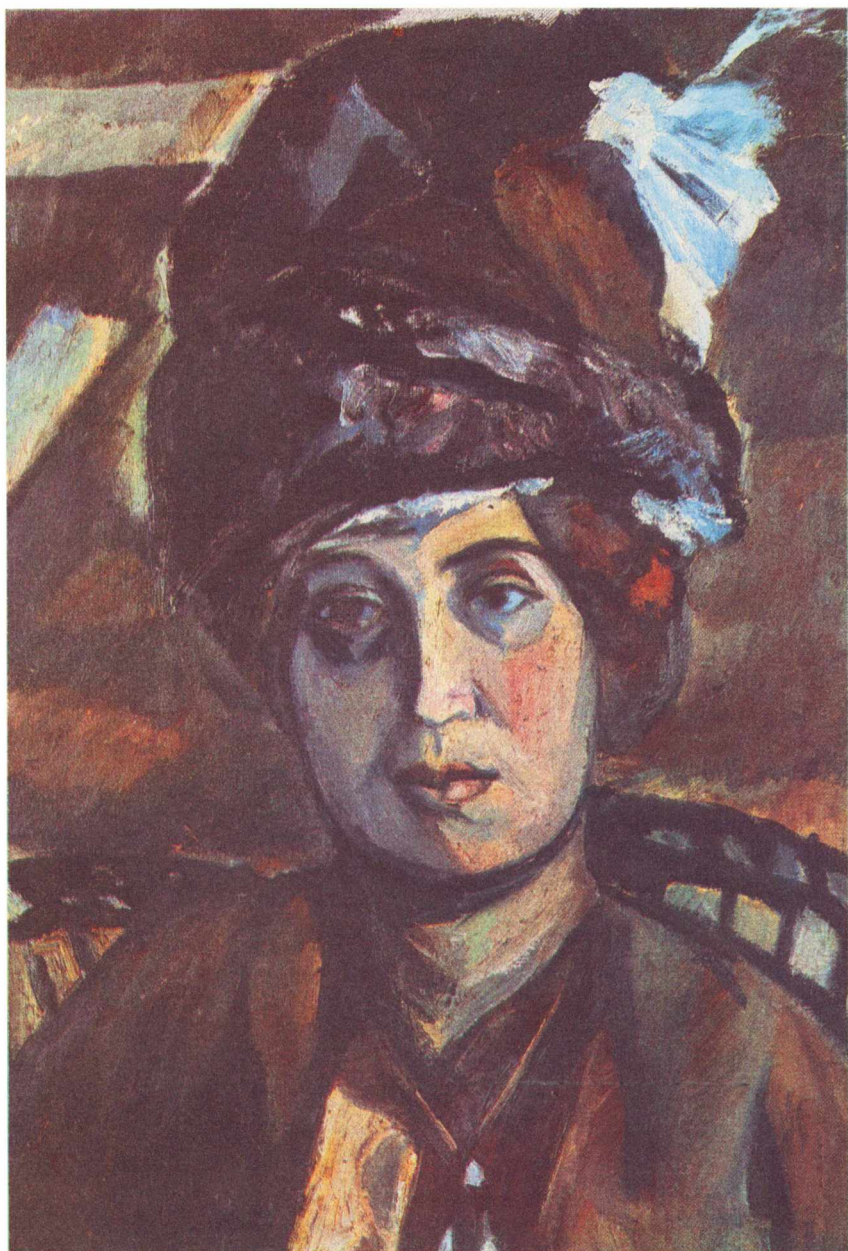
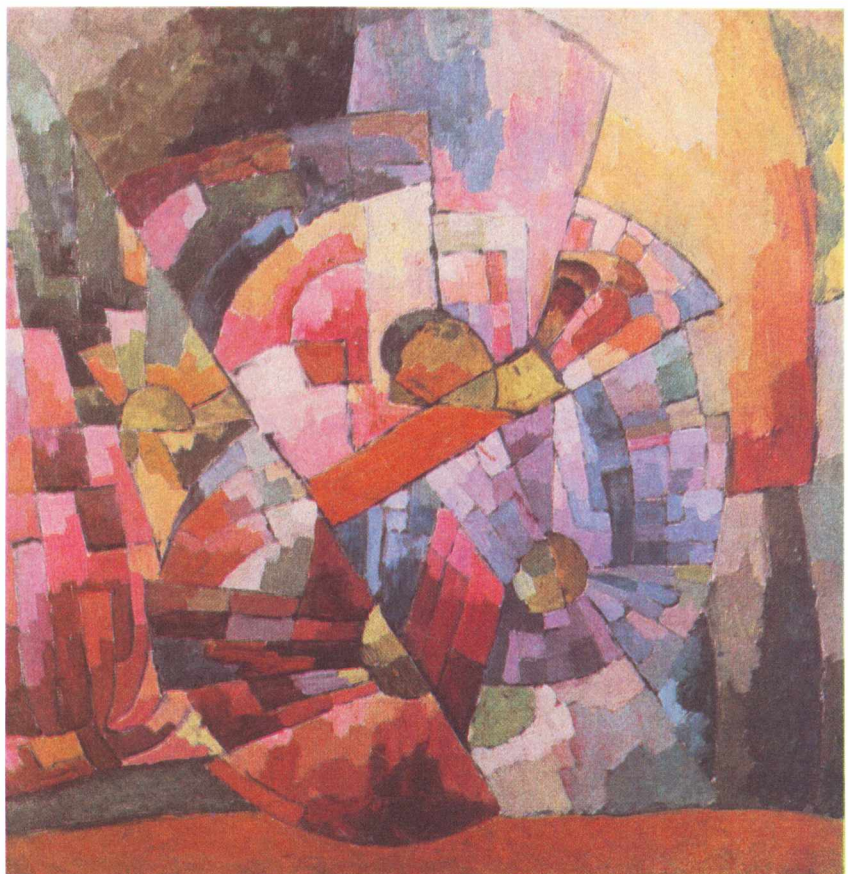
Мастера «Бубнового валета», к числу которых принадлежал В. Рождественский, парадоксально объединяли в своей живописи строгую конструктивность Сезанна и буйную фольклорную стихийность, яростную, всепобеждающую силу цвета. Люди в их картинах чаще всего неподвижно-застылы, зато живописная форма полна дьявольской остроты и напора; своей экспрессией она определяет основное впечатление. Так и в «Портрете жены» В. Рождественского. Фигура спокойна, лицо холодно и строго, но совмещение нескольких точек зрения (так что, например, паркетный пол кажется буквально вставшим на дыбы) вносит в композицию смятенное беспокойство, даже потрясенность. А пламенеющее колебание и колоссальная интенсивность (просто взрыв какой-то) зеленых красок платья делают портрет могучим сгустком жизненной энергии. Вот характернейший признак искусства начала XX века: живопись, пластическая форма вырываются из описательного ряда; они не только обозначают цвет, объем и прочее, но сами по себе обладают живой и острой выразительностью.

А в «Астрах» другого «бубново-валетца», одного из великанов русского искусства нынешнего столетия, Аристарха Лентулова, этот упор на чисто изобразительную экспрессию ощущается еще явственнее. Надо сказать, что Лентулов — пока что недостаточно понятый и оцененный мастер — при всей смелости своих экспериментаторских поисков никогда не уходил от предметной конкретности изображения. Сотрясал и ломал форму (как в «Звоне», «Василии Блаженном», портрете киноактрисы Хохловой) — это бывало; накалял цвет, вопреки натуре, до вулканического горения («Москва» 1913 года, «Пейзаж с желтой церковью») — и это случалось, давая поражающие по силе выразительности результаты. Но это не разрыв с реальностью, а лишь обостренное ее восприятие.

«Астры» — крайняя точка поисков Лентулова. Здесь впечатление от форм и цвета натуры как бы оттесняет на второй план ее реальный облик. Но не более того. Абстрактное формотворчество чуждо творческой на-

И. К. АЙВАЗОВСКИЙ. 1817—1900.
КОНЕЦ БУРИ НА МОРЕ.
1839.

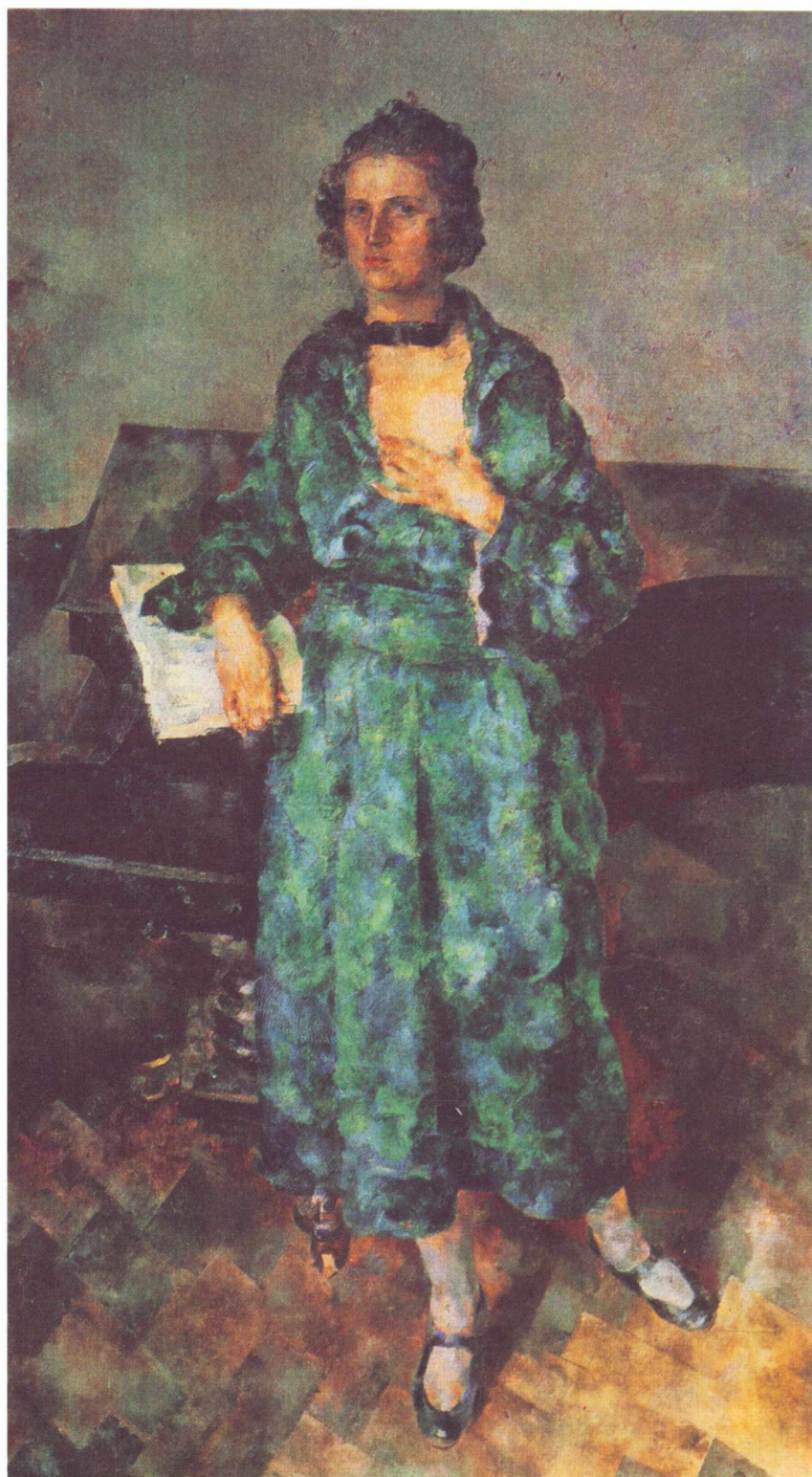
А. Я. ГОЛОВИН. 1863—1930.
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.
ПЕВИЦА КУЗА (?)

М. З. ШАГАЛ. 1887—1985.
ЛАНДЫШИ.
1916.

туре Лентулова. И в «Астрах» зритель достаточно определенно воспринимает природные очертания и колорит цветов. В этих причудливых веерах красочных соотношений живет и царствует вся прелесть весеннего сада, игра солнечных лучей, благоухание и богатство живого лика астр. Картина вызывает музыкальные ассоциации. Кстати сказать, «Астры» написаны в 1913 году — это как раз то время, когда Александр Скрябин ввел световые гаммы в партитуру своего «Прометея»: такого рода ассоциативные построения были в духе русской культуры той эпохи.

На подобной ассоциативной основе зиждется и другой шедевр нашего искусства начала XX века — «Ландыши» Марка Шагала, одно из подлинных украшений выставки «даров». Правда, на первый взгляд в картине нет решительно ничего такого, что отклонялось бы от очевидного жизненного правдоподобия. Изображен интерьер скромного витебского дома. Его общий вид имеет лишь одну странность: посреди комнаты на каком-то сундуке стоит огромная корзина ландышей, декорированная тканью с пышными розовыми бантами,— корзина буквально заполонила всю комнату. Шагал использует здесь идущий еще от иконописи прием резкого масштабного увеличения и выделения детали, имеющей ведущее смысловое значение. Эта корзина с цветами — символ красоты и радости, вдохновенного праздника жизни. Однако этим сугубо условным перепадом пропорций метафорическая сущность картины не исчерпывается. Ведь изображение лишь формально можно назвать «натюрмортом». Ландыши Шагала живут удивительной, таинственной жизнью. Полные напряженного внутреннего света, буквально излучая его, эти прячущиеся в зелени цветы рвутся к высотам, шелестят, колышутся. Они похожи на весенний лес, освещенный солнцем. Так складывается построенная на музыкально-цветовых оттенках метафора красоты, молодости, счастья. Художник одухотворяет предметы, придает им подлинно человеческую выразительность. Это ли не реализм в самом высшем и глубинном смысле понятия?!

Выставка подарков Третьяковской галерее еще раз доказала, что подобный реализм составляет суть и душу искусства России в новые времена.

Н. С. ГОНЧАРОВА. 1881—1962.
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

А. В. ЛЕНТУЛОВ. 1882—1943.
АСТРЫ. 1913.

В. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. 1884—1963.
ПОРТРЕТ ЖЕНЫ. 1923.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
1891—1938

Выдающийся русский поэт, которого высоко ценили такие мастера, как Гумилев, Ахматова, Пастернак, и многие другие. Георгий Иванов писал о первом впечатлении о стихах Мандельштама: «Стихи были удивительны. Они прежде всего удивляли». Стихи Мандельштама необыкновенно пластично движутся внутри мировой культуры, ее истории, не становясь заоблачно высокопарными. Свободное течение мысли кажется иногда хаосом, но в конце концов остается чувство победившей гармонии. Мандельштам — лирик до мозга костей, но лучшие его лирические стихи — это часть эпоса истории. Связь Мандельштама с акмеизмом была более декларируемой, чем истинной. Стих Мандельштама объединял в себе и черты европеизма, и черты русской классики. Иногда написанное им кажется таким же хрупким, как пыльца на крыльях бабочки, но прикоснешься к этим крыльям — и почувствуешь эллинскую несокрушимую мраморность. Мандельштам был первым русским поэтом, написавшим стихи против начинавшегося в тридцатые годы культа личности Сталина, за что и поплатился. Незаконно репрессирован в 1937 году. Реабилитирован посмертно.

* * *

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

1912

* * *

Отравлен хлеб, и воздух выпит:
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.

Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня,— событий
Рассеивается туман.

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Всё исчезает — остается
Пространство, звезды и певец!

1913

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна,— как броненосец в доке,—
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склады пеньки.
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница.
Самолюбивый, скромный пешеход,
Чудак Евгений, бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

1913

* * *

Я буду метаться по табору улицы темной
За веткой черемухи в черной рессорной карете,
За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...

Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью, нет — с муравьиной кислинкой,
От них на губах остается янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим,
И кольца зрачков одеваются выпушкой светлой,
И то, что я знаю о яблочной, розовой коже...

Но всё же скрипели извозчичьих санок полозья,
В плетенку рогожи глядели колючие звезды,
И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым.

И только и свету, что в звездной колючей неправде,
А жизнь проплывет театрального капора пеной;
И некому молвить: «Из табора улицы темной...»

1925

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда,— так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930

* * *

Ma voix aigre et fausse... P. Verlain *

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Всё лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну а мне — соленой пеной
По губам.

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,
Всё равно.
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

2 марта 1931

* Мой голос пронзительный и фальшивый... П. Верлен (фр.).

* * *

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17—28 марта 1931

* * *

Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня:
За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня,
За музыку сосен савойских, Полей Елисейских бензин,
За розы в кабине ролс-ройса, за масло парижских картин.
Я пью за бискайские волны, за сливок альпийских кувшин,
За рыжую спесь англичанок и дальних колоний хинин,
Я пью, но еще не придумал, из двух выбираю одно:
Душистое асти-спуманте иль папского замка вино...

11 апреля 1931

* * *

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда...
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье —
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи,
Как, нацелясь на смерть, городки зашибают в саду —
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорище найду.

3 мая 1931

* * *

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

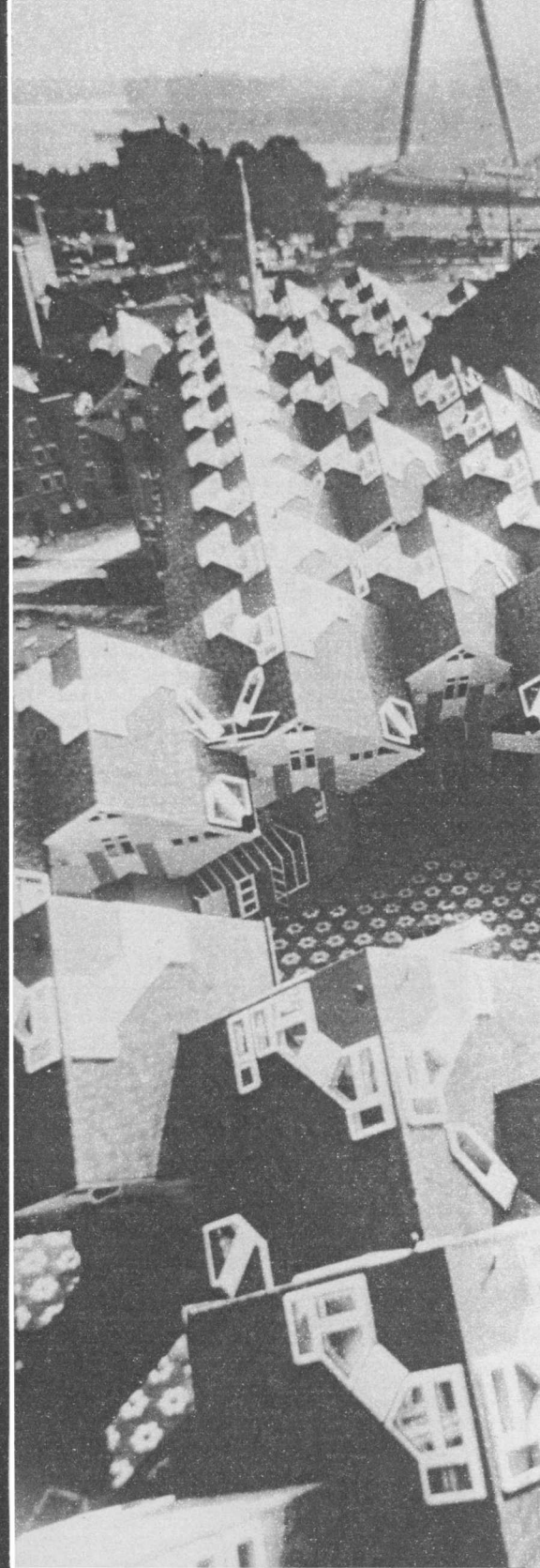
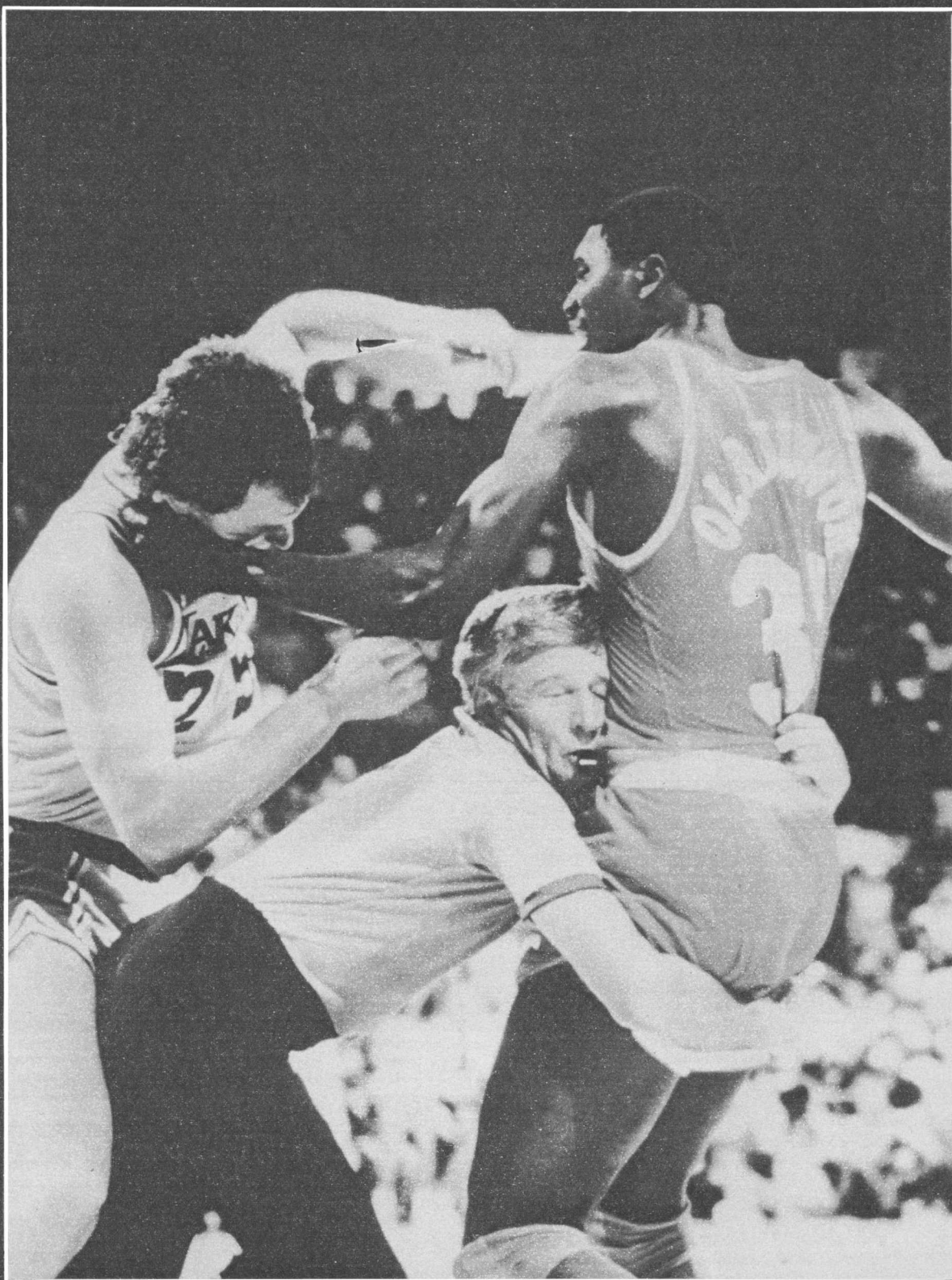
Быть может, прежде губ уже родился шепот,
И в бездревесности кружилися листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Январь 1934

* * *

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова?
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

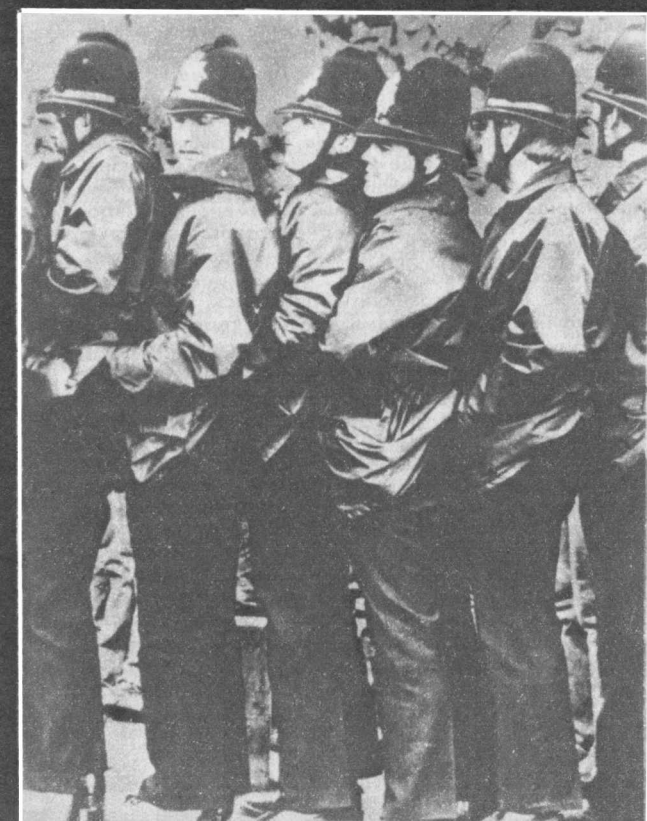
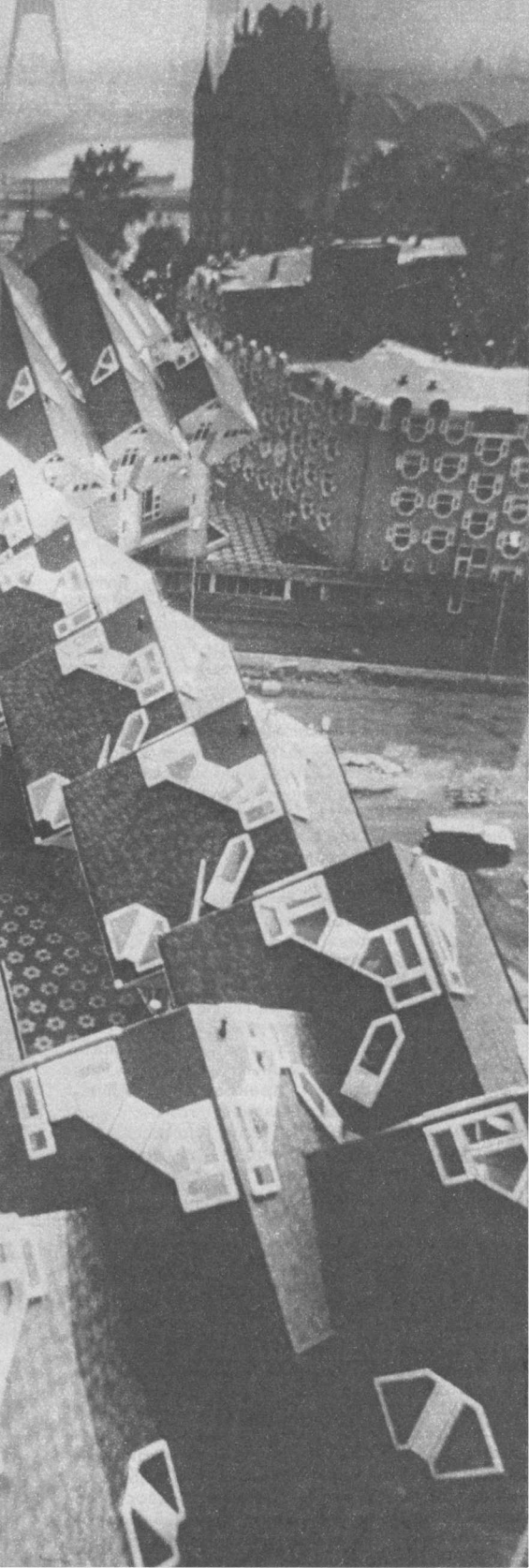
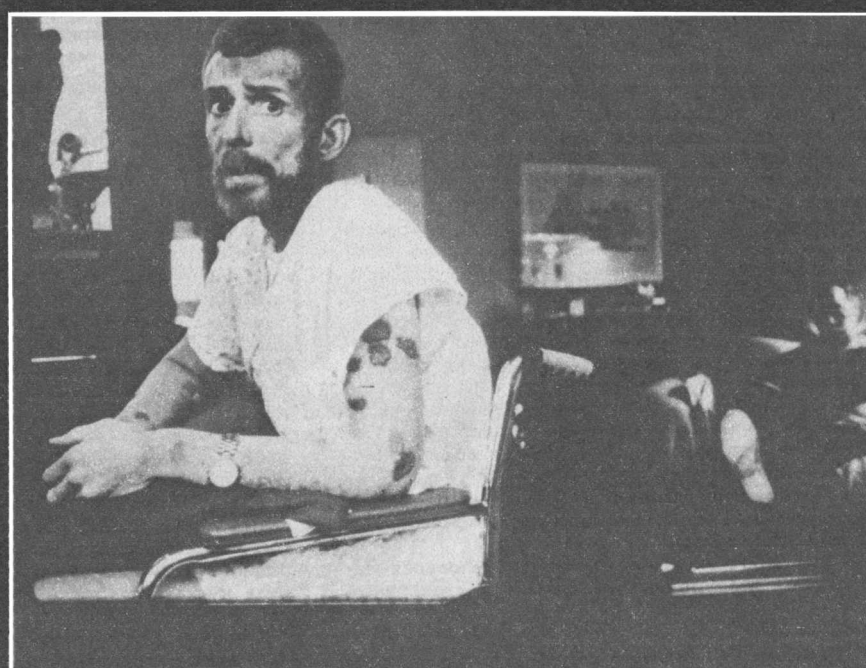
Мало в нем было линейного.
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма,—
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

1935

«УОРЛД ПРЕСС ФОТО» В ТРИДЦАТЫЙ РАЗ

«Уорлд Пресс фото»—самый представительный смотр профессиональных фотомастеров. Из 6765 снимков, присланных на этот раз из 55 стран мира, жюри предстояло выбрать те, которые наиболее точно и максимально выразительно запечатлели события ушедшего года. Итоги подведены, 46 работ отмечены наградами.

Кадры, ставшие «золотыми», нельзя назвать броскими. Они вообще как бы лишены признаков сенсационности. Но в каждом из них — необычайная внутренняя энергия. В сущности, таким и должен быть язык средств массовой информации — понятным читателям, говорящим на самых разных языках. Этим отличается конкурс «Уорлд Пресс фото», в котором неизменно участвуют и фотожурналисты нашей страны.

В 1986 году советские мастера фотографии получили пять почетных наград. Это киевлянин Игорь Костин и москвич Валерий Зуфаров, побывавшие в Чернобыле в трагические дни минувшего лета. Их снимки обошли всю мировую печать, за что и были удостоены приза «Золотой глаз». Таким же призом за событийный репортаж награжден Валентин Кузьмин из ТАСС. Мастер спортивной фотографии Сергей Гунеев (АПН) и фотоочеркист Виталий Арутюнов награждены золотыми медалями.

Поздравляем!

- Джон **МАКДОНОУ.** Баскетбол
- Эмили **ЛУИДЕР.** Старая бухта Роттердама
- Франц **ЛАНТИНГ.** Музей птичьих яиц
- Каталин **АРКЕЛЛ.** Скотланд-Ярд в действии
- Алон **РЕЙНИНГЕР.** СПИД в США

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Расследуя дело об исчезновении профессора-химика Георгия Мартыновича Солитова, сотрудники уголовного розыска и прокуратуры установили, что спекулирующий ценными книгами Корнилов, зная, что Георгий Мартынович занимается опытами по расшифровке старинных лекарственных рецептов, предложил ему купить редчайший травник семнадцатого века. Рецидивист Алексей, явившийся в сберкассу дачного поселка для проверки лотерейного билета, подсмотрел, как профессор взял полторы тысячи рублей на покупку книги. По дороге на станцию уголовник догнал Солитова, убил и ограбил его, а труп бросил в озеро. Убийца выломал александрийскую гемму и подарил ее своей случайной подружке, у которой драгоценность и была обнаружена.

Эффект был полный. Корнилов, словно раздавленный непомерной тяжестью, вжался в спинку стула и, казалось, потерял дар речи, хватая воздух искривленным, дрожащим ртом. Люсину даже жалко его стало немного.

— Уяснили, вижу, Корнилов?

— Это какое-то роковое недоразумение,— чуть не по складам произнес Петя.— Стечение обстоятельств.

— В чем вы видите недоразумение? Я ведь вам факты изложил.

— Это я понимаю, но только я тут при чем?

— Вы ни при чем?— Люсин удивленно раскрыл глаза, словно Петино заявление явилось для него полнейшей неожиданностью.— Ах, да!— Он досадливо взъерошил волосы.— Извините! Я забыл сообщить вам, что у Протасова нашли тот самый пражский травник, который вы, по вашим словам, предназначали для покойного Георгия Мартыновича. Вот, полюбуйтесь.— Небрежно брошенная опись перелетела через стол, но Петя был начеку.— Страница семнадцатая, позиция пятьсот шестьдесят семь... Или вы станете сейчас утверждать, что тут тоже имеет место недоразумение?

— Ну, конечно!

— Надо ли это понимать так, что у Протасова оказалась не ваша книга, а только похожая?

Петя молчал, натужно гримасничая и вращая белками. Все-таки с психикой у него явно были какие-то нелады.

— Я жду, Корнилов,— напомнил Люсин.

— Ну, продал я ему травник, и что с того?

— Запоздалое признание. Вы должны были сделать его еще в прошлый раз. Теперь оно работает против вас, укрепляя подозрения насчет вашей причастности к смерти Георгия Мартыновича.

— Я ни в чем не виноват!— закричал вдруг Петя и принялся подскакивать, хлопая себя по коленям.— Ни в чем! Ни в чем...

— Прекратите истерику.— Люсин налил в стакан немного газированной воды из сифона.— Выпейте и успокойтесь.

— Вы хотите меня погубить,— пожаловался Петя, стуча прокуренными зубами о стеклянный край.— Что я вам сделал?

— Вы видите в моем лице смертельного врага?— Люсин участливо наклонился.— Вздор, Корнилов, ей-богу, вздор. Даже стыдно.

— Но ведь вы сами...

— Что я сам? Я лишь пытаюсь подать вам руку помощи. И в прошлый раз, и теперь. Скрывая правду, вы вредите только себе. Не лгите, не изворачивайтесь, и все обойдется, если, конечно, вы действительно ни с какого боку не причастны к убийству.

— Слово чести! Лучше бы я сжег эту чертову книгу! Волей-неволей поверишь в дьявольские козни...

— Откуда вы знаете Протасова?

— Возле «буки» случайно разговорились, на горке.

— Где-где?

— На горке, у памятника первопечатнику. Там возле букинистического народ обычно толчется.

— Действительно знает толк в книгах?

— Как свинья в апельсинах.— Петя зло передернулся.— Я бы давил таких.

— Как говорится, благими намерениями... И какие же сделки вам удалось совершить?

— Да всего ничего. Первый раз «Историю искусств» отдал, потом эту... проклятую.

— Сколько взяли?

— «История» за пятьсот пошла, эта — тысячу двести.

— Чего ж так скромно? Где логика? Протасов, говорят, за ценой не стоял.

— Это ежели цена твердая. А так торговался до седьмого пота, выжига!... Я ведь сначала две спросил. Только вы не пишите.

— Эти подробности меня не волнуют.— Люсин небрежно смахнул лежащие на столе бумаги в ящик и даже выключил магнитофон.— Тем более что с Протасовым, сами понимаете, я тоже кое о чем побеседую... Почему вы именно ему предложили травник?

— Я и другим предлагал. Не потянули.

— Кому, например, указать можете?

— Да тому же Бариновичу, который про алхимию написал.

— Верно.— Люсин благосклонно кивнул.— Был у вас такой разговор с Вадимом Львовичем.

— Выходит, знаете уже?— Корнилов разочарованно повел плечом.— Для чего тогда спрашивать?

— С одной-единственной целью: помочь вам выпутаться. Прошу прощения.— Люсин сделал знак, что должен прерваться, и взял трубку телефона селекторной связи.

— Завтра в одиннадцать,— ответил на его краткое приветствие Кравцов и добавил чуть ли не зловеще:— Приезжайте прямо в тюрьму.

— Спасибо, Юрий Леонидович!— возликовал Люсин...— Так на чем мы с вами остановились, Корнилов?

Глава двадцать четвертая

АНАТОМИЯ МГНОВЕНИЯ

Он ушел в глубокий омут, залег в тину и не подавал признаков жизни. От матерых людей знал, что нужно продержаться хотя бы полгода, а там привычная текучка возьмет свое. Новые заботы принудят ослабить хватку. Не на нем одном клином сошлось. Что же касается «чистых» документов, то он вполне соображал, как делаются подобные вещи, и примерно догадывался, куда следует обратиться по такой надобности. Так, на всякий случай, ибо не верилось до конца, что все-таки выйдут на его след. Себя-то он ни с какой стороны не обозначил: ни когда отсиживался на хлебах у Протасова, таясь всякого постороннего глаза, ни там, среди колючих сосенок, под глухой завесой дождя. Вышло, конечно, не совсем ладно. Не стоило мараться на всю жизнь за полтора куска. Тревоги и хлопоты обойдутся дороже, это уж как пить дать.

В первый раз Алексей попал за колючую, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет. За пьяную драку, в которой кто-то кому-то проломил череп отрезком водопроводной трубы. Не до смерти, но вполне квалифицированно.

Нельзя сказать, что у Алеши, вполне нормального мальчика и среднеуспевающего ученика, вступившего по достижении четырнадцати лет в комсомол, не было принципов и убеждений. Такое вообще едва ли возможно в человеческом обществе, сложенном из самых разнообразных ячеек, этаких социально-биологических ниш, где у каждого индивидуума обязательно найдутся «друзья по интересам». Но это были дурно усвоенные убеждения и безжалостно обкорнанные принципы, большей частью противопоставлявшие узкогрупповые интересы общественным. Даже не столько противопоставлявшие, сколько бездумно игнорировавшие их, словно, кроме кучки избранных — в рамках подъезда, двора, школьного класса,— ничего вокруг не существовало. Примерно по такой схеме определял свое место в мире первобытный человек, для которого все многообразие бытия сводилось к жесткой полярности: «свои» и «чужие». Среди «своих» царила гармония с законами и строго упорядоченной иерархией, с «чужими» дозволялось абсолютно все. Они были «добычей», эти «чужие», подчас легкой, но большей частью опасной. В этом случае разумнее было обойти их стороной. Держать данное слово, быть великодушным и щедрым, защищать слабого — все эти прекрасные порывы как бы заранее предназначались только для внутреннего употребления. И такие понятия, как «вина», «грех»,— тоже. Обмануть хитроумным коварством чужого почиталось доблестью.

Умонастроения спаянной «компашки», в которой Алексей благодаря незаурядной физической силе и дерзости вскоре занял ведущее положение, разумеется, не укладывались в столь примитивный кодекс, хотя в основе своей вполне ему соответствовали. Учителя ли проглядели или родители — отец пил и временами надолго исчезал из дома,— но к десятому классу Алексей сформировался законченным лицемером. Это и была та невидимая демаркационная линия, которая, как ему казалось, защитила его внутреннее «я» от непрошеных посягательств взрослых. Уверившись в том, что и сами они нередко прибегают к двоедушию, он научился сравнительно безболезненно сосуществовать с океаном хаоса, со всех сторон обступившего его крохотный первобытный островок. «Первобытный» в смысле этической праосновы, потому что в остальном Алексей и соучастники его молодецких забав были болезненно привержены к последним веяниям ультрамодерна. Не в изобразительном искусстве или архитектуре, к которым были вполне равнодушны, а скорее в специфической сфере быта. Шарф с цветами любимой команды, часы с миниатюрным калькулятором, грохот и мигающие огни дискотеки, безусловно, составляют зримые предметы современности. Но было бы абсурдом свести к ним или еще каким-то немногим признакам безмерную сложность века, стремительно меняющего внешние формы, обремененного, кроме всего прочего, непомерной ответственностью за бесценное историческое наследство. Такое уязвимое, хрупкое перед лицом затаившейся смерти. А вот ограничить оказалось возможно. Кинофильмами и книгами, главный герой которых шпион, преуспевающий, упоенный вседозволенностью, уже по самой природе своего ремесла вынужденный быть оборотнем. Усвоенные манеры и стиль находили проверку в шашлычной, если у кого-то завелась четвертная, на «хате», когда удавалось сплавить родителей. Тотемные значки пресловутой «массовой культуры», тесно соседствующей с «контркультурой», превратились чуть ли не в самоцель, сделавшись объектом массовой погони. Охота за расчлененным тремя полосами трилистником «Adidas» на кармане куртки или фирменной этикеткой «Lee» на ягодице стереотипно соединилась с наркотическим пристрастием — чисто снобистским — к автомобилям, желательно иномарочным.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—12.

ные заработки в автосервисе все же предпочтительнее откровенного криминала. На худой конец профессия механика, к чему он так и не остыл, могла послужить надежным прикрытием. Частичную активность в сфере сантехники или, допустим, шабашничество он почитал не вполне респектабельными. Словно списанный за пьянку матрос, которому вместо загранки предложили мыть палубу на речном пароходе.

Неудивительно, что, очутившись на свободе, Алексей пошел на поводу у новых друзей и вновь оказался на скамье подсудимых.

На сей раз его судили за кражу музейных ценностей. Видно, что-то оказалось не так в тщательно отработанной схеме, хотя и дело рисовалось верным — наводка была, и дружки подобрались — надежней не бывает, один к одному. В итоге еще восемь лет, клеймо рецидивиста и мрачная перспектива заделаться тюремным завсегдатаем — Алексей встретил одного такого в пересыльной тюрьме. Из своих тридцати семи нескладно прожитых лет он пробыл на воле только шестнадцать. Было от чего загрустить.

Именно в этот период душевных распутий набрел Алексей на Максима Артуровича, человека иной совершенно касты, птицу полета высокого. По всему было видно, что Максим Артурович не чета прочим.

И начальство к нему относилось немного иначе, чем к остальным, и посылки он получал особенные, и, куда ни ткни, всюду встречал послабления. Короче говоря, умел поставить себя на должную высоту, пользовался авторитетом.

И надо же случиться такому, что в тяжелую пору, когда прокладывали трассу через сплошную болотную топь, Алексей сумел уберечь столь предусмотрительную персону от глупой промашки, чреватой, однако, всякими осложнениями. Максим Артурович услуги не забыл и, предварительно присмотревшись, приблизил к себе смышленого паренька, стал учить его уму-разуму.

— Считай, что в рубашке родился,— заметил по этому поводу Алешкин сосед по нарам.— Это знаешь какой делец? Нам с тобой и не снилось, что он проворачивает. Истинно туз! Будешь как сыр в масле кататься. Только не оплошай ненароком. Ведь одно дело — понравиться, другое — фарт удержать, а это нашему брату особенно нелегко, сорваться можно...

Алексей не сорвался, став для Максима Артуровича телохранителем и офицером связи одновременно. Последнее тороватый на выдумки «туз» сам придумал. Алеше понравилось: звучит! И существование его в сравнении с прежним облегчилось, хотя срок вопреки жарким нашептываниям всемогущего покровителя не скостили ни на денечек. Весь восьмерик пришлось отпахать от звонка до звонка, когда Максима Артуровича и след простыл.

На прощание патрон — так он наказал себя величать — оставил лишь меховой жилетик, который так сподручно оказалось надевать под ватник, и бумажку с телефоном. Поддевочку, правда, отобрали при первом же шмоне — не положено, но бумажка сохранилась.

Добравшись до ближайшего переговорного

И как своеобразный итог понятие «модно», ощущаемое как «жизненно необходимо», оказалось незаметно перенесенным с фирменных вещей на фирменных подруг, чьи ноги, глаза, плечи, волосы предстали непреложными эталонами поточной линии блистательных совершенств. Отклонение воспринималось как брак, не подлежащий переделке, но требующий замены.

В колонии строгого режима у него оказалось достаточно времени, чтобы произвести хотя бы некоторую переоценку ценностей. Но, избавившись от кое-каких инфантильных иллюзий, он так и остался на прежних позициях. Поэтому, сблизившись с уголовной шпаной, работавшей под «воров в законе», скоро проникся ее романтической гнильцой и покорно дал изукрасить себя подобающей татуировкой. Выбившись таким манером в тюремную аристократию, Алексей с удовлетворением ощутил, что жить можно даже за проволокой. Вновь появилось безликое и глубоко безразличное ему большинство, среди которого ничего не стоило выискать подходящего на роль жертвы слабака. Богатый, хотя и односторонний песенный фольклор, равно как и будоражащие душу рассказы, в большинстве своем высосанные из пальца, вновь создали в его воображении образ супермена, которому дано прыгать поверх барьеров и загребать пачки денег. Тот факт, что герои воровских «саг» сидели бок о бок с ним на грубо сколоченных нарах, почему-то Алексея не вразумил. Решив перехитрить всех и вся, он дал себе зарок соглашаться только на «верные» дела, словно такие существовали в природе. По-видимому, какая-то глубоко затаенная опаска подсказывала ему, что полулегаль-

пункта, Алексей позвонил Максиму Артуровичу по междугородному. Но то ли патрону было не до него, то ли трудности какие встретились, только свидеться с солагерником он почему-то не пожелал. Вместо торжественной встречи за ресторанным столиком, ломящимся от напитков и яств, как рисовалось в голодном воображении, переадресовал Алешу к директору гастронома Протасову, с которым имел дела.

Первая встреча состоялась на станции Синедь, где у Вячеслава Кузьмича строилась дача из ядреного соснового бруса, способного противостоять даже сибирским морозам и вечной мерзлоте.

— Что же мне делать с тобой?— озаботился Протасов, придирчиво изучив документы.— В Москве проживать тебе, сам знаешь, запрещено, а вне столицы, уж извини, ты мне просто не нужен... Ну, да ладно, что-нибудь придумаем. Поживи пока тут. Заодно и домик постережешь, чтоб не спалили ненароком.— Он рассыпался мелким, натужным смешком.— Это я так, шучу! Но за материалом смотри в оба. Народец тут ой-ой! Глазом не успеешь моргнуть, как все разворуют. Потом тебе же и продадут втридорога, деятели мирового кино.

— А че мне тут делать?— по-глупому спросил Алексей, озирая пахучий сруб и уже готовый золотистый от олифы хозблок с банькой.

— Жить и радоваться, что на свободе, дурья башка!— Вячеслав Кузьмич добродушно похлопал его по широкой спине.— И ожидать желательных перемен. Они не замедлят воспоследовать, если, конечно, хорошо себя зарекомендуешь. За мной не заржавеет. Будь спок.

Новый патрон оказался не слишком щедрым. Денег давал только-только на прокормление, но, когда сам приезжал или с гостями, пиры закатывал по первое число. Алеше долго потом оставалось чем полакомиться. Жаль, холодильника не было из-за отсутствия тока. Впрочем, новоиспеченный сторож вскоре приспособился, соорудив в бетонированном подвальчике ледник. Даже стружки туда натаскал, чтоб не так быстро таяло.

Сначала он прятался от чужих глаз, хотя особых причин к тому не было, отсыпаясь днем и выходя на двор только ночью. Но постепенно осмелел и даже начал помогать ближайшим соседям. Благо силой бог не обидел, а топориком за свои тридцать с небольшим годков намахался вдоволь. Со всех сторон посыпались поллитровки и трешки, а там и красненькие пошли, когда обнаружилось, что лучше Алексея мало кто может приладить на место обтесанное стропило. Даже переманивать его стали на свои участки, суля неслыханный гонорар. Шабашники тоже готовы были взять к себе в долю.

Надеясь на решительную перемену в судьбе, он с ленивой небрежностью отклонял предложение за предложением. Новый патрон был, по всему видать, дельцом первостатейным, не хуже прежнего, и Алексей со дня на день ждал от него чуть ли не манны небесной. Ведь все признаки процветания были налицо!

Помимо служебной машины, у Вячеслава Кузьмича имелся собственный «мерседес» с таким номерком, что закачаешься, а в придачу ко всему личный шофер. Вокруг увивалось всяческое начальство, строители, архитекторы, ловкие доставалы. И всем он был нужен, все набивались к нему в друзья. Наезжал всегда шумно, с наполненным снедью багажником, вино и пиво таскал ящиками — чего же больше? И девку возил разодетую, как картинка, втрое моложе себя. Умеет жить человек, охулки на руку не кладет, все приемнем!

Только последний кретин мог вильнуть от такого на сторону. Ведь одно дело — слегка подхалтурить, другое — предпринять определенный жизненный шаг, после которого уже никто за тебя не в ответе. Алексей интуитивно понимал разницу. Если уж наказано ждать, так будь добр набраться терпения. Тем более что после зоны житуха в Синеди была чуть ли не рай. Только скука временами заедала такая, что волком выть хотелось. Не о таком будущем мечтал Алексей, цепенея в полярной ночи. Совсем иначе рисовалась ему сладостная свобода.

Между тем ожидаемая перемена все не наступала, а Вячеслав Кузьмич даже не заговаривал про нее. Лично его вполне устраивало нынешнее положение. Дача строилась медленно, а в должности сторожа и подручного ловкий, смышленый парень оказался на высоте. Чего же еще желать?

Особенно муторно стало Алеше, когда зарядили дожди. Прислушиваясь к заунывному шелесту струй, монотонно долбящих свежеуложенный шифер, он, как когда-то в детстве, рисовал картины знойных экзотических стран, воображая себя в роли одетого с иголочки отчаянного разведчика или скучающего с бокалом в руке путешественника, наблюдающего за искрометным танцем волоокиx красавиц.

Но ветер, швыряя холодную россыпь в затуманенное окно, упорно возвращал к реальности. Алексей был одинок перед наступающей осенью и никому не нужен. Мать умерла, отец, окончательно одурев от беспробудного пьянства, куда-то запропастился, а друзей, которые пусть не ждали, но хотя бы изредка вспоминали о нем, он не нажил. Что же касается необыкновенных приключений и роскошеств, которые показывали в картинах из заграничной жизни, то все это были пустые бредни. Протасов давал наглядный пример, как следует организовать и украсить свой быт.

Но, чтобы жить с таким размахом, требовалось многое. Прежде всего соответствующее положение, затем, не в последнюю очередь, деньги. На мало-мальски солидную должность рассчитывать Алексею, прямо скажем, не приходилось, а заработанного в колонии могло хватить разве что на несколько месяцев, и то при весьма умеренных запросах. О сотне-другой, что перепали ему здесь, на местном азарте, и думать не приходилось. Он намеревался спустить левый заработок при первом удобном случае, чтобы достойно отметить освобождение.

Однажды утром, не обнаружив в доме ни единой запечатанной поллитровки — все было выпито в долгие ночи дождя и тоски,— Алексей решил предпринять вылазку в местный торговый центр.

Облачившись в старую плащ-палатку, он бодро потопал по лужам, увязая в липучей глине. Видимость была неважнецкая. Сквозь завесу дождя лес рисовался расплывчатой серо-зеленой массой, а в придорожном кустарнике путался клочковатый туман. Поход оказался неудачным: на дверях продовольственного магазина висел угрюмого вида амбарный замок, над которым была пришпилена записочка с магической формулой: «Ушла на базу».

Алексей коротко выругался и даже лягнул дверь каблуком, прочертив на ней скользкую глинистую полоску. Очень уж не хотелось возвращаться с пустыми руками, заново месить грязь. Но выбирать не приходилось. Дом быта, куда можно было войти, его ничуть не волновал, а киоск «Соки — воды», построенный позапрошлым летом, так ни разу и не открылся со дня приемки комиссией.

Лишь зеленая вывеска сберкассы вызвала в душе Алексея целенаправленный импульс. Вспомнив про лотерейный билет, зачем-то подаренный хозяйской подругой Альбиной, он решил от нечего делать проверить таблицу. С этим намерением и взялся за железную ручку и толкнул тяжелую дверь. Но то, что он увидел внутри, заставило его тихонько просунуть носок сапога и настороженно прильнуть к образовавшейся щели. Он проделал все это почти инстинктивно, не имея никаких определенных намерений, и так же автоматически принялся подсчитывать мелькавшие в руках кассирши пачки денег. С его наблюдательного пункта их хорошо было видно.

Только после того, как деньги просунулись в полукруглый вырез в стекле с золотыми буквами, Алексей перевел дух и обратил внимание на тщедушного старичка, облокотившегося о стойку. Скучая, а может, о чем-то думая, он глядел в потолок. Деньги старичок, не считая, засунул в боковой карман и, поклонившись кассирше, чего-то залопотал. Слов Алексей не расслышал, потому что отпрянул от двери и выскочил наружу. Что ему делать дальше, он тогда опять же еще не знал, не задумывался. Просто затаился в сторонке, как остановленная магнитом чуткая стрелка.

И так же нецеленаправленно, но по-звериному зорко он проводил взглядом просеменившего мимо белоголового человека, укрывшегося под колоколом зонта. И потянулся за ним, приотстав на дистанцию видимости, неслышно ступая чуть ли не след в след. Следов-то, конечно, на асфальтированной залитой водой дорожке не оставалось. И хлюпанье шагов не достигало ушей. Только размытая, как сквозь матовое стекло, фигурка смутно маячила впереди.

Когда вокруг сомкнулась колючая хвоя лесопосадок, Алексей стал понемногу догонять старичка. Если к тому моменту у него и вызрели определенные планы, то он еще не осознавал их в законченной полноте. Словно подстегнутый изнутри внезапным ударом, метнулся на боковую дорожку и кинулся в обход, слепо продираясь сквозь упругие лапы и тяжело увязая в набухшем песке.

Что сказал он и что потом сделал, встретив спешащего человечка лицом к лицу, напрочь вылетело из головы. Будто это не он, а кто-то, непрошено вселившийся в его телесную оболочку, привел в движение мышцы рук и лица, почти насильно заставив повиноваться приказу. Какому именно? Этого он не понял ни тогда, ни после. Крайностей он, во всяком случае, никак не хотел. И если бы в то мгновение старичок не проявил неожиданную строптивость и не кинулся на слегка ошарашенного Алексея с раскрытым зонтом, все, наверное, разрешилось бы немного иначе...

Придя в себя, Алексей непонимающе уставился на затопленный песок, который медленно расправлялся под белой пряжей очистительного дождя. Пусто было на берегу, и внизу под обрывом одичало катились взбаламученные валы. Он машинально отер расцарапанную острием зонта щеку. Удивленно уставившись на кожаный бумажник, неведомо как очутившийся в чугунном налитых руках, осуждающе покачал головой.

«Это не я!»— встрепенулся в нем перепуганный голосок, но оборвался на лопнувшей, как струна, полуноте.

Затравленно оглянувшись, он спрятал бумажник, подобрал сломанный зонт и зачем-то принялся уминать взрыхленный песок, не понимая еще, что вода и так разгладит предательские борозды. Заметив откатившийся к деревцу браслет, вмятый в опавшую хвою, он вытащил блестящую змейку и, не глядя, сунул в карман.

Ознобным ветром продуло лесок. Слегка ослабевший ливень припустил с новой силой. На обратном пути в поселок Алексей не встретил ни единого человека.

Затворившись на все засовы, он торопливо разжег печурку и собрался было порубить топором зонтик, но вспомнил про металлический каркас. Пошвыряв в огонь сорванные клочья ткани, скрутил стержень и смял спицы, решив закинуть уродливое сплетение металла в озеро. Конечно, не в том месте, не там, а где-нибудь подальше. Бумажник, сберкнижку и паспорт, в который даже не заглянул, он протолкнул кочергой в самый жар топки. Оставался браслет с красным камнем, сделанный из незнакомого серебристо-зеленого сплава. По рассказам бывалых зэков Алексей знал, что обычно заваливаются именно на таких мелочах. Но камня с незнакомыми буквами — вроде бы русскими и нерусскими одновременно — стало жалко, хотя он и не знал, куда и как его можно приспособить. Поковыряв кухонным ножом, ловко выцарапал драгоценную инталию, слегка выщербив край, и одним ударом расплющил чешуйчатого гада, полурыбу-полузмею...

Промучившись в первую ночь, он хорошо отоспался после полудня и затем уже исправно укладывался на боковую с каждым новым рассветом. Его не терзали непрошеные сновидения, дыхание было безмятежным и ровным.

А в следующую пятницу нагрянул патрон с Альбинкой и прочими, среди которых Алексей знал лишь композитора с волосами до плеч и зава ремстройконторы. Вкусных вещей понавезли видимо-невидимо: и ветчину, и горячего копчения осетрину с янтарным жирком, и огурчики, и грибочки — чего только там не было. Потчуя дорогих гостей, Протасов разрезал пополам подогретые на печке калачи и густо намазывал их паюсной икоркой.

За дачу, понятно, больше пили: за хозяев, строителей и каких-то «жизнедеятелей», как витиевато провозгласил архитектор. При этом «Двин» и зеленую лимонную водку перемежали пльзенским пивом, отчего вскоре, по меткому замечанию Альбины, выпали в осадок.

Она-то как раз пила меньше всех, лишь пригубливала, устремив поверх рюмки тягуче-медлительный взгляд. Встретившись с ней глазами, Алексей вдруг понял что-то такое, от чего ему сделалось душно и беспокойно. Словно горячая волна прервала дыхание, и уши тоже горели, как в огне.

Перехватив еще один такой же взгляд, он поторопился уйти, сославшись на какую-то там работу. Назад возвратился часа через два, когда все разъехались по домам, а его точно током ударило, пронзив насквозь до малейшей жилочки.

Из того, что случилось потом, он до осязаемого бреда запомнил тепло ее тела под смятым шелком и дрожь своих натруженных рук.

Те давившие его ссадины зажили, затянулись пергаментной корочкой...

Какие глупости он нашептывал, какие обещания и уговоры твердил, вспоминать было и вовсе ни к чему. Она только подхихикнула в ответ умудренным, все понимающим смехом и разнеженно нашептывала:

— Глупыш, глупыш...

Правду сказала: глупыш и есть! Дарить ей тот камень никак не стоило. Ежу и то ясно. Хотя, конечно, какая-то память должна быть. Все должно завершаться красиво.

Скорого завершения Алексей, впрочем, не ожидал, воображая картины на будущее — одну слаще другой. Как-никак в его добровольное, хотя и вынужденное заточение Альбина внесла приятное разнообразие.

Однако уже на следующий день, ближе к вечеру, он был разбужен треском подкатившего к самому резному крыльцу мотоцикла. Перебегая на цыпочках от одного занавешенного окна к другому, ему удалось рассмотреть сквозь щели милицейского лейтенанта в шлеме и сидевшего в коляске Архипа Ивановича, коменданта поселка.

Лейтенант постучал затянутым в кожаную перчатку кулаком сначала в дверь, а затем и по ставням, но Алексей, само собой, не подал признаков жизни...

Не прислушаться к такому звоночку было нельзя. Дождавшись темноты, Алексей пехом рванул в сторону Калинина. Полоса сплошных ливней, слава тебе господи, прошла, и он без осложнений дотопал до четвертой от Синеди станции. Только там решился сесть в электричку. И то выскочив из кустов в самый последний момент.

Освещенная редкими фонарями платформа отсвечивала пустотой: ни милиции, ни пассажиров. В облачных прорывах купалась промытая до блеска половинка луны. Тревожно гудели медные провода. Когда сомкнулись резиновые прокладки дверей, он облегченно перевел дух.

Глава двадцать пятая

ТАЙНАЯ СИЛА

Вопреки предусмотрительным советам сослуживцев и кое-каким собственным горестным наблюдениям Люсин решил во что бы то ни стало разыскать Аглаю Степановну, с которой виделся последний раз на поминках.

Так в одно прекрасное утро — оно действительно было прекрасным из-за свежевыпавшего снега — он оказался в Волжанске.

— Вот, значит, где ты теперь живешь?— принужденно улыбнулся Владимир Константинович, озирая аскетическую жилплощадь.

Он опустил на белый, больничного вида табурет туго набитые сетки с апельсинами и длинными парниковыми огурцами, затем, найдя на двери подходящий гвоздь, повесил тяжелое кожаное пальто.

— Ты не хлопочи, мать, я ненадолго.

— Торопишься все. Как же тебя занесло в нашу-то глухомань?

— Самым обыкновенным манером: по железной дороге. Тобой, Степановна, нотариусы интересуются. Когда сможешь приехать?

— Это какие такие нотариусы?— спросила она, недовольно фыркнув, хотя вполне понимала, о чем идет речь.

— С наследством вопрос решать надо,— терпеливо объяснил Люсин.— Мы ведь уже имели с тобой беседу по этому поводу? Или забыла? Теперь самая пора и приспела. Если хочешь, можем вместе поехать.

— Как в тот раз, так и теперь скажу одно: не желаю.— Она обиженно поджала губы.— Не терзай мне душу, Константиныч, не рви. На том и кончим с тобой.

— Как знаешь, мать,— вздохнул Люсин, предвидя такую ее реакцию.— Зарабатываешь-то хоть прилично?

— Так я чего в санитарки-то пошла? Полное жалованье положили, да еще полставки какие-то, да мой пенсион при мне. Чем не жизнь? Мне так хватает и про черный день остается.

— Это хорошо, но квартирку получше бы надо тебе выхлопотать.

— И в голове не держи!— с непонятной для Люсина веселостью запротестовала она.— На кой мне твои хоромы? Все, чего надо, есть: газовая плитка, батарея теплая, свет. У меня тут соседка добрая. Люсей зовут. Заботится обо мне, помогает. Студентка-заочница. Ты не думай, я славно живу. Да и сколько там мне осталось?

— Травками больше не пользуешь?— Люсин принюхался, но не смог поймать той щемящей бальзамической сладости, которая временами грустно вспоминалась ему.— Зарыла талант в землю?

— Иде они, те травы?

— Весна не за горами, Степановна. Небось опять подашься в родные края? Да и тут, я слыхал, окрестности не бедные. Одно загляденье.

— Много ты понимаешь. Нет, голубь, чего было, то безвозвратно утекло. Уж как-нибудь обойдусь. Буду свой век доживать.

— Зачем же так? Людям помогать надо, Степановна. Ты это лучше меня понимаешь. Опыт передавать опять же. Неужто хочешь с собой унести? Да ради памяти одной Георгия Мартыновича ты обязана жить полнокровной жизнью. И знание свое передать в надежные руки. Оно не только тебе принадлежит. Это, если хочешь, всенародное достояние.

— Не поймал еще того нелюдя?

— Ищут его, будь уверена, по всем городам и селам. Все приметы известны, вплоть до наколок. Никуда он не денется.

— Как же, видела я его портрет — чистый изверг!

— Не скажи, Степановна, вполне благообразно выглядит.

— Ничегошеньки ты не смыслишь, вот что я скажу! Одно обличье в нем человеческое, а души нет, мертвая в нем душа....

Проводив гостя, Аглая Степановна собралась на старую базарную площадь возле пассажа, где по воскресеньям устраивались народные гулянья. Как прежде на ярмарках, прямо под открытым небом торговали горячими бубликами, рыбными пирогами. Кипели ведерные самовары, не давая остыть заварке в окутанных паром расписных чайниках. И чего только не было на тех самобраных столах! И сбитень в высоких графинах, и поджаренная в сухариках бычья печенка, и, конечно, крутые яйца.

Подвязавшись штопаным оренбургским платком, старая женщина смахнула повисшую на реснице слезинку, запахнула плюшевый жакетик и поспешила на улицу. Показалось нестерпимо горько остаться сейчас одной в необжитой комнатенке, которую она еще не привыкла считать своим домом. Среди людей, хоть они и проходили мимо, не задержав взгляда, ей становилось как-то спокойнее, оседала едкая тревога, отпускало неутешное ожидание.

Она подкормила крошками ранних, умилительно попискивающих синичек, полюбовалась рыжей кошкой, воровато огибавшей углы, и тихонько двинулась к площади, где мажорными тактами марша гремели уличные репродукторы. Обстановка в городе была почти праздничная. Все чаще попадались раскрасневшиеся на морозе папаши, тащившие спеленутые елочки, покачивались запутавшиеся в проводах разноцветные воздушные шарики.

Долгий звук отходящего поезда, едва различимый за медью оркестра, отозвался благодарным порывом. Ее так и потянуло торопливо вбежать в вагон, занять свое место на полке и долго-долго куда-то ехать, глядя в затуманенное морозцем окно. Но некуда было ей ехать. Она так и не поняла, зачем приезжал Люсин — неужели только из-за наследства? Но то, что он все-таки нашел ее и даже привез гостинцы, ее растрогало. Жизнь не очень-то баловала Аглаю Степановну подобным вниманием.

Заметив в подворотне бабу с мешком семечек, Степановна нерешительно потянулась за истрепанным кошельком.

— Почем?— спросила она, зачерпнув на пробу.

— Тридцать копеек.

— Ишь ты! Чего так дорого?

— А попробуй вырасти!— крикливо отозвалась торговка.

— Так каждую весну в огороде сажаю,— возразила Степановна и вдруг осеклась. Грядкам и клумбам, а может, и веснам — кто знает?— пришел конец. Она покорно вручила мелочь и, оттопырив кармашек, дала пересыпать туда содержимое граненого стакана. Пусть все идет, как идет. По крайней мере есть чем порадовать оголодавших синиц, которым приелось, поди, сухое крошево да терпкая горечь рябины.

Не осознавала еще Аглая Степановна, что это распрямляется понемногу ее зажатая в тисках душа.

Музыка разливалась все громче, и с каждым шагом отчетливей различался бодрящий гомон, доносившийся с площади. В самом конце улицы блеснул расходящийся клин проветренной синевы. Над булыжником мостовой веселыми змейками завивалась поземка. А там и каменные ступени открылись взгляду, пузатые колонны пассажа, где в темных нишах оживленно сновал народ. Только флагов и кумачовых транспарантов недоставало до полного праздника. А так — ликующее зимнее благолепие: белые халатики продавщиц, надетые поверх пальто и шубеек, убеленный скат крыши и алебастровая колокольня с золотым ослепительным шишаком.

Голову в меховой шапке, возвышавшуюся поверх других, Аглая Степановна увидела издали, а узнала еще до того, как устремила прицельно сузившиеся глаза. Ее словно толкнуло что-то, заставив съежиться, как от внезапной рези. Краснолицый парень в распахнутом полушубке, присев на балюстраду рядом с накрытым столом, неторопливо переливал в глотку вино. Стакан он держал двумя пальцами, помахивая в такт глотанию надкусанным пирожком.

Она угадала безошибочно: тот самый. И медленно направилась к нему, не выпуская из поля зрения и боясь спугнуть пристальным взглядом. Всем существом своим, потрясенным до самых глубин, всей прожитой жизнью, простроченной вспышкой гнева, знала, что ему не устоять перед ней. Не скрытая сила, о которой судачили деревенские кумушки, но абсолютная убежденность несла Аглаю Степановну на кромке кипящей волны. Сбросив годы и немощи, даже как будто бы потеряв вес, летела она над площадью, не касаясь заледенелой земли.

Никто не видел этого стремительного полета. И она, проносясь сквозь расступавшуюся толпу, не замечала других. Словно вокруг была заснеженная пустыня, утопавшая в дымной полумгле.

То единственное лицо, чьи самые мелкие черточки различались с нечеловеческой зоркостью, лишь отдаленно напоминало фотографию в милицейской листовке, но ошибки быть не могло: она настигла врага. И знала, что сможет сделать с ним все, что захочет, и сделает это, превратив в безвольный манекен.

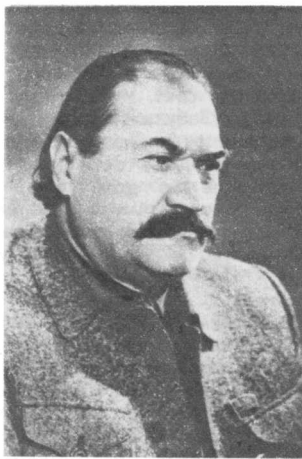
Все силы, которые еще оставались, она слила в единый порыв.

По просьбе читателей мы представляем художника Валерия Карасева — автора рисунков к роману Еремея Парнова «Александрийская гемма».

Валерию Карасеву 47 лет. Родился в Москве. Вырос на Арбате. Учился в художественной школе. Затем — в Художественно-промышленном (бывшем Строгановском) училище. Гольбейн, Рокотов, Левицкий — наиболее близкие ему мастера. «Когда в институте все рисовали углем, я этому материалу предпочитал самый твердый карандаш — чуть ли не гвоздь». Испытывает сильную слабость к старине и котам. «Однажды пришел домой поздно вечером

и пожаловался своему коту на одиночество. И вдруг, к моему изумлению, этот зверь протянул лапу и погладил по щеке. Я был тронут до слез». Атмосфера старых московских улочек действует на художника умиротворяюще: «Отдыхаю душой в Кусково, Останкине, но чаще безвылазно сижу в мастерской». Работает Карасев много. Увлекается живописью, оформляет детские книжки, плакаты, почтовые марки, иллюстрирует классику. Свободное время проводит в семье. «Радуюсь, когда я играю со своим четырехлетним сыном. Он меня учит не лгать — ни в жизни, ни в искусстве».

Олег ТУРКОВ

ТВОЙ ДЕНЬ

Джансуг
ЧАРКВИАНИ

СВАНСКИЕ ДВЕРИ

А случится путник —
пусть во тьму не канет.
Не держу я двери
под семью замками.
Сванские, резные
двери ожиданий,
что сработал мастер
Бата Ониани.
Не отдам каштана
за врата из стали,
ибо он — ровесник
предку из Латали.
Да пребудут в мире
двери и дорога.
Ну, а гость случайный —
милостью от бога.

МАЛЕНЬКОМУ НИКА

Счастлив твой день
и безгрешен покуда,
ибо свободен
от плоти и блуда.
В драке людской
ты еще не замешан.
С троп не сбивался
ни конным, ни пешим.
Дара чужого
не крал из корысти.
Годы не жег,
как опавшие листья.
Злобы не ведал
и зла не копил.
Черное лихо
в вине не топил.
В улицу детства
не взглядывал косо.
И не готовил
на друга доноса...
Бродит покамест
грядущая доля
в чаше твоей,
как вино молодое.
Я каменею —
о господи правый!—
ибо и ты
не уйдешь от потравы.
Но, пополняя
животное вече,
сердце в себе
упаси человечье.

АПРЕЛЬ

Гиви САМСОНАДЗЕ

Всему своя нужда и треба,
и всяк свою палит свечу.
Клянусь твоим печальным небом,
я говорить с тобой хочу.

Ты памяти моей поведан
как брат. И пролагает след
твой легкий хмель и веет следом.
И в том греха отныне нет.

Одна эпоха нас творила.
И путь один пытал, кружа
во мгле земной... О как могила
твоя безжалостно свежа!

О беззаветном сыне истин,
взывавшем к божьему суду,
я в Табахмела и Шиндиси
тоской в апреле изойду.

Я слез нечаянных не скрою,
что горько пролил над тобой.
Не злом платили мы, а кровью.
Не хмель качал нас, а любовь.

Вот песня пошатнула тело,
вино ударило в сердца —
и молния запечатлела
черты прекрасного лица.

А поутру, как иммортели,
всевышним брошенные в мир,
втроем с Гурамом Гомартели
мы бренный возглашали пир.

Нам славно пелось, ибо пели
мы душу, ясную до дна...
Кто с нами в завтрашнем апреле
пригубит доброго вина?

И в откровении едином,
послушно сердцу и уму
мы вновь восходим невредимо
к живому солнцу твоему.

Свеча судьбы нам тешит очи,
пока дыханье не прервет...
Да будет мертвый непорочен,
а за живым не пропадет.

АНАНУРСКИЙ ЭКСПРОМТ

Как светлая капля,
как блик родниковый,
как дольнего счастья крупица,
на розовой мочке звездой от подковы
сережка твоя золотится.

Взгляни горделиво,
откинься небрежно —
и вздрогну я, благоговея.
В ночи Ананури чуть хрипло и нежно
твой голос поет, Лорелея.

Избранница неба,
наперстница бури,
ты вправе над миром смеяться...
Высокие молнии над Ананури
в глазах твоих влажных змеятся.

УЧАСТЬ ТИРАНОВ

На века
воздвигли стены
властелины
вотчин прежних.
Кровь поэтов
убиенных
запятнала
их одежды.
Кровь поила
корни граба.
Зло подыгрывало
гимну...
Тщетно!
Грозного сатрапа
бывший раб
сволок в могилу.

РАВНОДУШИЕ

К роще ангельского чина
не ведет твой чистый след.
Какова тому причина,
если ты отнюдь не слеп?

Моря буйная пучина
не страшит твоих укреп.
Какова тому причина,
если ты отнюдь не слеп?

Друг предаст велеречиво —
не пробудишься, свиреп.
Какова тому причина,
если ты отнюдь не слеп?

Боль земли неизлечима —
ты покоен, аки склеп.
Какова тому причина,
если ты отнюдь не слеп?

То — душа темней очес.
Ибо сказано от века,
волку — волчий интерес,
сердцу — око человека.

АНАНУРИ

Я мчусь за тобой, как туман Ананури,
чтоб засветло пасть у тебя на пути,
стрела провидения, выдумка бури
И гибель, которую трудно найти.
От стен Ананури, тропу прогибая,
Я бешеным барсом бегу за тобой,
подарок судьбы, перепелка рябая,
незримая взору в траве голубой.
Но знай, что тебя я настигну однажды,
иссякшую прежде, чем грянет гроза,
твой гений, твое утоление жажды,
твоя перевитая прядью лоза.
О где ты, снежинка из ветреной сказки?
Красны сацнахели от крови моей.
Я был тебе крепью из камня и ласки.
Как сбила оковы?
Как справилась с ней?
Я стражду и вновь, как туман Ананури,
блуждаю в горах у тебя на пути,
стрела провидения, выдумка бури
и гибель, которую трудно найти.

**Перевел с грузинского
Сергей БОРИСОВ**

ДВА СОБОЛЯ И СТРЕЛА МЕЖДУ НИМИ

Было тихо и безлюдно.
Шедший всю ночь и утро снег
опушил кресты и плиты,
но дорожки уже были расчищены.
Первый же из кладбищенских
рабочих, попавшийся навстречу,
вызвался меня проводить.
«Вот надгробье декабриста
Муравьева...»
Прошли чуть дальше.
Я провел рукой по плите, у которой
остановились, и сразу же из-под снега
выступили выпуклые черные буквы:
«Здесь покоится прах Вильгельма
Кюхельбекера...» Кюхля...
Обогнули белую, тающую среди снегов
церковь Семи Отроков, построенную
геодезии сержантом
Андреем Абриным
в 1776 году, о чем извещала
прикрепленная к стене
мраморная доска,
вышли к пирамидке П. П. Ершова,
автора волшебного «Конька-Горбунка».
«А туда подальше — сами пройдите —
отец Менделеева похоронен...»
Рабочий ушел, я остался
побродить, подумать...

Четыреста лет исполняется
в этом году Тобольску.
Старое Завальное кладбище,
расположенное когда-то за городским
валом, ныне в центре.
По правую руку — исторический
Тобольск, по левую — молодой.
Я повернул направо...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»,
фото автора

«...Хиония Косьмина Гусева подошла и поклонилась Григорию Распутину — Новых. Последний со словами «не надо кланяться» хотел было подать милостыню. Хиония Гусева, воспользовавшись этим моментом, выхватила из-под платка остроотточенный, обоюдоострый кинжал и ударила им Григория Распутина — Новых в живот...»

Чем закончилась эта история — каждому известно: Гришка уцелел, хотя и пострадал при нападении. А дело, как и положено, со временем легло в архив. И вот держу его в руках, вглядываюсь в каллиграфическую вязь букв и все не могу поверить, что писано оно по горячим следам, что именно эти листы держали в руках царские чиновники, напуганные столь скверным оборотом дел государева любимца...

Но бег истории прихотлив. Думал ли Николай II, последний русский царь, что всего через три года судьба промчит его мимо того же села Покровского, что на тракте между Тюменью и Тобольском,— месте нападения на Распутина? И что Тобольск, куда милостью царской ссылались и декабристы, и петрашевцы, через который прошли

ГРАДЪ ТОБОЛЬСКЪ

В залах городского музея около девяти тысяч экспонатов, еще двести с лишним тысяч — в запасниках.
Икона «Град Тобольск». Работа неизвестного художника середины XVIII века * «Ермак», неизвестный художник, XVIII век * Митра митрополита. Вклад воеводы И. Б. Репнина в Тобольский кафедральный собор. 1671 год * Резная кость «Семеро с ложкой — один с сошкой» мастера XIX века П. Г. Терентьева * Тобольский драмтеатр и нижний город.

Радищев и Чернышевский, Достоевский и Короленко,— что этот Тобольск станет одним из последних его приютов, местом его собственной ссылки?..

Я с сожалением — время позднее, заканчивался рабочий день — возвратил дело в архив. И подумал: сколько же это надо времени, чтоб хоть бегло просмотреть 1676 хранящихся фондов, содержащих свыше двухсот семидесяти пяти тысяч единиц хранения — документов редкостных, подчас бесценных. В ветхих листах и подыстлевших книгах фондов, среди которых самый старый — фонд Тобольского Знаменского монастыря с документами от 1651 года,— не только история города, но и огромного края, столицей которого долгое время был Тобольск. Каких только имен не отыщешь в старых бумагах — Трубецкой, Голицын, Репнин, Салтыков, Шереметев, Нарышкин...

Первым губернатором был назначен князь Матвей Петрович Гагарин. Его величали славным, громким и... «глубоко злополучным вельможей» (он был повешен 16 марта 1721 года в Санкт-Петербурге). Это при нем возводили каменную крепость на горе — нынешний кремль...

Уже в семнадцатом веке Тобольск слыл одним из крупнейших городов государства Российского и значился на всех иноземных картах. Тобольская пушная казна в середине семнадцатого века составляла треть государева дохода! Отсюда отправлялись служилые люди далее на восток — до Лены и Даурии — остроги рубили, закладывали города. Мангазея, Томск, Туруханск, Красноярск, Братск, Якутск, Олекминск, десятки других — и все это менее чем за первые полвека существования Тобольска! А сам Тобольск, ставший столицей Сибири! Иностранных послов принимал. В городе наряду с русским и местным татарским населением жили бухарцы и китайцы, украинцы, литовцы, поляки, шведы, немцы и многие другие...

Богат архив документами каторги и ссылки. Хранящиеся ведомости рассказывают о «поведении декабристов» — Муравьева, Вольфа, Кюхельбекера, Анненкова, сохранились их автографы... И о многом другом отыщутся свидетельства. Например, о монахине Прокле — княжне Юсуповой, и о последнем судье Запорожской сечи Павле Головатом.

А еще — материалы о научных экспедициях, обследовавших север и великий морской путь...

Но историю свою рассказывает Тобольск не только языком полуистлевших архивных листов. Он распахивает ее перед приезжим раскрытой книгой своих строений, улиц, окружающих холмов. Чуть поодаль центра города воевал Ермак (казачий атаман Василий Аленин) со дружиною хана Кучума. Было это в лето 1582-е... А спустя недолгое время, в 1587 году, письменный голова Данила Чулков, приплывший по Иртышу, «против устья Тоболу поставил град именем Тоболеск на горе». В ту пору это был всего-навсего острог, построенный из разобранных судов-ладей, потому и назывался он — Ладейный.

А стоял он на месте будущего белокаменного кремля, вот здесь же, на Троицком мысу... Когда сегодня смотришь на это чудо-чудное — первый в Сибири каменный кремль — диву даешься. Не тому, как легко и точно «сел» он на вершину крутояра, и не тому, как сказочно живописны его пропорции, благородны линии. Думаешь о другом — о той гениальной легкости в работе и действительно сказочной быстроте, с которой могли трудиться наши предки.

Век с небольшим спустя после основания Тобольска Петру I в Сибирском приказе подсказали имя известного уже в ту пору картографа и историка Сибири тобольского служилого человека Семена Ремезова. В 1698 году Ремезов поехал в Москву, в Сибирский приказ за наукой. А к весне 1699 года в той же Москве утверждался проект каменного кремля Тобольска, разработанный Ремезовым... Скромный мозаичный портрет архитектора и строителя каменного града выложен на одной из кремлевских стен уже в наше время.

Когда начнешь обходить белые стены кремля, непременно обрадуешься, увидев крутой спуск меж каменных откосов. Дорога эта зовется на особый тобольский лад — взвозом. Не по ней ли взвозили на откос бревна и доски от разобранных судов люди Чулкова? Не с той ли поры пошло это чудное название? Софийский взвоз — самый крутой из трех тобольских взвозов, ведет он напрямую из кремля в нижний город. Тот с откоса распахивается упорядоченностью городских кварталов, невысокий, одно-двухэтажной застройки. Вот так, наверное,— думаешь, глядя с высоты,— жили посадские люди и век, и два, и три тому назад. Тонули в богатых снегах их избенки, струились к небу столбы дымов из труб. Хорошо, поди? Но к этому еще предстоит нам вернуться, когда перейдем к сегодняшнему дню Тобольска. А пока вглядимся в мемориальные доски на одном из каменных домов и еще раз удивимся сплетению судеб и имен. Первоначальный владелец этого дома В. Корнильев содержал здесь типографию, в которой издавался первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Позже в нем жил губернатор А. В. Алябьев, отец известного композитора, родившегося в этом же здании. Спустя некоторое время здесь разместилась гимназия, в которой учился Дмитрий Менделеев, будущий великий химик. А директорствовал в то время Петр Павлович Ершов, Ершов — автор «Конька-Горбунка». Есть чему удивляться... Домик, где жил писатель, стоит поодаль, здесь же, в нижней части города. Хоть и жил в нем сказочник, дом обыкновенный, незатейливый. Но есть здесь — тоже неподалеку — другой дом. Красив, как сказочный терем, хотя и не так стар. Строили это здание в конце прошлого века. Располагается в нем знаменитый Тобольский театр. К слову скажу, будь за душой у театра одно только это здание — и то бы театр «не потерялся». Но у театра история — из богатейших! Насчитывает он ни мало ни много — около трех веков своего бытия. Художник театра Геннадий Николаевич Кустов — инициатор создания театрального музея, один из долгожителей труппы (а это очень важно — о чем еще скажу) — познакомил меня с материалами, собранными в том же архиве его товарищами.

«Мая 8 числа 1705 в день Иоанна Богослова» скоморохи играли комедию. Разразилась гроза, сорвала кресты с двух церквей, обрушила часть горы... Прискорбное произошло событие, но с той «комедии» театр повел свою историю. Уже в шестидесятых годах восемнадцатого века создается профессиональный театр. Немало содействовал в дальнейшем театру губернатор Алябьев. Бывал на спектаклях театра Радищев. Бывал и И. И. Пущин, приезжавший из Ялуторовска в Тобольск. О тогдашних тоболяках он написал: «Народ смышленый, довольно организованный... Не встречается большой нищеты. Живут опрятно, дома очень хороши, едят как нельзя лучше...»

А теперь, ознакомившись хотя бы и вкратце с историей далеко не ординарного города Тобольска, перейдем к сегодняшнему его дню. Журналисты любят иногда возвращаться к старым адресам: любопытно, что же произошло? В Тобольске я был около двадцати лет назад. Город тогда стоял перед началом больших перемен. Грядущее строительство нефтехимического комбината обещало в несколько раз увеличить население города (к 1980 году с 53 до 200 тысяч человек!— так говорили нам, так писали мы в журнале), а значит, и в корне изменить его жизненный уклад. Одних надвигающиеся перемены возбуждали: какой комбинат отстроим, какой город отгрохаем; дайте срок, приедете — не узнаете! Другие больше всего опасались вот этого «не узнаете». Ведь жил городок, без малого не дотянувший четырех веков, и — все слава богу. Всяк всякого знает, старушки не боятся внуков на улицу выпускать — тишина, редко прогрохочет автомобиль. А тут — что еще будет? Нас, в общем-то сторонних наблюдателей, больше всего интересовал вопрос: не утратит ли Тобольск своего исторического своеобразия? Городов с такой богатейшей историей, особенно на востоке нашей страны, по пальцам перечесть. И Тобольск среди первых...

Вновь попав в город, я стал не только осматривать его, что называется, внешне, но и отыскивать тех людей, которые в те прошедшие годы говорили какие-то слова, рисовали планы, занимали должности, несли какую-то ответственность за то, что есть и чем это может стать. Увы! Я очень скоро понял, что поезд давно ушел. На ключевых (да и не только) местах города менялись люди и раз, и два, и пять. Что вы хотите — два десятка лет, треть сознательной жизни человека. Люди растут, переходят с поста на пост, старятся, умирают: процесс естественный, но малоутешительный... А если что не так, с кого спросить — всяк кивнет на предшественника. С кем же поговорить, если что ни пост, то человек новый? Не только на посту новый, а вообще в городе... Да и что ему этот город, подумаешь: не временная ли точка приложения сил? Раз так, что за дело до его судьбы? Но должен же быть некий духовный сосуд — хранилище традиций города, его души, что ли? Ну, у кого я, скажите, спрошу о такой, например, проблеме, о которой мы писали в том давнишнем журнале? Уникальный деревянный театр Тобольска уже тогда требовал срочных мер по ремонту, иначе беда. Но вот и год прошел, и пять, и двадцать почти. С полдюжины директоров сменилось, без счета — главных режиссеров, а проблема жива. Сегодня, как и вчера, стоит она в первоочередных...

Вообще проблема сохранения уникального деревянного здания — лишь часть проблемы сохранения всего нижнего города. В течение ряда веков Тобольск неоднократно горел, а после пожаров восстанавливал свой облик. Именно восстанавливал, а не перестраивал, не корежил его.

ДОБРОВОЛЬЦЫ СТАРАЮТСЯ ПОБЫСТРЕЕ ПРЕВРАТИТЬ ЦЕРКОВЬ В МУЗЕЙ ЖИВОПИСИ.

НА ТРАДИЦИОННОМ ЧАЕ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА ЗАХАРОВА ЗНАКОМИТ РЕБЯТ С БЛИЖАЙШИМИ ЗАДАЧАМИ КЛУБА.

Каждый застройщик не лепил что бог на душу положит, а соблюдал определенные правила. В одной из книг о Тобольске я разыскал любопытные изыскания, проведенные кандидатом архитектуры Г. Алферовой. Обнаруженные ею материалы по градостроительству в XVI—XVII веках перевернули некоторые привычные представления. При так называемой свободной планировке речь вовсе не идет о стихийности застройки. Город планировался так, чтоб каждая усадьба в нем непременно была связана с природой и зрительными центрами города — доминантами, которыми служили храмы. Ни строения, ни деревья посаженные не должны закрывать «прозор» на церковь или реку. Даже воеводе разрешалось расселять жителей, нарезать им участки не самовольно, а под контролем приказов... Вот из чего складывалась эта легкость, естественность старинных городов. И Тобольск — живой, уцелевший еще пример прежнего градостроительного искусства. Утрать он по той или иной причине нижний город — волевой ли его перестройкой или простым небрежением,— боюсь, не пришлось бы задуматься, как задумываемся мы ныне над проблемой постройки (именно постройки, а не восстановления) Сухаревой башни. Не повторилась бы здесь судьба мемориальных зон в городах, в коих естественная старая застройка была уничтожена, а теперь предлагается воссоздать ее макет...

Но нижний город гибнет. Во всяком случае, болезнь его серьезна. Прежде глубоко продуманную дренажную систему погубили неумелые отсыпки дорог, рытье канав, траншей. И тотчас стали подниматься грунтовые воды, заливать подвалы, подмывать фундаменты. Дома заметно кривеют, оседают, стала ударять плесень... В городской газете прочел тревожащую душу статью научного сотрудника музея М. Сафроновой. Вот ее разговор с одной из хозяек подобного жилища. «Несколько лет не меняли сгнившие полы... В зимнее время день начинается с того, что раскалываешь застывшую на кухне воду. Растапливаешь печку, но, даже когда она нагреется, не снимаешь валенки и теплые носки. Спать тоже приходится в теплых вещах...» Выступает и другой сотрудник музея, Б. Эристов: «Недавние жители Тобольска вряд ли поверят, что в районе рынка купались дети, а рыболовы не уходили отсюда без добычи (речь идет не об Иртыше, а о малых речках, протекавших по нижнему городу.— **Л. Ш.**). Сток воды из нижней части города не только осушал ее, но и наполнял водой подгорные реки...».

Было. Куда-то подевалось все, пришло в запустение... «Кому он нужен, старый город?»— так, кстати, назвала статью Марина Сафронова. Но это не ее вопрос, она-то знает, кому нужен... Этот вопрос немо, а иногда и вслух стоит в разговорах с некоторыми из тех, кто больше должен был бы приложить энергии для его разрешения. Собственно, категорично так никто вопрос и не ставит. Звучит он несколько иначе. Примерно так. «Вот вы ратуете за сохранение старого города, а сами-то, наверное, хотели бы жить в современной квартире?» Нет, скажу честно, я бы лично хотел жить в избе (которую по-современному следовало бы назвать коттеджем — отдельным домом). Но не в той избе, где гнило и стыло, а чтоб и ванна была, и теплая уборная, и газ, и горячая вода. И чтоб сосновые стены моего дома дышали (и я вместе с ними). И чтоб палисадничек под окнами я мог разбить. И чтоб до центра города было мне рукой подать — пять минут пешком. И чтоб для автомобиля в просторном дворе место нашлось... Почему не может возникнуть жилищно-строительный кооператив, но не привычного бетонно-клеточного типа, а усадебного?

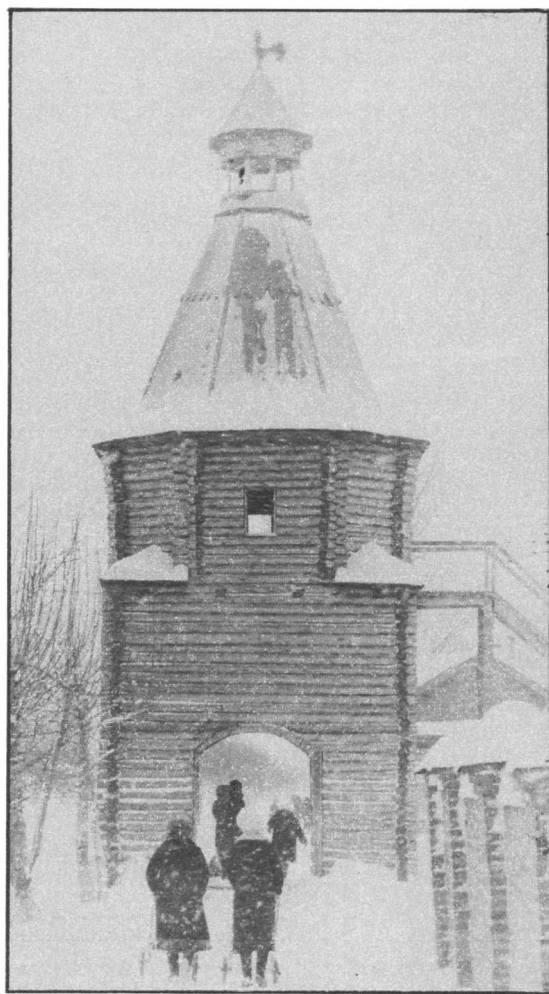
Ну, как, убедил я вас? Может, то, что мы и сейчас считаем ненужной ветошью, хламом,— на самом деле драгоценность, о которой простому смертному и мечтать не приходится? Да, хлопот много. И деньги нужны, и старания. Конечно, проще всего было бы под бульдозер да поставить на этом месте многоэтажное «чудо современности» в волнующих формах спичечного коробка... А нет — так оставить догнивать, само порушится... Нет, слишком уж много всего мы и без того загубили. Пора бы остановиться... Да кого об этом просить?

Возвышается в нижнем городе церковь Михаила Архангела. Заложена она была два с половиной века назад, в 1745 году и уже к 1759 году завершена. Была она когда-то одной из эффектных тобольских церквей — двухэтажная, на подклете, с трапезной, мирскими палатами и поставленной между ними колокольней. Колокольню она уже давно утратила, но сама еще стоит. Помнится, в давнишней журнальной публикации говорилось о немедленной реставрации уникального памятника. Вот она реставрируется, последняя точка еще не поставлена, а целое поколение успело вырасти только за то время, когда эта проблема предельно обнажилась. Сравниваешь эти два срока и думаешь: что же проще, заново строить или латать? Похоже, латать неизмеримо труднейм.

Но именно здесь-то мне повезло. Возле самой церкви висел щит с объявлением: «Тоболяки! Возродим каменную песню Тобольска! Каждую субботу в 14.00 проводятся субботники по реставрации... После работы — чай из самовара и беседы о Тобольске. Клуб «Добрая воля».

Я дождался субботы, пришел чуть пораньше, но внутри церкви уже шла работа. Мальчишки и девчонки класса так из пятого сгребали мусор, бой кирпича, расчищали углы. Другие ворочали доски, приготовленные для обшивки полов. Мужчины и взрослые парни ломами рушили вековые наслоения окаменевшей грязи. Работали дотемна, до половины шестого, а потом отправились пить чай. Им было хорошо. Хорошо оттого, что они вместе, оттого, что добровольно и сообща вершат общее дело, оттого, что цель — превратить бывшую церковь в музей древней живописи — они видели не в отвлеченном будущем, а в реальном завтра.

О делах и планах клуба, которому уже год, мы продолжили разговор уже в гостиничном номере, который сразу стал тесным от желающих поделиться соображениями, послушать мнение свежего человека. Рассказали они и о себе. Людмила Николаевна Захарова, «мотор» клуба, его руководитель,— двенадцать лет назад приехала на стройку комбината из Омска. Тобольск ее поразил. Но чем больше вглядывалась, тем больше поражало ее даже не равнодушие — она же видела: что-то же делается,— а какое-то спокойное, казенное отношение к городу. Что-то делается — и ладно, выше головы не прыгнешь. Ну при чем тут какая-то церковь, когда и хлебозавод работает на пределе? Я сам был этому свидетель. В течение недели ходил в главный городской магазин, и только один раз удалось поймать хлеб. Причина, выяснилось, такова: никак не могут пустить новый хлебозавод, поскольку его строит город, а коммуникации к нему — комбинат... На весь мир гремит тюменская земля нефтью и газом, а в самом Тобольске (невероятно, но это так) газа нет. Повсюду торчат трубы котельных, выбрасывая черные клубы копоти. И это в то время, как газовая магистраль уже давно пролегла чуть ли не на окраине города... Словом, хлопот у города хоть отбавляй, в первоочередных задачах задыхается...

ЭТОТ СКАЗОЧНЫЙ СИЛУЭТ — РАБОТА СОВРЕМЕННЫХ ПЛОТНИКОВ.

Не сразу решилась Захарова повесить это объявление о создании клуба, а вывесив, уже не пожалела о содеянном. Единомышленники откликнулись скоро. И решили объединиться. Почему? Да потому, что видели: ответственных лиц много, а отвечать некому... Если не мы, то кто?.. Быть может, в высказываниях добровольцев сквозил максимализм?

— Было желание кричать в автобусах, собирать деньги. Осенило — можно и без денег. Как варшавяне восстанавливали свою Варшаву...

Молодые и не такие уж молодые энтузиасты Тобольска поняли то, что так ясно выразила в своей статье уже упоминавшаяся нами М. Сафронова: «Существуют не два Тобольска, а один. С богатейшей историей, которую суждено иметь не всякому. Когда же бездумно мы делим его на старый и новый, приняв за правило уступать последнему, то тем самым обкрадываем себя опытом душевности и человечности...» Вот в чем ответ!

И неудивительно, что к клубу потянулись люди, объединенные, казалось бы, совсем иными интересами — из клуба самодеятельной песни и самодеятельного конструирования, клуба туристов и фотоклуба, клуба эсперантистов... Уже есть мысль: объединиться в «Клуб нескучных людей»...

Как же получилось так: с одной стороны, город стремительно шагал вперед, выстроил новые кварталы, нарастил промышленную мощь, а с другой — остался таким же бедным, задыхающимся, трудно сводящим концы с концами?

Недавно сменился директор комбината. Прежний был хозяин толковый, деловой, но видеть ничего не хотел, кроме комбината и иже с ним... Что ж, современный, деловой подход! Но прав ли он, если подходить с высокой государственной меркой? Ведь комбинат начинал расти не среди голых болот или необжитых земель. Он был «привязан» к городу с глубокими историческими корнями. Пока младенец рос, он посасывал свою приемную мать. И школами пользовался на общих основаниях, и больницами, и городским транспортом, да, собственно, всем, чем город мог поделиться, пока стройка не окрепла, не встала на ноги. Но вот окрепла она, новый город вырос, такой же по численности, как и старый. И граница между ними пролегла, как между маслом и водой. Но разве правильно это? Снимая комнату с видом «на море», не должен ли платить жилец несколько больше, чем за комнату с видом на задний двор? Разве это не ясно? Тем более, что «жилец»-то уж больно беспокойный — все-таки химия. Каким боком она завтра выйдет городу?

Сегодня, учитывая повсеместный опыт, я бы поостерегся давать однозначный ответ. Да и что значит — однозначный? Помните, я приводил цифру из старого репортажа о планируемой численности населения города на 1980 год? Она и в 1987 году чуть не вдвое ниже той, плановой. Я не хочу сказать, что это плохо, просто напоминаю, что планы и реальность — понятия не всегда однозначные.

Менял и по-прежнему меняет свои перспективы и сам комбинат. И у меня сложилось впечатление, что никто еще толком не знает, каким же в конце концов он должен стать и когда же этот «конец концов» свершится? Строители живут сегодняшним днем. В феврале они не знали своих планов на год — не то что на пятилетку. Больше того: Александр Петрович Юдаев — начальник производственного строительно-монтажного объединения «Тоболстрой», держащего в руках все строительство,— был озабочен иным. На этот год значительно сокращены у объединения строительные объемы. Это означает: на всех работы не хватит, кому-то из коллектива придется уходить. А если на будущий год план резко прыгнет в сторону увеличения — значит, звать новых людей, строить им новое жилье?

Конечно, все это заслуживает отдельного обстоятельного разговора. Но и из сказанного ясно: уж коли планы «плавают» сами по себе, неплохо, чтоб они иногда поближе «подплывали» и к нуждам города. На уровне ли министерств, Госплана, Совета Министров должно это происходить — не берусь судить. Но проблемы должны решаться сообща, в комплексе и, по возможности, до конца.

...— Я бы всех, кто едет работать на тюменский Север, везла через Тобольск. Пусть люди видят: они здесь не первые, а идут по той земле, где славная история,— убежденно говорит Захарова.

И разве она не права?

Старинная тобольская печать, бывшая одновременно и гербом Сибири,— «два соболя и меж ними стрела». Двуедин и ныне Тобольск, шагнувший к своей 400-летней дате. Его история и день сегодняшний равно дороги каждому. И между ними не должно быть отчуждающей грани.

ОБСУДИМ?

Вечерняя ноябрьская темень уже затушевала автотрассу. На обочине кто-то панически голосовал, нервно размахивая руками. Водитель «газика», резко сбросив газ, не раздумывая, надавил на тормоз... Но, отворяя дверцу машины, не подозревал в те минуты Павел Николаевич Ким, что случайная эта остановка в пути даст глубокую трещину в его судьбе, расколов жизнь на две половины. В первой половине навсегда останутся десятки лет работы прокурором в казахстанском городе Текели. Во второй же прокурор окажется подсудимым...

МУНДИР ДЛЯ ПРОКУРОРА

Михаил КОРЧАГИН

Впрочем, трещина эта, изменившая жизнь прокурора, наметилась раньше — еще в раздевалке завода, когда пробка от откупоренной бутылки водки отлетела в сторону, а к горлышку припал слесарь Владимир Буклов. Осушив сосуд, Владимир вышел за проходную, еле удерживаясь на ногах. И уж что в тот вечер было дальше, припоминает он довольно смутно. Зато каждую минуту того ноябрьского вечера до мелких подробностей помнит сам Ким.

Помнит, как тогда впереди остановились «Жигули», а он, включив поворотник и обогнув машину слева, увидел голосовавших и тут же затормозил. Оказалось, что ехавшие впереди «Жигули» сбили неожиданно выбежавшего из вечерней темени пьяного слесаря Буклова. Ставший тормозить на большой скорости, Ким все же проехал по ноге сбитого выпивохи. О травмах, полученных от «Жигулей», Буклов стал забывать уже на второй месяц. О ноге, которую угораздило переехать Киму, пострадавший не вспомнил ни разу — нога осталась целой.

И еще не кончился больничный Владимира Буклова, а для прокурора Кима началась иная жизнь. Пребывая в положении подследственного, смотрел он теперь на бурную деятельность своих коллег — слуг Фемиды в Талды-Курганской области, наблюдая за ними широко раскрытыми от удивления глазами.

То получалось, что у ехавшего в темноте на большой скорости Кима «отсутствовала техническая возможность остановить и предотвратить переезд» ноги сбитого «Жигулями» Буклова, то вдруг у него такая возможность была (выходит, переехал специально). Это уже результаты второго следственного эксперимента с выездом на место. После третьего по счету эксперимента оказалось, что Ким видел поднявшего руку водителя не за 12 метров, а за 66 метров 64 сантиметра, значит, возможность затормозить имел, но не хотел. После четвертого — расстояние увеличилось аж до 72 метров 70 сантиметров, а позже снова вернулось к 12 метрам. То эксперимент проводился на одной улице, потом на другой улице и с иной маркой автомашины, фары которой имеют большую дальность ближнего света...

Весь этот ералаш завершился в конце концов двумя годами лишения свободы условно как для водителя «Жигулей» В. Орлика, действительно сбившего Буклова, так и для П. Кима. О прежней работе ему отныне нельзя было и мечтать.

Но бывший прокурор апеллирует, и судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР отменяет несправедливый приговор. Радость оправданного длилась не больше месяца. Первый заместитель прокурора республики И. В. Кацай по непонятным причинам внес в Президиум Верховного суда республики протест, который по столь же непонятным причинам был удовлетворен...

Некогда наметившаяся в судьбе прокурора трещина увеличилась до размеров целой пропасти. Наш журнал попытался восстановить доброе имя прокурора — в № 24 за 1984 год была опубликована статья «Помогите прокурору!». Ее автор Виктор Пронин процитировал строки из служебных характеристик Павла Николаевича: «Юридически грамотен, знающий дело, добросовестный работник. В решении вопросов объективен и принципиален». И предположил: «А может, того... слишком добросовестный? Слишком объективен и излишне принципиален? Увы, известны случаи, когда именно эти качества кажутся кое-кому самыми что ни на есть неудобными, а то и отрицательными. В прокурорской практике Павла Николаевича Кима было немало случаев, когда ему приходилось отстаивать свою точку зрения перед весьма высокими инстанциями, проявляя при этом все вышеназванные качества».

На публикацию ответил председатель Верховного суда Казахской ССР Т. К. Айтмухамбетов. Из его письма следовало, что Ким «имел возможность остановить машину и предотвратить наезд».

«Прокурору никто не поможет?» — ставит редакция вопрос прямо в заголовке следующего материала. За Кима вступилась Прокуратура СССР в лице заместителя Генерального прокурора СССР. Но протест союзной прокуратуры тут же был принципиально отклонен Президиумом Верховного суда Казахской ССР под председательством того же Т. К. Айтмухамбетова. Ошибок, мол, не признаем, говорили своим отказом в Алма-Ате. Пусть уж лучше Ким красуется в своем запятнанном мундире. И он продолжал красоваться — уже пятый год. До тех пор, пока та же прокуратура вторично не вступилась за него, послав в Алма-Ату после второй публикации «Огонька» следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР советника юстиции В. С. Галкина. После визита в Алма-Ату В. С. Галкина и проведенного им расследования дело по инициативе союзной прокуратуры было прекращено.

«За отсутствием состава преступления» — так называлось короткое сообщение «Огонька» (№ 17 за 1986 год) об этом радостном для Кима событии. Перед законом бывший прокурор снова чист. Но именно «бывший», так как не до конца очистился служебный мундир прокурора — несуразная запись в трудовой книжке оставалась той же: «Уволен за недостойное поведение». «Так что конца мытарствам прокурору все еще приходится ждать. Долго ли? Мы ждем ответа от Прокуратуры Казахской ССР» — такими словами кончается последнее огоньковское обращение. Но ответа на поставленный вопрос до сих пор нет.

О чем же задумались на столь долгий срок (около года после публикации) служители республиканской Фемиды? Умы ее алма-атинских служителей в этот период были заняты составлением следующего ответа Киму:

«Ваши заявления об изменении формулировки увольнения приказа № 633-л от 25.11.81 г. рассмотрены, и руководством прокуратуры республики оснований для отмены либо изменения этого приказа не найдено».

А что же тогда найдено по прошествии почти пяти лет? Ведь что-то же надо было обязательно найти, лишь бы до конца не признать свои прежние оплошности. Кто ищет, тот, как поется, всегда найдет! И нашли! Отыскался приказ Генерального прокурора СССР № 47 за 1971 год и Указание заместителя Генерального прокурора СССР № 6/75 1969 года, запрещающие прокурорам и следователям управлять автомобилями.

А не будь этого приказа, что тогда «разыскали» бы Киму? Ну, хорошо, пусть Ким нарушил это самое указание, которое за отсутствием шофера нарушал он с ведома руководства множество раз, разъезжая по неотложным служебным делам. Но при чем здесь «недостойное поведение»? Заместитель начальника отдела кадров республиканской прокуратуры С. А. Ивастов рассуждает по этому поводу следующим образом:

«Во всех этих Ваших действиях усматриваются элементы злоупотребления своим служебным положением, нарушение требований служебного долга, что обоснованно признано недостойным звания прокурора района поведением».

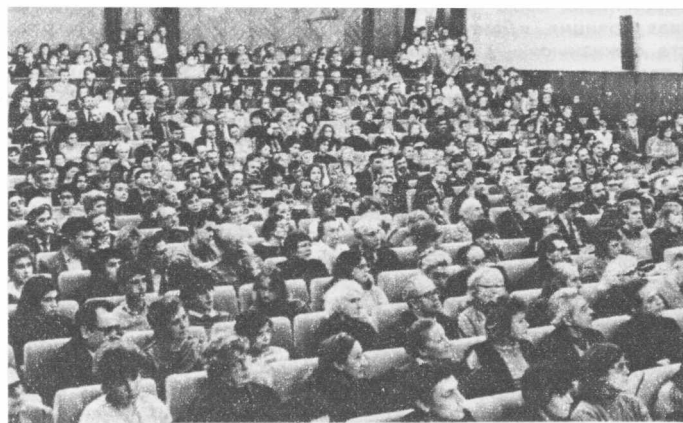
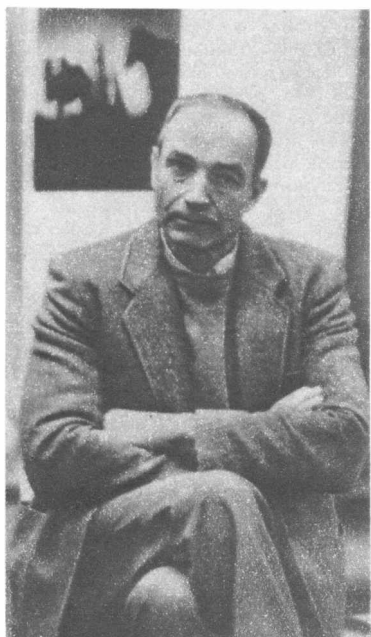
А что отвечать Киму местным властям, уже смотрящим на него как на тунеядца, хотя он оправданно добивается своего восстановления в прежней должности? И кто оплатит ему за вынужденный прогул?

«ОГОНЕК» В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЕЙ

Центральный Дом литераторов в этот вечер был заполнен читателями журнала. Разговор авторов и членов редколлегии «Огонька» со слушателями получился актуальный, острый. Затрагивались темы, которые нашли отражение на страницах журнала в последнее время и взволновавшие читателей. Без участия пришедших на вечер авторов «Огонька», без их поддержки и внимания журнал было бы делать нелегко. О времени перестройки, важности исторической памяти и человеческом факторе в нашей жизни, о роли искусства в воспитании человека-творца страстно, заинтересованно, отвечая на многочисленные записки из зала, говорили ученые С. Аверинцев и С. Федоров, писатели А. Дементьев, И. Зильберштейн, С. Лесневский, В. Енишерлов, А. Жигулин, М. Рощин, В. Соколов, А. Иванов, Р. Рождественский, художник И. Глазунов, режиссер О. Ефремов, артист Г. Хазанов, заместитель начальника следственной части Прокуратуры РСФСР В. Олейник.

«Огонек» благодарит всех принявших участие в вечере и посетивших его.

АВАНСЦЕНА

КАКОЕ БУДУЩЕЕ У

Перестройка театрального дела в стране связана с решением многих сложных проблем. С какими из них столкнулся московский театр «Современник»? Об этом ведут разговор корреспондент «Огонька» Мария Дементьева и народный артист РСФСР Валентин ГАФТ.

Для моего поколения — людей, родившихся в 60-х,— «Современник» — театр из легенды. Мы во многом воспитаны на рассказах об этом коллективе, который продолжил лучшие традиции МХАТа. Конечно, мы уже были лишены возможности воочию видеть знаменитые спектакли «Вечно живые», «Два цвета», «Четвертый», «Назначение», «Голый король», прекрасную революционную трилогию «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики». Но как страстно мы вбирали в сердце рассказы и воспоминания очевидцев, читали в библиотеках рецензии и статьи, всматривались в немногие, сохраненные кинопленкой, сцены из спектаклей. Таким он и утвердился в сознании — «Современник», властитель дум. Мы взрослели, взрослел и «Современник». Но три года назад основатель его Олег Ефремов в интервью журналу «Театр» сказал: «Сейчас он («Современник».— М. Д.) непонятно с какой программой существует, куда развивается». А правда, куда же развивается «Современник»? И что же он сегодня для нас? Вот с этого мы и начали разговор с Валентином Иосифовичем Гафтом.

Я предлагаю построить наш диалог, взяв за основу схему суда, воспроизведенную в замечательном спектакле театра имени Ленинского комсомола «Диктатура совести». Я буду, если не возражаете, говорить от лица «Обвинения», а вам, работающему в этом театре около двадцати лет и хранящему все эти годы ему верность, предлагаю выступить от лица «Защиты».

В. Г. Попытаюсь.

М. Д. Итак, в пятидесятые годы возникла группа молодежи, объявившая, что будет строить «истинный МХАТ», провозгласившая: правду, правду и ничего, кроме правды. В апреле 1956 года на суд зрителей были представлены «Вечно живые».

Конечно же, я не знаю точно, какими они были на самом деле. А легенда гласит: эту студию молодых (которой впоследствии и суждено было стать «Современником») отличала вера в свои возможности, они захлебывались от переполняющей их радости жить, отсюда их повышенная социальная активность и совестливость, умение (как это важно для художника!) не только слепо идти за решениями, направляющими развитие общества, но и предугадать их, выстрадав как собственные.

Впрочем, может быть, и в этом театр «движется вперед, вместе с жизнью»? То есть сама жизнь дала иных героев? И иных авторов? Но тогда, казалось бы, кому, как не «Современнику», привести на свою сцену драматургию «новой волны»? Здесь — если следовать традиции театра открывать новое, предвосхищать его — эта новая волна и должна была состояться. Правда, Галин, Петрушевская, Злотников все-таки были поставлены, но позже, после других.

Хотелось бы также понять, зачем у вас так часто идут спектакли «вторым экраном». Вот две пьесы Гельмана — «Обратная связь» и «Наедине со всеми», поставленные после МХАТа. Что нового открыл в них «Современник»? Принципиально ничего. Нет, были, конечно, и «собственные приобретения». Например, «НЛО» Малягина. Перед просмотром, помню, главный режиссер «Современника» Г. Б. Волчек рассказала о трудностях, которые претерпел молодой автор, и предрекала ему блестящее будущее. К сожалению, спектакль (и пьеса) оказались ученическим подражанием «Утиной охоте» Вампилова. А блестящее будущее драматурга до сих пор, по прошествии стольких лет, к сожалению, пока не наступило. Может быть, попросту театр бросил автора, в которого так верил в самом начале его пути?..

Кстати сказать, из всех пьес «новой волны» вашим театром, по-моему, выбирались не самые удачные. К примеру, почему вы оказали предпочтение «Команде» Злотникова и пьесе Гуркина «Любовь и голуби», вещам, которые трудно назвать лучшими?

В. Г. Да, вы правы. Хотел театр того или нет, но со стороны подбор пьес выглядит очень случайным. Да, ушла позиция. Но ушла не потому, что театр сознательно ее вытравил. Просто так сложилась жизнь. Не забывайте, были объективные трудности — трудности и вне театра. Я понимаю, что «Современник» должен был бороться, отстаивать, жертвовать чем-то, как это было раньше. Может быть, даже проигрывать, но за счет этих проигрышей — побеждать. А театр здесь как бы застыл. Искал и не мог найти. Брал пьесу, рассчитывая на одно, а получалось другое. Не происходило того самого взрыва, который так все ждали... И в результате все сводилось к одному и тому же знаменателю. Наверное, здесь «Современнику» можно предъявить много серьезных упреков.

Да, театр потерял прежнее умение открывать новых авторов. И сколько Волчек не билась с Малягиным — ничего из этого не вышло. Он в театр больше ничего не принес. И это очень грустно. «Любовь и голуби», кстати, пьеса, я считаю, совсем неплохая, но, конечно, не открытие... Да, не открываем. И не потому, что сейчас нет Розовых или Володиных,— наверное, они есть, но не у нас. И театр должен об этом серьезно подумать. Кстати, Володин сам пришел когда-то в «Современник». Надо, чтобы приходили сами. Потому что, может быть, и наша литчасть, которая должна этим заниматься, оказалась, видимо, не самым сильным звеном.

Но сейчас, я считаю, происходят сдвиги. Несет нам свои пьесы Галин — я думаю, один из лучших сегодня драматургов и, что особенно важно, близкий к театру. Айтматов дал нам право первой постановки «Плахи». Я много жду от этих спектаклей и считаю их поворотом к движению в прежнем направлении.

М. Д. И все-таки. В спектаклях «Восточная трибуна», «Квартира Коломбины», «Близнец» зрителю предложены герои — люди бездейственные, намеренно закрывшиеся от перипетий реальной жизни, те, кого принято называть «человек на обочине». Это интересно, но, к сожалению, о таких людях наша драматургия говорила много. И вот беда: пока театр ставил эти пьесы, «аутсайдеры» следующего поколения стали иными. И тут мне видится главный парадокс: «Современник» ничего не говорит о современнике.

В. Г. С героем театры вообще запаздывают, и не только наш. В защиту своего могу сказать, что в этот период он хотя бы не выдвигал таких героев, за которых нам было бы стыдно. Будем откровенны, сколько на наших сценах было героев-схем, казенно-убежденных и не имеющих никакого отношения к реальности, за которых хвалили и министерство, и критика. Наш театр стыдился такой неправды, пытался ей противостоять. Конечно, это не было победой, но театр сохранил в этот период свое достоинство.

М. Д. Впрочем, остается классика, спасительная классика: в ней часто ищут и находят то, чего не хватает современной драматургии. Хотя, мне думается, мы напрасно сетуем на драматургию последних лет: и имена новые появились, и пьесы.

«Кабала святош» Булгакова. Как много мы ждали от этой постановки! Но трудно было ассоциировать маленького незаметного человечка в рыжем парике с булгаковским Мольером!

Или «Ревизор» Гоголя. Уже много писали о том, как вы, Валентин Иосифович, замечательно играете Городничего. Ваш Городничий не только искушеннейший плут, он наделен поистине государственным умом, дальновиден, прозорлив. Но вот Хлестаков — В. Мищенко... Конечно, Иван Александрович у Гоголя фитюлька, без царя в голове, но здесь он так жалок, так глуп, что с первых же секунд их встречи с Городничим возникает естественный вопрос: неужели **такой** Городничий мог хоть на мгновение поверить **такому** Хлестакову?

И мне интересно, случайно или намеренно возник в вашем театре такой стиль — пьеса о Мольере без Мольера, «Ревизор» — без Хлестакова? Можно добавить сюда «Трех сестер»... без сестер. И это объединяет классические спектакли «Современника»?

В. Г. А ведь эти спектакли могли бы стать властителями дум. Какая замечательная пьеса «Мольер»! Ее прекрасно в свое время поставил Анатолий Васильевич Эфрос, и, да простит меня Игорь Кваша, спектакль Эфроса был лучше. Нет, и этот не плохой, но не для «Современника». И нечего нам здесь себя обманывать.

А «Дни Турбиных» — они стали вла-

Не помню кто, но кто-то сказал, что важнейшей задачей «Современника» тех лет была «атака общественной совести».

Перечитывая статьи и рецензии того времени (как восторженные, так и резко критичные), я поняла это совершенно отчетливо, что сутью каждой постановки была активная гражданская позиция. «Двигаться вперед, вместе с жизнью»,— записали создатели театра в студийном уставе.

И совершенно закономерно, что они, чутко слушающие жизнь, своего зрителя, сумели выдвинуть своего героя. Скромность, ненависть к показухе, неумение пробиваться локтями — такие симпатичные качества героя как бы определяли характер, стиль, манеру, способ жить самого театра.

А вот сегодня... Как сложно определить принцип, позицию, по которым строится ваш репертуар!

В афише из прежних лишь Рощин. Давно не появлялись новые пьесы Розова, Володина — тех, кто создавал славу «Современника».

ВОСПОМИНАНИЙ?

стителями дум? Тоже нет. И зритель начинает отходить от нас, потому что в «Современнике» он вправе видеть большее.

В театре надо отдавать себя всего, зная, что за тобой «Современник» и отступать некуда. И нельзя, чтобы было попеременно: один спектакль хороший, а два плохих. Хуже пьеса или лучше, но надо находить в ней вещи, которые сегодня важно услышать, надо каждый раз их исчерпывающе выражать.

А мы прощаем друг другу поверхностное отношение к той или иной роли, относимся к себе снисходительно и ищем причины этому снисхождению. Прощаем неудачные спектакли. На сцене мы усталые, равнодушные. Надо тратиться больше — и тогда будет интересно. А что еще есть в жизни? Ведь не на века мы...

М. Д. И еще беды нынешнего «Современника»: премьерство, отсутствие ансамбля. Это то, с чем боролся театр из легенды, против чего начинал он свое существование. Тогда, горя духом студийности, его основатели провозгласили всеобщее творческое равенство. В массовках выходили и Табаков, и Кваша, и Толмачева. Можем ли мы представить сегодня их или кого-нибудь из ведущих артистов театра в массовке? Я понимаю, вы можете возразить, что прошло время и многое изменилось, что прежние молодые выросли в мастеров, но...

В. Г. Не осознавая, выручая себя, театр метался. И действительно какое-то премьерство возникло: спектакль для меня, спектакль для Кваши, спектакль для кого-то... Это не значит, что один играет хорошо, а другие — плохо. Можно ориентироваться на какую-то пьесу, зная, что в театре есть артист Н. Был бы в Московском Художественном театре «Царь Федор Иоаннович», если бы не Москвин? Был бы «Гамлет» у Питера Брука, если бы не Пол Скофилд? Даже можно пригласить кого-то на роль, если театру это необходимо. Но все равно, вначале должна быть пьеса, без которой на сегодняшний день театру нельзя, а не желание артиста, которому это хорошо, удобно, который соскучился по той или иной роли. Так тоже бывает, но не в «Современнике». Сколько во МХАТе было артистов, которые долгие годы сидели и ждали работы? А ее не давали — потому что у театра была программа. И в результате они вошли в историю как исполнители одной-двух ролей.

Да, это трагично. Но театр — это не забава, в нем приходится многим жертвовать. А мы сейчас говорим: «Ах, этот не играет, ах, тот»,— а ему, может быть, и на сцену выходить не следует...

Хотя — кто знает? Был бы другой режиссер в театре — и именно эти бы артисты и играли. Мы все зависим от режиссера. И никогда все в театре играть не будут. Это невозможно. Но заниматься надо всеми! Вот, например, сейчас Виктюк поставил «Стену». И — удивительные метаморфозы! Артисты, которые просиживали в буфете, у Виктюка заиграли так, что позавидовать можно, да еще и поучиться.

А что касается сравнения того времени и нынешнего — это неправомерный разговор. Тогда еще мало было спектаклей, все было впереди. Не было «ты лучше, я хуже», не сводились счеты. Была одна компания, товарищество. Отношение друг к другу, раскрепощение, радость, легкость — все это чувствовалось на сцене. Все были прекрасны и заметны. У всех было общее дело, и был режиссер, которого обожали. И все были счастливы участвовать в спектаклях. Да любой хороший театр, когда он только начинается, будет таким.

Потом изменились люди, стали совершенно другими. Как вы не понимаете — и сознание, и глаз тускнеет, и заботы появляются — человек есть человек. И не выдерживает напряжение главный режиссер — у него тоже свои слабости. Он начинает к кому-то относиться лучше или хуже. А вначале такого не было. И не было таких обид. Все были молоды, и впереди была вся жизнь.

Театр нуждается в очень сильном руководстве. Волчек имеет для этого все данные. Я не представляю другого режиссера во главе театра «Современник». У нее бывают промахи, недостатки, но она истинный режиссер.

А что касается выходов в массовке... Я бы вышел в массовке, если бы это было необходимо для хорошего спектакля.

М. Д. Но все же боюсь, что принципы демократичности, которыми так гордился и дорожил «Современник», утрачиваются. А может быть, уже утрачены? Зато демократия наблюдается в области режиссуры. Стремление актеров в режиссуру сегодня стало привычным, повсеместным. В этом смысле «Современник» можно назвать театром, где сбываются актерские мечты.

Толмачева ставит «Фантазии Фарятьева», потом берется за «Генриха IV». Пробует себя в режиссуре Соколова — и появляется «Дороже жемчуга и злата». Кваша выпускает «Кабалу святош» и «Дни Турбиных». Неужели в «Современнике» каждый может стать режиссером? А ведь говорят, что режиссура — это и профессия, и дар.

За последнее десятилетие в «Современнике» ставили: Фокин, Хейфец, Виктюк, Унгуряну, Тарасьянц, Али-Хусейн, Райхельгауз. А если добавить к этому списку занимающихся режиссурой артистов театра — какая пестрая получается картина, какая мало поддающаяся осмыслению мозаика. Разные театральные школы, разная эстетика. «Современник» словно мечется по заколдованному кругу разнообразной, разностильной режиссуры. Пытается обрести утраченную позицию, пробуя то одно, то другое. Это ли путь?

В. Г. Да, внешне выглядит, что в «Современнике» действительно может ставить каждый. Но поставили ли у нас хоть один спектакль, от которого можно отталкиваться, который стал примером? Пока нет. И ведь не все разом ставили, а постепенно, и театр должен был выводы делать.

Волчек говорит, что надо искать молодых. Да, конечно, я с ней согласен, приглашать надо. А то вот у нас работает Али-Хусейн. Я к нему хорошо отношусь, он работает в театре уже около девяти лет, но, к сожалению, не поставил спектакля, который мы от него ждали, на который рассчитывали... Поставил только один запомнившийся «Наедине со всеми». Однако он продолжает работать в театре и ставить. И опять мы надеемся, что новый спектакль будет хороший...

А Райхельгауз? Ничего плохого не могу сказать о человеке, но он, кроме «Из записок Лопатина», ничего не поставил. Мало работает. Все кого-то готовит, что-то инсценирует, а время идет.

Вот пришел ставить Виктюк. Хорошо, что пришел, это талантливый режиссер. Хотя он один тоже не спасение. Наверное, надо, чтобы и Волчек — я предъявляю к ней требование — сама интенсивнее ставила. Мне с ней интересно, я ее люблю и уважаю. Но она хочет со всеми — по-человечески, быть доброй, и в результате что-то ускользает из дела...

В защиту театра я могу сказать: несправедливо, что в нем подчас отвыкают замечать и то хорошее, что есть. А сколько было находок в «Вишневом саде»— это недооцененный спектакль. А «Восточная трибуна»— тоже интересная работа. А «Провинциальные анекдоты» Фокина? А «Ревизор», который вызвал споры? И «Обратная связь», поставленная Волчек, была лучше, чем в других театрах. А «Вирджиния Вульф»— толпы стоят! Мы играем, поверьте, не самым худшим образом сегодня. Но почему-то об этом не говорят!

Да, конечно, от «Современника» ждут большего, но очень плохо, что театр не поддерживают в лучших его проявлениях. Это несправедливо. Нет, пусть критика будет, но не голословная, не оскорбительная.

М. Д. Состоятельность коллектива, его будущее определяет молодежь, ее удачи. Постановку «Дней Турбиных» считают спектаклем молодых. Здесь можно выделить отдельные актерские работы: А. Табакова в роли Лариосика, А. Кахуна — Мышлаевского. Но если судить по этому спектаклю, то надо признать, что молодое актерское поколение в «Современнике» пока не заявило о себе в полный голос... Ведущими остаются все те же Кваша, Толмачева, Покровская, Гафт, Фролов. За пятнадцать лет в вашем театре не появилось ни одной яркой актерской индивидуальности за исключением М. Нееловой (которая, впрочем, пришла уже состоявшейся актрисой). А ведь именно в «Современнике» стали великолепными мастерами Волчек, Евстигнеев, Табаков...

В. Г. Да, мы не занимаемся молодыми по-настоящему, только используем какие-то их данные, и постепенно артисты гаснут, работа становится обычной, рядовой, нетворческой... Но я верю, что наш театр на пороге перемен. Галина Борисовна Волчек — человек современный, она чувствует время. А время сейчас замечательное, и я счастлив, что в расцвете сил дожил до него. Думаю, что театр вскоре заявит о себе, что театр возродится. И станет властителем дум. Для этого надо очень много работать, многое изменить и в себе, и в театре.

М. Д. Ну что же, я считаю, будет справедливым оставить последнее слово за «Защитой».

ПРОШУ СЛОВА!

ИСТИНА НА ТРОТУАРЕ

Как это в духе времени — быть здоровым. Встать утром радостно, пробежаться по двору, размяться. И на работе все хорошо, потому что голова свежая.

Как это красиво, наконец,— быть здоровым! Да что говорить — ведь Истина же. К чему доказательства? Ведь вот она и так вся как на ладони. Или нам это только кажется?

...Секция закаливания «Олимпиец», что проводит свои занятия в московском парке ЦДСА, представляется его администрации, видимо, чем-то вроде группы захвата. Ведь каждый день в шесть часов утра эти настырные любители холодных процедур используют парк, можно сказать, для своих личных целей, преследуя корыстный интерес — накопление здоровья. И эти же любители (их около 60 человек) вот уже который месяц непрерывно атакуют администрацию просьбами создать в парке «Клуб здоровья», куда вошли бы уже существующие секции бега, тенниса, закаливания и другие. Исполком Дзержинского райсовета народных депутатов решением № 3108 от 2 июля 1986 года поддержал притязания энтузиастов, справедливо полагая, что здоровье занимающихся выгодно не только им, но и государству. Однако нескончаемый сериал «просьбы — отказы» на этом не закончился.

Чего же хотят «эти»? Установить в парке простейшие спортивные сооружения: перекладину, брусья (конечно же, своими силами). Получить разрешение пользоваться стоящей рядом с водоемом неотапливаемой верандой (разумеется, за плату). Проводить здесь врачебный контроль, переодеваться, установить тренажеры для разминки и тренировки (конечно же, купить их за свой счет).

«Те» не хотят ничего. Ведь «сад — территория военной организации», а члены группы (между прочим, офицеры и рядовые запаса, а ныне рабочие, преподаватели, инженеры, научные сотрудники) — люди штатские и для армии уже не представляют интереса, а «сад — лишь только для прогулок».

В свое время был у группы спортивный инвентарь — перекладина, брусья, штанга, гири, гантели. Пользовалась она и той самой верандой, что считалась читальным залом (она которого на восемь месяцев заколачивались железом). И трудно сказать, чем провинилась группа, состоящая из жителей близлежащих домов, но вдруг начались гонения. Спортивные снаряды были сломаны, а то, что сломать можно только в заводских условиях, было попросту брошено в водоем.

Гантели и гири утонули сразу. Штанга же оказалась «упрямой» — торчащий над водой одинокий блин еще долго привлекал внимание любопытных уток...

Скрючившись, разместились на тротуаре. Оно, конечно, группа закаливания: даром, что ли, так себя называют?

— Хотя северный ветер в 25-градусный мороз вряд ли кому полезен, к тому же в секции есть женщины, и переодеваться «на лавочке» им просто неловко,— это точка зрения председателя «Олимпийца» врача А. С. Трусова.

Те, кто стоит сегодня у истоков будущего «Клуба здоровья» в парке ЦДСА, оптимизма не теряют. В конце концов чем не выход из положения — найти ветку покрепче и подтягиваться, так сказать, тесно слившись с природой? Можно отказаться и от веранды, ведь многие «дикие» выкладывают себе раздевалки из снега и брикетов льда. Ну, чем не выход?

Тем временем утки в доме на искусственном острове в парке благоденствуют. Мерзнут люди.

Ирина СТЕПАНЦЕВА

Москва.

Вопрос о свободе совести при социализме важен и как проявление предельно четкого отношения Советского государства к религии, и как проявление силы нашей. Никогда у нас не велась борьба с людьми, которые исповедуют ту или иную религию, не противопоставляя себя народному Советскому государству и его законам. Вот что сказали нам в Совете по делам религий при Совете Министров СССР, прочтя эту статью: «Социалистическое государство никогда не вело борьбу с верующими и с религиозными организациями как таковыми. Однако на практике не исключены противоречия и конфликтные ситуации. И здесь особенно важно, чтобы всякий раз эти конфликты разрешались с учетом советских законов, перед которыми все граждане нашего государства равны».

ЕСЛИ РАССУДИТЬ ПО-ЛЮДСКИ...

Мою фамилию прошу в статье не называть,— сказал в начале нашего разговора ответственный работник Краснодарского крайисполкома и еще дважды напоминал о своей просьбе. И я подумал, что человеку, наверное, не хочется, чтобы потом, когда затихнет конфликт, его фамилию вспоминали в контексте тех решений, которые были приняты исполкомом. А решения эти, надо сказать, довольно жесткие, и они вызвали откровенное недовольство групп советских граждан. Пошли коллективные письма в самые разные инстанции с просьбами «защитить от самоуправства местных властей».

Пришло такое письмо и к нам в редакцию. Его подписали 300 человек. Вот как оно начинается:

«Мы, прихожане Рождество-Богородицкой православной церкви, обращаемся к вам с просьбой о защите наших законных прав, гарантированных Конституцией СССР, законодательством о культах. У нас хотят конфисковать строящееся молитвенное здание на месте старой церкви, находящейся в аварийном состоянии, на том основании, что мы начали ее возводить без письменного разрешения властей (но ведь устные распоряжения и председателя райисполкома, и его зама были даны при свидетелях!).

Старое здание церкви не ремонтировалось с 1950 года, пришло в полную негодность, к тому же молитвенный зал очень маленький, потолки низкие, во время богослужения были смертные случаи от нехватки кислорода...»

Далее эта почти детективная история излагается в письме (как я понимаю теперь, после командировки в Краснодарский край, после многочисленных встреч с представителями обеих конфликтующих сторон) довольно субъективно. В письме ни слова не сказано о грехах его авторов, а грехи есть, и немалые. Впрочем, сразу надо сказать, что велика и доля вины противной стороны — работников райисполкома, и многие из них уже понесли наказание. «За бесконтрольность над строительством церкви и непринятие мер по его упорядочению» зампредседателя и секретарь исполкома Красноармейского района получили строгие выговоры, главный архитектор района уволен.

Кстати сказать, в станице Тбилисская Краснодарского края, где сложилась похожая ситуация, председателя райисполкома сняли с должности. Не обошлось без серьезных взысканий с исполкомовских работников и в Темрюке, и в Крымске, там тоже недостроенные церкви были конфискованы. Как видим, случай в станице Красноармейской довольно типичен и злободневен, поэтому и необходимо рассказать о нем.

Итак, в 1947 году прихожане на собранные от пожертвований деньги купили частный дом и оборудовали его под церковь. В него вмещалось до ста человек, а по праздникам сюда приходило втрое больше. И тесно, и душно было, особенно летом. Случалось, в обмороки от духоты падали старые люди, а в 1984 году во время богослужения упал и умер прямо в церкви пенсионер И. С. Петрук. Беда эта и послужила поводом к тому, что верующие стали ходатайствовать о перестройке дома, пришедшего, надо заметить, в убогое состояние: стены потрескались и разошлись кое-где, потолки провисли, пристройки осели и придавали церкви вид сарая.

После долгих хлопот прихожан Красноармейский райисполком создал комиссию по изучению состояния молитвенного дома. Вот строки из акта от 21 ноября 1984 года: «В связи с длительной эксплуатацией здания (оно построено в 1910 г.) и его перепланировки произошло ослабление несущей способности стен, фундаментов и перекрытий... Здание ремонту не подлежит. Для нормального проведения служб необходимо произвести его полную реконструкцию».

Подчеркнем здесь одно слово — реконструкция. Именно о ней шла речь, когда церковный совет ходил по кабинетам райисполкома. Именно на реконструкцию давал устное разрешение зампредседателя В. А. Кучер. Но то, что начали прихожане весной 1985 года, реконструкцией можно назвать лишь при очень большом желании. По сути, это было строительство нового дома, одна стена которого, правда, совпадала с прежней стеной. А на такое строительство надо разрешение Совета по делам религий при Совете Министров СССР, которого у прихожан не было.

Потом я спрошу старосту Е. И. Борзову, других членов церковного совета, почему они сразу не хлопотали о строительстве церкви, а начали ее втихую, под видом реконструкции. Нужна ли была такая хитрость? На что мне с уверенностью ответили: «Все равно нам никто строительства не разрешил бы». Но разве наши законы запрещают строить церкви?

Чтобы не повторять ошибок, с избытком допущенных в этой истории, давайте полистаем свод законов. Из правительственных постановлений 1929, 1946 годов и соответствующих дополнений и изменений к ним, сделанных в 1967 и 1975 годах, заключаем: «Строительство религиозными организациями новых молитвенных зданий допускается В ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ силами и средствами верующих при соблюдении установленных... правил».

Словосочетание «в отдельных случаях» выделено здесь мною. Именно оно и озадачило прихожан своей неопределенностью. И они решили закон обхитрить. Надеялись на удачу — авось пронесет, когда власти увидят, что строится, по сути, новая церковь. Не пронесло...

1 августа 1986 года строительство было остановлено, ровно через полтора года после его начала. Весьма существенный факт — полтора года на виду всей станицы, на главной ее улице, в трехстах метрах от здания райкома партии и райисполкома, росли стены нового дома, красивого, надо сказать, возводимого с любовью, с душой, с заботой о каждом камешке, о каждой досочке. Секретарь райкома партии А. Д. Кудинов говорил своим сослуживцам:

— Вот бы нам научиться строить так быстро и хорошо, как строят старики и старухи.

Нередко кирпич и другие материалы привозили на стройку поздно ночью или очень рано утром (возили издалека и поэтому не всегда приезжали в удобный час), тем не менее пожилые люди выходили разгружать машины в любое время суток. Работали дружно, споро. Бывало, у кого-то прихватит сердце, посидит человек в сторонке и опять за дело. Ни тебе выходных, ни бюллетеней. И вот строительство прекращено, исполком вынес решение о конфискации недостроенного дома как незаконно возведенного и о выделении верующим другого здания (здания, надо признать, худого, старого, требующего полной реконструкции и к тому же меньшей площади).

— Никуда мы отсюда не уйдем! — более чем решительно говорили прихожане в один голос, окружив меня плотным кольцом на церковном дворе.— Воевать будем за свою церкву. На стройку собирали по крохам с наших малых пенсий, отрывая от себя последнее, чтобы сделать свою церковь красивой. Разве мало у каждого из нас личных трагедий, зачем устраивать еще одну, общую для всех нас?

Два дня, субботу и воскресенье, я слушал рассказы этих людей с морщинистыми лицами, с седыми, сильно поредевшими волосами, и передо мной словно проходила история. Люди эти не какие-то фанатики. Многие из них старше Советской власти, помогали ее строить, защищали ее на фронте, теряли в войну сыновей, мужей, отцов...

Не от хорошей жизни пришли они к верованию — беды, потери, несчастья привели.

Антонина Арсентьевна Отрошко, по ее словам, поверила в бога в 1945 году, в тот день, когда ее трактор наскочил на груду невзорвавшихся немецких снарядов. Увидав, как колесо вдавливает снаряды в рыхлую землю, она только и успела сказать: «Господи, храни нас!» Уж не знаю, по чьей «воле» трактористка, а с ней еще семь женщин, сидевших в тележке, остались живы, но с тех пор поверила она во всевышнего. Антонина Арсентьевна рассказывала, как тяжко ей жилось в ту лихую пору, как ела жмых, как руки примерзали к трактору, как своим телом гасила вспыхнувшую пшеницу...

В общине много ветеранов и инвалидов войны. Дмитрий Дмитриевич Лысоченко воевал на Южном фронте, несколько раз был ранен, перенес туберкулез легких, с военных лет из болезней не вылезает.

— В войну бог мне помог выжить и теперь помогает,— говорит ветеран.— Никто не могёт у нас его отобрать, и церковь нашу тоже не имеют права отбирать. Молодежь в клуб ходит, а нам куда идтить? Где душу выплакать? Церковь — последняя наша отрада.

Григорий Дмитриевич Бердник, инвалид второй группы, войну закончил в Венгрии. Елизавета Андреевна Степанова — бывшая медсестра полевого госпиталя. Никита Григорьевич Ладанов, ровесник века, в прошлом пехотинец, со своим станковым пулеметом дошел до Берлина. Арсения Дмитриевича Романенко война забросила во Францию, где он работал на шахте и был освобожден американцами. Петр Пантелеевич Бойко, участник Курской битвы, был ранен в ноги, в руку, в ключицу, после контузии на семь месяцев потерял дар речи...

Рассказываю об этих людях, чтоб читатели поняли: за абстрактным понятием «верующие» стоят живые люди, похожие на наших матерей, отцов и дедов, настрадавшиеся не в меру за свою долгую жизнь. Признаюсь, эта встреча на церковном дворе — самое тягостное впечатление от поездки на Кубань. Невыносимо трудно было сдержаться и в конце бесконечного, казалось, этого плача не встать перед стариками и старухами на колени и не попросить у них прощения.

Ведь если рассудить по-человечески, то чем же провинились они перед законом? Да, на перестройку церкви не было дано официального раз-

**Сергей ВЛАСОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»**

решения. Но ведь проект был выполнен работниками отдела строительства райисполкома, гербовая печать на нем стояла, стоял штамп, подтверждающий, что проект согласован с главным архитектором района. С ведома исполкома к церкви подвели газ.

А потом вдруг, когда выяснилось, что на месте покосившейся хибары выросло уж слишком красивое здание (а кто сказал, что церковь должна быть некрасивой?), тогда и зачастили в станицу комиссии, тогда только и вспомнили о законе.

— Знаете, если по-человечески, то надо церковь достроить. Узаконить проект и достроить. Но это мое частное мнение, а я при исполнении нахожусь, так что прошу мои слова не записывать: боюсь, начальство меня не поймет,— не однажды я слыхал такое в стенах дома, где находятся районные органы власти.

Когда приехавшая из Москвы комиссия Совета по делам религий при Совете Министров СССР решила узнать общественное мнение жителей станицы, она предложила собрать членов местной комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах (такие комиссии есть при каждом райисполкоме) и поставить вопрос на голосование. За то, чтобы узаконить начатое строительство и оставить церковь прихожанам, проголосовало шесть человек. За конфискацию и выделение другого здания — двое.

Стенограмму заседания в тот день не вели, но председатель районной комиссии Элла Егоровна Золочевская пересказала мне некоторые выступления. Вот какие слова, в том числе, прозвучали тогда в здании райисполкома: «В том, что церковь строили не на законных основаниях, виноваты не одни старушки. Все мы в этом виноваты. Для нас это хороший повод подумать, как работать дальше. Как сделать, чтобы молодежь не шла в церковь? Как увлечь ее нашими мероприятиями? Как сделать их интересными? Вот о чем мы должны думать. Лучше работать — это и есть борьба с религией».

Мудрые слова. Между тем некоторые руководящие работники райисполкома такой борьбе предпочитают другую — здесь в один голос поносят «коварных церковников», забывая почему-то, что закон-то этими «коварными церковниками» был нарушен не только при попустительстве, но и при содействии органа Советской власти.

В кабинете уполномоченного Совета по делам религий при Совмине СССР по Краснодарскому краю М. Т. Гаевца я столкнулся с тремя ходоками из станицы Тбилисской. Пожилые прихожанки полдня вымаливали разрешение завершить строительство церкви, остановленное решением райисполкома почти год назад. Не может Михаил Трофимович этого разрешить, нет у него таких полномочий. Выслушать слезные просьбы может, посочувствовать может, а решать — это прерогатива тех, кто слез и просьб подобных не слышит: в те кабинеты верующих (о чем они говорили мне не однажды) предпочитают не пускать.

— Поедем в Москву, там разберутся,— без конца повторяли ходоки, сидя в кабинете уполномоченного.

— Не надо вам никуда ехать!— отговаривал их Михаил Трофимович.— Оформляйте проектную документацию как положено...

— Все равно нам не разрешат достроить. Как председателя нашего райисполкома сняли из-за церкви, так теперь все боятся в нашу пользу и слово замолвить. Наоборот, то карниз велят сбить, то окна закругленные убрать и выложить квадратные. А почему? Нету такого закона, чтоб запрещал строить красиво. В Москву поедем, там помогут...

И едут гонцы в Москву. А из Москвы едут комиссии на места. Была вот только что из Совета по делам религий комиссия и в Красноармейской, неделю разбиралась, высказала свое компетентное мнение — строительство можно узаконить и завершить, но должностные лица продолжали упорствовать, больше заботясь о чести своего мундира, чем об удовлетворении вполне обоснованных требований верующих. Местные власти решили: церковь конфисковать и перестроить ее под детский сад. Так здесь понимают борьбу с религией.

А клуб в станице, между тем, пустует, и в единственном кинотеатре по нескольку дней крутят один и тот же фильм.

Готовясь к своей командировке, перечитал многие работы классиков научного коммунизма по вопросам религии. Эти работы есть и в тех кабинетах, куда мне пришлось заходить. Не единожды меня подмывало, но я так и не решился спросить, давно ли здесь открывали эти вечные книги. А давайте их полистаем вместе! Остановимся хотя бы на этой мысли К. Маркса: «Насильственные меры против религии бессмысленны».

Сказано как будто сегодня.

И еще приведу выдержку из недавней статьи в «Правде» с подзаголовком «Атеизм утверждается делами»: «...разговор о том, что быть атеистом — значит быть добрым, отзывчивым человеком, останется пустым звуком, если руководители хозяйств не заботятся о людях».

В отсутствии конкретной реальной помощи людям (да, верующим, но ведь таким же как мы — советским людям!), в отсутствии такой заботы видятся мне причины той нездоровой ситуации, которая сложилась в Краснодарском крае. Чем, если не равнодушием к нуждам людей, объяснить тот факт, что перестройка молитвенного дома была пущена на самотек, велась, по сути, стихийно, с логично вытекающими отсюда нарушениями?.. Назрела, давно назрела пора сказать о неразберихе в вопросах реконструкции, расширения и строительства молитвенных зданий вообще!

К сожалению, до сих пор нет нормативных актов, регулирующих данные вопросы. Каких размеров может быть церковь? Сколько человек здесь должно приходиться на метр площади? Какие допустимы пристройки? Каков должен быть архитектурный образ здания, можно ли возводить купол, сколько должно быть крестов? (Многие руководящие товарищи на местах убеждены, что ни крестов, ни куполов быть не должно, дабы они не привлекали молодежь.) Наконец, кто должен составлять проекты и всю необходимую документацию?

Ни по одному из этих вопросов нет ясности. Юристы, архитекторы, советские, партийные работники, которым приходится по долгу службы с подобными проблемами сталкиваться, в растерянности разводят руками.

— За двадцать лет работы не встречал ни единого норматива по церквям, а они так необходимы во избежание многих недоразумений,— говорил мне юрист Красноармейского райисполкома М. А. Евсюков. Действительно, как же исполком может содействовать контролю за соблюдением законов, правил и указаний, если этих законов, правил и указаний у исполкомов попросту нет?

Из-за отсутствия нормативных актов на реконструкцию и строительство молитвенных зданий очень часто проектные организации не берутся выполнять проектную документацию, поэтому верующие составлять ее вынуждены частным образом, причем в удобном для них варианте, и, как правило, вместо реконструкции такие проекты предусматривают фактически возведение нового здания (как и случилось в Красноармейской).

Выходит дело, мы сами создаем не нужные никому проблемы. Впрочем, почему же — н и к о м у не нужные? Искусственно порожденный ажиотаж вокруг подобных событий с успехом могут использовать буржуазные идеологи, в последнее время заметно усилившие нападки на нашу политику в отношении религиозных обществ.

Есть и еще одно важное соображение. Нарушениями законодательства о культах очень хитро пользуются различные религиозные экстремисты, переманивая к себе верующих. Известны случаи засылки из стран Запада антисоветской литературы в расчете как раз на деятельность нелегальных сект.

Нет, не мелкий конфликт между тремястами прихожанами и райисполкомом мне видится в Красноармейской и в других станицах края. Эти «бои местного значения» таят в себе большую опасность, тем более что до сих пор о подобных ситуациях мы предпочитали молчать. Надо ли повторять свои ошибки? На эти мысли меня навели встречи со многими людьми, представляющими Советскую власть на Кубани, а затем и долгая беседа с архиепископом Краснодарским и Кубанским Владимиром.

— Недавно я был в станице Отрадной,— рассказал мне архиепископ,— полы в церкви там настолько прогнили, что женский каблук просто проваливается. Здание в аварийном состоянии, молиться опасно для жизни. То же самое и в Темрюке, потолок там подпирают деревянные подпорки. Кому все это надо? Развалить здание церкви — вовсе не значит уничтожить религию. Наоборот, это значит разжечь вражду между верующими и неверующими, это значит породить антисоветские настроения. Близорукая, неумная политика. Великий Ленин говорил, что единство борьбы «за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе». Единство верующих и неверующих — основополагающий принцип нашего общества. В мире достаточно проблем, на которые нам надо направить совместные усилия, а не тратить силы на междоусобные распри. За четверть века своей службы в патриархии я объездил весь свет, побывал в сорока странах мира, участвовал во многих международных конференциях. Недавно я вернулся из Хиросимы, цель поездки — развитие взаимопонимания между странами, столько пережившими во время войны. Сейчас готовлюсь к традиционной, пятой по счету, мирной встрече христиан СССР и Японии, которая пройдет в Минске.

Хочу привести одну цифру — в прошлом году верующие только Краснодарской епархии добровольно передали в Фонд мира шестьсот тысяч рублей. А если вернуться к конфликту в станице Красноармейская, то его можно решить довольно просто: наказали четырех конкретных людей в райисполкоме, так можно же найти способ наказать и **реальных** виновников в общине. Зачем наказывать, причем так сурово, всех прихожан?

Любое дело можно решить миром, если рассудить по-людски. Но вместо этого в самые холода от старой церкви отключили газовое отопление. (Скорее всего в угоду вышестоящему начальству, которое очень возмущалось жалобами прихожан в высокие инстанции.) Температура в молитвенном зале опускалась до минус пятнадцати, старики без шапок отбивали дробь последними зубами, младенцы при крещении ревели истошнее обычного. Бои местного значения продолжались...

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот материал уже был подготовлен к печати, мы получили два сообщения из Краснодарского края. Вот первое.

«В дополнение к материалу, собранному специальным корреспондентом «Огонька» С. Власовым о строительстве молитвенного дома в станице Красноармейская Краснодарского края, сообщаем, что данный вопрос рассмотрен на бюро крайкома КПСС.

За бесконтрольность, приведшую к возникновению конфликтной ситуации с верующими, первому секретарю Красноармейского райкома КПСС т. Кудинову А. Д. объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Райком КПСС и райисполком приняли меры к наказанию работников местных органов, виновных в ведении незаконного строительства.

Принято решение узаконить строительство молитвенного дома, при этом исправить просчеты, имеющиеся в самодельном проекте, в частности исключить купола, которые, по заключению специалистов, не сможет выдержать конструкция кровли. По завершении строительства дом будет передан в пользование верующих.

Уполномоченным Совета по делам религий при Краснодарском крайисполкоме принимаются меры к руководителям церковного совета, допустившим грубые нарушения советских законов о религиозных культах.

Принятыми мерами конфликт исчерпан, обстановка в ст. Красноармейской нормализуется.

Секретарь крайкома КПСС Б. Кибирев».

Так же нам стало известно, что исполнительный орган религиозного объединения, допустивший нарушения закона, полностью переизбран.

Да, хочется верить, что конфликт в станице Красноармейской действительно исчерпан, а случай этот послужит уроком и предостережет от ошибок, которых, как мы видим, можно легко избежать. Если рассудить по-людски, по-современному, принципиально...

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

— Ни в моей родословной, ни в поре детства не было ничего особо примечательного: происхожу я из скромной семьи служащих. Мой отец — Ахат Валеевич Ахмадулин, моя мать — Надежда Макаровна Лазарева, бабушка — Надежда Митрофановна Баранова, урожденная Стопани, из семьи итальянского происхождения...

— Вы знаете, что останется от моих стихов? Останутся только... письма читателей. Своего литературного значения я никогда не преувеличивала. Я знаю, что была человеком своего времени и свой долг исполняла так, как его понимала. Мне достаточно того, что среди неисчислимых любителей поэзии есть — пусть немного, пусть столько-то — тех, кого я имею дерзость и нежность назвать моими читателями...

Корреспондент «Огонька» Феликс МЕДВЕДЕВ побывал на творческом вечере Беллы Ахмадулиной, который проходил в одном из подмосковных клубов. Его интервью в связи с предстоящим юбилеем известной советской поэтессы и стихи Ахмадулиной будут опубликованы в 15-м номере «Огонька».

●

«БЕГИ СО ВСЕХ НОГ ПОКУПАТЬ «ОГОНЕК» — ПРИЗЫВАЛ НЕКОГДА ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. ВРЕМЕНА ИЗМЕНИЛИСЬ. СЕГОДНЯ БЕЗ ВСЯКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ МОЖНО ВЫПИСАТЬ НАШ ЖУРНАЛ НА ЛЮБОЙ СРОК В КАЖДОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ. ЕСЛИ ВАМ ОТКАЖУТ В ПОДПИСКЕ — СООБЩАЙТЕ НАМ ОБ ЭТОМ. И МЫ СДЕЛАЕМ ВСЕ, ЧТОБЫ ВЫ МОГЛИ РЕГУЛЯРНО ЧИТАТЬ ВАШ «ОГОНЕК».

●

Александр ИВАНОВ

ПАРОДИИ

●

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

(Владимир Крупин)

Я хлебал лаптем щи, когда в моей жизни появилась Ирина. Она была хороша собой, а с французской косметикой и вообще неотразима.

— Чего уставилась? — как можно культурней спросил я.— Нам не по пути. Я из Вятки. Я люблю Глинку и Репина.

— А я Бенни Гудмэна и Армстронга! — улыбнулась она, и от ее улыбки я похолодел.

Я влюбился, хотя было ясно, что у нас ничего не получится. После армии от меня пахло шинелью, а от нее — «шанелью». Ведь надо же, всего одна буква разницы, а между тем это была пропасть. Она была не наша. Даже ее кобельна звали Джек.

— Это не искусство,— сказал я.— Армстронг и Бенни Гудмэн — это собачий бред!

— Это искусство! — возразила она.— Это гениально, а ты вятский лопух!

На этом наш философский спор закончился, и пошла чистая лирика. Ей со мной, и вправду, было тепло. С одной стороны — горячий радиатор в парадном, с другой — я.

Я обедал у них дома и на даче, пока не почувствовал, что полнею. Постепенно я отвадил от Ирины всех ее поклонников — и лысого, и бородатого, и очкарика, и доцента. Я остался около Ирины один. Меня засасывала неживая вода. Нельзя было менять свое первородство на ананасы и финский сервелат. И я решился.

— Ира! — сказал я.— Я не любил и не люблю тебя. Мы очень разные люди. Мы расходимся как в море корабли. Не поминай лихом. Помни, когда я стану знаменитым писателем, я завсегда налью тебе тарелку щей и сыму со стены лапоть. Прощевай, любушка!

Она закусила губу и повернулась ко мне спиной.

Я ее не окликнул.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МГНОВЕНИЕ ВЕСНЫ

(Юлиан Семенов)

Борман смотрел на Штирлица тяжело, с нескрываемой неприязнью. Наконец спросил:

— На кого вы работаете, штандартенфюрер?

— Неважно,— ответил Штирлиц.— Пока неважно. Но я хочу дать вам добрый совет на будущее, рейхслейтер.

Борман медленно выпил рюмку шнапса, занюхал рукавом мундира, закурил предложенный Штирлицем «Беломор».

— Слушаю.

— Бросьте нацистскую шайку! — сурово произнес Штирлиц.— Плюньте на этого шизофреника, готового утопить германский народ в собственной крови. Явитесь с повинной. Или к нам, или к союзникам. Ну, отсидите...

Борман поежился.

— А не вздернут?

Штирлиц вздохнул.

— Могут. Но зато вы умрете с чувством раскаяния, как человек, осознавший свои ошибки.

— Вы так всесильны...— помолчав, обронил Борман.

— Я расстроил переговоры Вольфа с Даллесом,— жестко сказал Штирлиц.— Я натравил Мюллера на Шелленберга, а самого Мюллера отдал Кальтенбруннеру. Я...

— Вы что же,— тихо спросил Борман,— второй человек в рейхе после фюрера?

Штирлиц скромно потупился.

— Почему же второй...

За окном грохотали взрывы. Берлин обстреливали.

Борман понял, что это конец. Он встал и молча вышел из кабинета. Больше его никто никогда не видел.

ТОЛЬКО БЫЛЬ, БЫЛЬ, БЫЛЬ...

«О чем с утра трубят рожки?» —
один из нас сказал.
«Сигналят сбор, сигналят сбор»,—
откликнулся капрал.
(Редьярд Киплинг)
...мы вышли в путь, мы вышли в путь
однажды в сентябре,
мы молча встали и ушли
короткою тропой
туда, где краешек земли
облизывал прибой.

(Юрий Михайлик)

Шел Томми Аткинс по земле,
он храбрый был солдат.
Он шел в пыли, он шел во мгле,
где нет пути назад.
Да, да, пути обратно нет,
вперед — за ярдом ярд!
Не зря воспел его поэт
по имени Редьярд.
Шел Аткинс, песню распевал,
ему внимала ночь.
И вдруг он песню услыхал,
похожую точь-в-точь.
Был Томми Аткинс поражен,
успев подумать: «Да!
Одно из двух: я или он
попали не туда...»
И сплюнул Аткинс на песок,
и губы облизал
и, сдвинув каску на висок,
поющему сказал:
«Сэр, нам в раю уж не бывать
за грешное житье,
но хорошо ли выдавать
чужое за свое?..»

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Народный артист СССР, выступавший в ленинградских театрах. 8. Документ, свидетельствующий личность предъявителя. 11. Специальное помещение в самолете, автомобиле. 12. Конструктор авиационных двигателей, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 13. Курорт в Калининской области. 16. Государство в Западной Африке. 17. Лиственное дерево. 18. Оптическое устройство, применяемое в фотографии. 19. Единица мощности. 20. Басня И. А. Крылова. 21. Народный поэт Башкирии, Герой Социалистического Труда. 24. Высокая степень одаренности. 26. Музыкальный интервал. 27. Защита конструкций зданий, сооружений от воздействия воды. 28. Художник.

По вертикали: 1. Река в системе Волго-Балтийского водного пути. 2. Возведение зданий, сооружений. 3. Русская народная игра. 4. Характер начертаний букв в письме. 6. Руководящий персонал учреждения, предприятия. 7. Управление оркестром, хором. 9. Судно с двумя корпусами. 10. Ода А. С. Пушкина. 13. Пионер-партизан, Герой Советского Союза. 14. Водитель автомобиля. 15. Промысловая пресноводная рыба. 22. Овощное растение. 23. Контр-адмирал, руководитель обороны Малахова кургана в Крымскую войну XIX века. 25. Герой поэмы А. Т. Твардовского. 26. Один из первых советских поэтов, автор слов «Песня коммуны».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 12

По горизонтали: 7. «Торпедо». 8. Одинцов. 9. Турбобур. 10. Охлопков. 12. «Город». 13. Капуас. 16. Каллас. 18. Ленинград. 19. Леонов. 20. Нельма. 21. Монотипия. 23. Радиус. 25. Январь. 27. «Пламя». 29. Молодцов. 30. Действие. 31. Королев. 32. Криолит.

По вертикали: 1. «Золушка». 2. Мемориал. 3. Лозунг. 4. «Восход». 5. Виноград. 6. Вологда. 11. Хронометраж. 14. Полевод. 15. «Сенокос». 16. Камелия. 17. Людмила. 21. Мурадели. 22. Яновский. 24. Антонов. 26. Рубидий. 27. Протва. 28. «Ячейка».

ВАХТАНГ КИКАБИДЗЕ.

ТАТЬЯНА ДОГИЛЕВА.

КРАСОТА–ЭТО СТРАШНАЯ СИЛА...

Фото Николая ГНИСЮКА

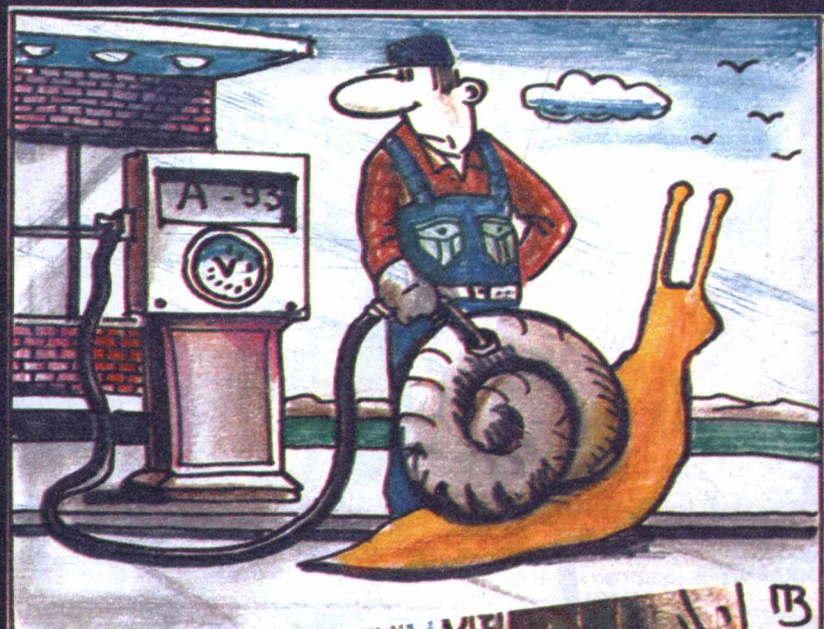
«Красота — это страшная сила!» — так говорила героиня Ф. Г. Раневской из фильма «Весна»...

Артист должен уметь все. И ничего не бояться — даже быть некрасивым. Что делать, в театре и в кино приходится играть порой такое, что и во сне не привидится. «И все же, какими вас не видели никогда?» — спросил фотохудожник Николай Гнисюк популярных (и, заметим, очень привлекательных) актеров. Кто-то задумался, кто-то удивился, но некоторые сразу ответили: «Вот такими!» И показали.

Правда, Татьяна Догилева при этом заявила: «Никакой ответственности за то, что наснимал Гнисюк, не несу. Он пообещал, что рожи будут корчить все, даже Ефремов. Ну я, конечно, в расчете на соседство с великими, а также в погоне за популярностью тут же... скорчила свою!»

АЛЛА ДЕМИДОВА.

ЕЛЕНА ЦЫПЛАКОВА.

Индекс 70663 ISSN 0131—0097

Многие любят сегодня психологические тесты, когда после ответов на разные каверзные вопросы, путем сложных подсчетов подтверждается то, что мы и сами о себе давно знаем.
И это приятно...
Мы попросили художника Виталия ПЕСКОВА составить первоапрельский изотест на обладание чувством юмора.
Он очень прост.
Сколько раз вы улыбнулись, разглядывая эти рисунки!
Пять! Значит, с юмором у вас все отлично.
Желаем это хорошее настроение сохранять круглый год!

ОГОНЁК

Цена номера 40 коп.